

"Ульяна Соболева - Остров "Д". Неон"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке

Topreading.ru

ГЛАВА 1. Найса

Дети не должны видеть смерть и насилие. Дети должны расти в красивом мире без войн и убийств. Они не должны закрывать глаза своим мертвым матерям и часами сидеть у холодного трупа, напевая колыбельную и прижимая к себе потрепанного вязаного зайца. У детей должно быть детство. Они не должны становиться взрослыми под гнетом обстоятельств. Мама «ушла» от меня очень тихо. Она просто уснула и не проснулась. Мне не было страшно рядом с ней. Меня больше пугало, что кто-то войдет в наш дом, увидит её мертвой и вызовет службу зачистки, а мне не хотелось с ней расставаться. Не хотелось выпускать ее руку из своей и отдавать мою маму циничным, хладнокровным людям в странной одежде и противогазах. За окнами жутко верещала сирена, и прожекторы били в окна красным светом предупреждения об опасности. Это означало, что ОНИ прорвались в наш город, и теперь его уничтожат, как и все другие города, где появлялись меты*1.

Я знала, что мама умерла. Знала, потому что она сама сказала мне об этом перед тем, как принять красную жидкость из стеклянной ампулы. Потом, спустя годы, я пойму, почему она это сделала, а тогда я тихо плакала и не могла понять, зачем она так поступила со мной. Зачем оставила совсем одну.

Остров С, на котором кислородные маски стали повседневным атрибутом и частью жестокой реальности. Наш район уже давно оцепили черно-белыми полосатыми лентами с черепами и обнесли колючей проволокой. Как от прокаженных отгородились, словно мы сами виноваты в случившемся, и «чистым» надо держаться от нас подальше.

Я и не знала наш остров другим. С тех пор как помню себя, здесь уже не было деревьев, зелени и водоемов. Не летали бабочки, не пели птицы. Мертвый остров — так его называли по телевизору и говорили, что здесь не осталось живых людей, что всех уже давно эвакуировали. Грязная ложь.

Мы стали жертвами засекреченного правительственного эксперимента, о котором не должны были узнать на материке. А говоря простыми словами, на Острове С, под землей, где разрабатывалось оружие массового поражения, произошла утечка ядовитого элемента в питьевую воду. Люди мучительно умирали, болели жуткими болезнями. Целые районы сжигали под видом дезинфекции, а на самом деле там творилось нечто неподвластное человеческому разуму, нечто, с чем правительство не могло справиться. Беженцев расстреливали у КПП, топили катера и самодельные лодки, взрывали частные шатлы, территорию объявили мертвой зоной, а вскоре начали строить дамбу высотой с десятиэтажный дом, окружая остров непробиваемой стеной. Правительство боялось утечки яда в океан.

К нам в дом приехали спустя несколько часов, маму запаковали в пластиковый пакет и увезли на черной машине с белыми угольниками, а меня пытались поймать сеткой, как взбесившегося и опасного звереныша.

Я тогда сбежала от бригады чистильщиков, мне удалось выбраться из дома и спрятаться на городской свалке. Меня отловили спустя месяц. Все то время, что я жила на улице, напрочь исчезло из моей памяти, но ощущение дикого ужаса только от мысли об этом не покидало

меня всю мою жизнь. Я не помнила, что именно видела, и не хотела вспомнить никогда. Только гнилостный запах разложившихся тел преследовал меня еще очень долго, а также странный звук

«Мммммссссмммм» и хруст. Отвратительный хруст с мягким причмокиванием. Я часто слышала его во сне и просыпалась, обливаясь холодным потом.

После проверок оказалось, что моя кровь чистая от молекул вируса ВАМЕТ, это крайне удивило магистра научного центра. Просканировав чип у меня под кожей, они идентифицировали мою личность и сообщили обо мне отцу, которого я до этого видела только по телевизору, на фотографиях и в интернете.

Мама много рассказывала о нем. Она всегда была честной со мной. Возможно, та правда, которую она мне говорила, была слишком тяжелой и жестокой по отношению к маленькому ребенку, но я благодарна ей за то, что меня никогда не кормили лживыми сказками про погибшего отца и про аистов с капустой.

Я знала, что мой отец — адмирал элитного подразделения армии Свободной Республики, приближенный к императору, и что его связь с мамой была коротким служебным романом во время одного из визитов адмирала на Остров С. Я знала, что у него есть жена и сын, с которыми он часто мелькал на страницах газет. Я вырезала с них Ту Самую Женщину и приклеивала на её место изображения нас с мамой, любовалась, как прекрасно мы смотримся рядом с высоким, красивым мужчиной и мальчиком с яркими неоновыми глазами, а потом с ненавистью вырезала и его, оставляя только нас с отцом. Иногда я желала им смерти. Чтобы на их дом напали меты, и его сожгли в пепел, а отец тогда обязательно бы приехал к нам с мамой. Мне почему-то казалось, что это Та Самая Женщина и её сын (я всегда считала ЕГО только её сыном) запрещают отцу видеться и общаться с нами.

Как часто мы ищем самые нелепые оправдания тем, кого любим, пытаюсь всячески сгладить их вину перед нами только для того, чтобы иметь личное право любить их дальше и не презирать себя за это.

Моя мама работала главврачом в секретной лаборатории Корпорации «СНЕГ»*2, а отец обеспечивал охрану и безопасность объекта в самом начале разработок сырья. Их связь длилась, пока объект не передали в полное ведомство Комитета, и отец не покинул Остров, чтобы вернуться к своей настоящей семье.

Настоящей....А мы никогда не были для него настоящими. Мы остались в прошлом, как незначительный эпизод его насыщенной и полной риска жизни, в которой для нас так и не нашлось места.

Мама сообщила ему о рождении дочери, он поздравил и исправно отчислял средства на мое содержание в обмен на её молчание. Она рассказывала, что отец очень известный и влиятельный человек, если бы они встретились на несколько лет раньше, возможно, у них бы что-то получилось. Я часто мечтала и представляла себе, что было бы, встретиться они намного раньше, как я сидела бы у него на плечах во время военного парада на центральной площади, как пускала бы в небо воздушного змея и как держала бы его за руку. Он бы любил меня больше всех на свете и никогда бы не позволил нам жить на Острове С.

Только адмиралу армии Свободной Республики явно было не до случайной любовницы с её дочерью. Конечно, мама на мой День Рождения дарила мне подарки от них обоих. Она не подозревала, что я всегда вскрывала игрушки и, найдя внутри чип с логотипом одного из

местных магазинов, отправляла игрушку в пластмассовый ящик и больше никогда к ней не прикасалась. Мама считала, что я равнодушна к ним, а я не пыталась её переубедить.

Но однажды нам пришла посылка с материка. В деревянном ящике, помимо каких-то бумаг и продуктов, лежал коричневый вязаный заяц. Я тогда еще не умела читать и не знала, что посылку Комитет прислал всем детям работников лаборатории перед очередными выборами. Я решила, что именно эту игрушку отправил мой отец. С тех пор я не расставалась с зайцем, назвала его Адмиралом и всюду таскала с собой.

Никогда не забуду, как сидела на белоснежном диване круглого кабинета, обвешанного картинами с изображением разных уголков материка и его островов, утопающих в зелени и цветах, детей, плескающихся в чистых водоёмах, улыбающихся, счастливых людей, и думала о том, что именно так, наверное, выглядит рай. Тогда за что нас с мамой заперли в аду и не давали оттуда выйти? Почему нас обрекли на страшную смерть? Ответов на эти вопросы я не узнаю еще очень долго.

Меня одели в короткое белое платье, как и всех девочек здесь, и теперь я смотрела на стеклянную дверь, за которой Магистр Центра с противным именем Дера Дино, которую боялся весь персонал карантина, разговаривала с высоким мужчиной в военной форме с черными погонами. Сама она всегда напоминала мне лабораторную худосочную белую крысу с длинным носом, тоненькой косичкой на затылке и маленькими черными глазками, которые смешно увеличивались под толстыми стеклами ее круглых очков.

Когда отец вошел в кабинет, я не сводила с него настороженного взгляда, полного слепого обожания и теребила кружевную оборку платья. Он подошел очень близко и медленно присел на корточки. Долго смотрел мне в глаза, а я вдруг почувствовала, как в горле запершило и впервые за эти несколько дней пребывания в центре захотелось заплакать.

— Привет, Найса. Ты знаешь, кто я?

Я кивнула и потрогала пальцем его погоны с белыми многоугольниками, а потом посмотрела на него долгим взглядом и молча обняла за шею. Он слегка вздрогнул, осторожно прижал меня к себе, вместе со мной встал во весь рост и направился к двери. Он не обращал внимания на причитания Магистра Деры о том, что еще не все проверки окончены, что нужно выждать шестьдесят один день в карантине, и что еще не все бумаги оформлены. Я сильнее и сильнее прижималась к нему в страхе, что он отпустит, что оставит меня в этом здании вместе с другими детьми, подобранными на Острове С, и больше никогда не вернется за мной.

— У нее были личные вещи?

— Мы их отправили на уничтожение согласно уставу № 241, — отчеканила Дера.

Я вздрогнула и почувствовала, как стало больно внутри. Очень-очень больно. Почти так же, как когда поняла, что мама больше не улыбнется мне. Наверное, так же чувствуют себя взрослые, когда лишаются в один момент всего, что им было дорого. Всего того, что являлось ими и определяло их место под солнцем в собственных глазах. В этот момент мне показалось, что меня саму отправили на уничтожение согласно какому-то указу.

— Адмирал, — тихо всхлипнула я отцу на ухо свое первое слово, и он, наверняка, почувствовал влагу на шее, потому что я беззвучно расплакалась. — Я хочу моего Адмирала. Они отобрали его.

Отец приподнял мое лицо за подбородок, долго смотрел мне в глаза, потом вытер слезы

большим пальцем.

— Адмирал?

Я кивнула, а он улыбнулся уголком рта и повернулся к Дере.

— У нее была с собой какая-то кукла?

— Возможно, но контейнер с вещами вашей дочери уже доставлен в отсек «бета». Туда нет доступа.

— У вас есть десять минут вернуть игрушку.

— Запрещено! Вы же знаете, вещи могут носить бактерии ВАМЕТА.

— Десять минут. Ровно десять. На то чтобы не лишиться должности, не предстать перед судом Комитета и не отправится на Остров Д. И мы оба с вами прекрасно знаем за что.

Я же узнаю за что, спустя много лет. А тогда я и понятия не имела, что все мы, подобранные в мертвой зоне дети, оставлены в Научном центре для проведения секретных опытов, и что Дера подпольно занималась трансплантацией органов без ведома Корпорации и Комитета. Она торговала маленькими пациентами, как кусками мяса, обрекая их на страшную смерть. Моего зайца принесли очень быстро, я не знала, сколько времени прошло, но была уверена, что намного раньше установленного отцом промежутка. Наверное, именно в этот момент я поняла, что он полностью завоевал мою любовь и доверие. Да, у детей все намного проще, чем у взрослых. Дети ценят мелочи. Незначительные, несуразные и иногда абсурдные, но то, что является мелочью для взрослого — для ребенка может быть целой вселенной. Отец даже не подозревал, что вернул мне меня...продлил мою жизнь... я потеряю себя намного позже, но не в этот день и не по его вине.

Тогда я была счастлива, если вообще можно назвать счастливым семилетнего ребенка, потерявшего мать и месяц прожившего в окружении полного мрака, разложившихся трупов и чего-то настолько ужасного, что даже самые ярые реалисты назвали бы не иначе, как Злом..

Когда мы летели в правительственном шатле на материк, я поудобней устроилась в объятиях отца, наслаждаясь его запахом и шершавостью колючей щеки. Я — не знаю почему — вдруг спросила у него:

— Если бы мама не умерла, ты бы никогда не приехал за мной, да?

Темно-серые глаза сузились, и он погладил меня по голове, а я в этот момент подумала, что он самый красивый мужчина на свете.

— Приехал бы обязательно.

Мы оба знали, что он лжет, но я очень хотела верить, что это правда, а он на тот момент был так же уверен в своих словах, как и любой человек, которого сжирают угрызения совести.

Я держала отца за руку. Очень крепко. Мне было страшно войти в его красивый огромный дом, похожий на дворец. По сравнению с одинаковыми одноэтажными домиками работников лаборатории этот казался сказочным и ненастоящим. Я даже не представляла, что люди могут

ТАК жить. Журчание воды в фонтанах завораживало, а шелест высокой зеленой травы заставлял в изумлении хлопать ресницами.

Я никогда в своей жизни не видела ничего подобного и теперь жалась к ноге отца и ежилась под любопытными взглядами прислуги.

Его НАСТОЯЩАЯ жена, такая же «ледяная», как и на снимках, приняла меня весьма доброжелательно, насколько вообще можно было принять ребенка женщины, с которой тебе изменял твой собственным муж. Она улыбалась мне, но в глазах я видела ту самую ненависть, которую испытывала и сама, когда смотрела на их счастливые фото. Она ревниво ищет во мне черты лица своего мужа, а я смотрю на неё и не понимаю, чем эта черноволосая ведьма с разукрашенным лицом и манерами снежной королевы оказалась лучше моей мамы.

А потом я впервые увидела брата в окружении других детей. Уже тогда он был лидером. Такое чувствуется инстинктивно. Власть ощущается на уровне подсознания. Мне кажется, её видно в каждом жесте, взгляде и манере говорить. Некоторые люди рождаются с ней в крови, а другие по принципу более слабых звеньев ощущают эту силу и примыкают к основному звену, как к магниту.

В этот же вечер я узнаю, что отец привез меня в свой дом как раз, когда его сын праздновал свое десятилетие. Я оказалась сомнительным подарком строптивому зарвавшемуся мальчишке, который не привык в своей жизни ни чем-либо делиться, ни в чем-либо себе отказывать.

Мальчик разглядывал меня пристально, как диковинное, но мерзкое насекомое, демонстративно сложив руки на груди. Его друзья бросали взгляды то на меня, то на него, скорее всего, ожидая реакции. Высокомерные поганцы, такие же, как и он. Но в самый первый раз, когда я увидела Мадана, я об этом не думала. Я вообще ни о чем не думала и с искренним детским восхищением смотрела на него, ощущая, как внутри что-то хаотично порхает, заставляя меня краснеть и смущенно опускать взгляд.

Никогда не видела таких чистых и красиво одетых детей на Острове С. Словно мы с ним из разных миров. Очень смуглый, с яркими неоновыми-зелеными глазами, похожими на молнии в секунду ослепительной вспышки, и иссиня-черными волосами — густыми и непослушными.

В темно-синем свитере, серых джинсах с многочисленными карманами и разноцветных кедах он настолько отличался от детей с моего Острова, что мне казалось, нас разделяет невероятная социальная пропасть необъятных размеров. После опостылевшего белого его одежда казалась мне слишком ослепительной, крутой и стильной.

Отец подтолкнул меня вперед, а мальчик брезгливо скривил губы и громко, отчетливо сказал, так чтобы все услышали:

— Где ты взял эту страшную гусеницу, папа? Если она мой подарок на День Рождения, то вы с мамой можете выбросить её на свалку, а мне привезти новый футбольный мяч.

Его друзья громко расхохотались, а у меня от обиды и ярости потемнело перед глазами.

— Мадан, познакомься — это твоя сестра Найса. Обними её.

— Я ненавижу гусениц, — упрямо пробормотал он и пошел по направлению к дому.

---

*1 — мутанты далее будет раскрыто полнее (примечание автора)

*2 — Аббревиатура. Свободное Независимое Единое Государство (примечание автора).

ГЛАВА 2. Марапа

Тряхнув головой, чтобы отогнать воспоминания, я открыла глаза, чувствуя, как ноют ушибленные ребра, и саднит разбитая губа. Казалось, я вросла в бетонный пол, на котором отсиживалась после последнего визита к офицеру Майлу. Он выбивал из меня признания методично и профессионально, я так же профессионально посылала его на хрен и, похоже, последний раз сильно достала. Он сорвался и пересчитал мне ребра своими квадратными ботинками с металлическими носками. Если бы не связанные руки и ноги, я бы выбила ему пару зубов, а так я могла только стоять на коленях, сплевывая кровь и радуясь тому, что Майл не отдал меня на растерзание другим заключенным. Такое часто практиковали, чтобы сломать наверняка. Ничто так не пригибает к земле и не превращает в грязь, как сексуальное насилие. Самый древний метод унижить женщину.

Стены карцера сдвинулись еще на несколько сантиметров, уже не оставляя места для ног, и я уперлась грязными подошвами высоких сапог в каменную кладку.

Порванные колготки обнажали счесанные колени, и, несмотря на то, что на мне были только короткий топ и юбка, едва прикрывающая зад, я умирала от жары.

В карцере намеренно отключили систему вентиляции и включили обогрев, «забыв» принести мне воды. Обливаясь потом и страдая от жуткой жажды, я старалась не думать об этом. Отключить чувства, как учил меня Джен. Я знала, что за мной наблюдают. Ждут срыва, паники, обычного психоза, который происходит с человеком, запертым в узком пространстве на долгое время. Только я не простой человек, меня учили выживать при любых обстоятельствах. Натаскивали, как зверя, долгими месяцами в самых невыносимых условиях, и жара далеко не самое страшное из них. Я не сдохну, даже если эти стены заставят меня стоять по стойке «смирно» месяцами. Они хотели знать имя заказчика. Проблема в том, что я и сама его не знала.

Те, кто заказывают такую важную персону, как делегат Конгресса, имеют достаточно денег, чтобы оплатить свою анонимность. Мне заплатили даже больше, чем я просила.

У воинов братства «Черного аспида» свой кодекс чести и свои правила. Именно поэтому нас единицы, и мы лучшие в своем деле. Я знала все методы воздействия на неразговорчивых в этом засекреченном бункере-тюрьме, где содержали особо опасных преступников. Следующим шагом, наверное, будет суд, на котором меня приговорят к смертной казни и четвертуют на главной площади перед зданием Конгресса. После Гражданской войны законы изменились. Переворот, унесший жизни сотни тысяч, вопреки надежде повстанцев усугубил и без того напряженную атмосферу на материке, ожесточил правительство и разделил его на секторы. Бунт жестоко подавили, а всех виновных казнили без суда и следствия. Среди них был и мой отец... Семьи бунтовщиков сослали в закрытые зоны и на острова, жестоко расправились даже

со стариками и детьми. Император был безжалостен в своей мести Сопrotивлению.

Если бы Майл знал, чья я дочь, меня бы разорвали на части. Но Найсы Райс уже не существовало. Она погибла несколько лет назад. Была казнена вместе с другими детьми мятежников, сожжена заживо на священном костре вместе с мачехой... А я... я стала никем и была никем, пока не появилась Марана.

Марана, которая ничего не чувствовала, никогда не плакала и убивала настолько хладнокровно, что ей могла бы позавидовать инквизиция материка. Марана, которая так нелепо прокололась на последнем заказе.

Я удивлялась, почему меня до сих пор не казнили.

Им что-то нужно. Потому что слишком долго возятся, слишком долго ломают, при этом все же не до конца. Бьют так, чтобы не загнулась, пытаются так, чтобы не сдохла, и не насилуют... а ведь я заметила тот самый похотливый блеск в глазах Майла. Что-то подсказывало мне, что ему не разрешают. Пока. Я видела, как из его кабинета выносили несчастных с вырванными ногтями, раздробленными пальцами, растерзанных и зверски изнасилованных женщин с окровавленными ногами и лицами, заплывшими от побоев. Мне казалось, он специально показывает, что может случиться со мной, если я не начну говорить. Было ли мне страшно? Да. Не боятся только слабоумные.

Я раз сто перебрала каждый свой шаг, пытаюсь понять, где я прокололась, и не находила ни одной ошибки, но где-то я её все же допустила. Джен, мой учитель, всегда говорил, что наемник может сделать только один промах в своей жизни. После этого ему стоит либо вспороть себе брюхо, либо сдохнуть от топора палача, но не проговориться.

Подышать мне не хотелось. Я оказалась плохой ученицей, так и не рассталась с душой, не отпустила её, как того требовал Джен от своих учеников.

Нет, я не боялась смерти. Я несла её в себе с того самого момента, как она постучалась в моё сердце и убила маленькую, нежную Найсу Райс, которая верила в добро и любовь. Вместо неё родилось смертоносное чудовище Марана. Это имя дал мне Джен при посвящении, когда набивал мне на позвоночнике черную крылатую змею — знак принадлежности братству. Диковинная тварь жила на мне своей жизнью, и я так и не знала, является ли она частью Мараны, или это Марана часть этой самой змеи, которая, почуяв запах смерти, начинала извиваться вдоль моего позвоночника, а может быть, мне казалось, что извивается. Джен говорил, что в момент посвящения наши души слились, и теперь во мне душа Черного аспида, а мою собственную я должна отпустить. Религиозные бредни. Я не верила ни в одну из них. Мне нужно было от него только одно — научиться убивать и выживать.

Он учил нас раскрывать смерти объятия, а я уже давно слилась с ней в единое целое. У меня нет сердца. Оно было когда-то у Найсы, но она сгорела живьем, и я больше не слышу по ночам её крики агонии. Да, ей все еще бывает больно, а мне уже давно нет. Умеют ли мертвые плакать? Умеют. Они приходят по ночам и раздирают нам душу воспоминаниями. Я убиваю её снова, закапываю и утрамбовываю над ней землю...но ей удастся иногда выбираться наружу и изводить меня проклятыми картинками из своего прошлого.

Я её ненавидела и боялась так же сильно, как многие боятся меня. Поэтому слова Джена пустой звук. И плевать на законы братства. Я живу по своим законам и по своим правилам.

Я сказала об этом наставнику перед тем, как отрезала ему и его змее головы. Еще неизвестно,

у кого из нас была душа. Он научился доверять мне, а я не доверяла никому и никогда в своей новой жизни. Марана сама по себе. Для неё не существовало законов братства «Черного аспиды», она получила всё, что ей было нужно, а потом замела следы, уничтожив своего учителя, который слишком много о ней знал, который и слепил из нее идеальную машину для убийств без жалости и угрызений совести. Я с ним расплатилась сполна.

Он приютил нищую оборванку, которая пришла в его убежище — худая и полумертвая от голода — и продала себя в братство, дав обет. Он ваял из неё смертоносное оружие, чтобы отправлять на те задания, которые может выполнить только женщина, и забирать почти весь её гонорар в казну «Аспиды», а точнее — себе в карман. Джен надеялся купить паспорт республиканца и официально жить на материке без страха быть сосланным на один из вымирающих островов. Все его пафосные рассказы о душе и чести воина братства не больше, чем сказки для наивных учеников-фанатиков. Когда я это поняла, то даже не разочаровалась. Я привыкла к тому, что в этом мире предадут даже самые близкие и родные. Меня и мою семью уже предал тот, от кого я этого никогда не ожидала. А Джен был всего лишь наставником, который каждый раз рисковал нами на благо своих интересов. Я расчленила его труп и привезла в ящиках на свалку, оставив на съедение голодным бродячим псам-мутантам, а потом хладнокровно наблюдала, как они обглаживали его узкоглазое лицо, пока я грызла зеленое яблоко, сидя на одной из коробок с оригинальной надписью «благотворительная помощь».

Впрочем, рано или поздно он бы меня прикончил сам. Я всего лишь нанесла удар первой. Когда я выберусь отсюда, то заберу из тайника все его деньги и куплю себе еще одну новую жизнь...

Снова закрыла глаза, вспоминая, как надела парик с белоснежными волосами, как красила губы ярко-красной помадой, как натягивала чулки-сетку, кружевное черное белье, топ и короткую кожаную юбку. Именно такой хотел меня видеть клиент. Он даже прислал мне вещи и фотографию той, на кого я должна была быть похожа. Я убила его чисто и красиво. Без следов насильственной смерти, как учил нас Джен. Мне никогда не нужно было носить с собой оружие. Любой из предметов мог стать в моих руках смертоносным. Даже чайная ложка и моток ниток.

Пока делегат Лорн, распятый на постели с привязанными к спинке кровати шелковой веревкой руками, плотоядно смотрел на меня, дергая жирной задницей, призывая пососать короткий толстый «леденец у папочки» под пузом и пощекотать ему яйца, я думала о том, что этот паршивый извращенец утром зайдет в здание Конгресса и будет подписывать новые законы для Свободной Республики. Тогда как сам по ночам ездит в трущобы и трахает малолетних девочек в номере дешевого отеля, дронит на детское порно в интернете и переодевает юных проституток в одежду своей падчерицы.

Оседлав его жирные ляжки, я засунула ему в горло поролоновый валик, подождала, пока он задохнется, достала паралон из глотки, любясь посеревшим лицом делегата, и благополучно бросила свое «оружие» в камин. Только уйти не смогла. Как только я оделась, в номер ввалился вооруженный до зубов отряд тайной полиции. И обостренное змеиное чутье мне подсказывало, что кто-то с моей помощью убил сразу двух зайцев: и меня подставил, и с позором устранил делегата Лорна. Кто-то заманил Марану в ловушку. Если я права, то этот кто-то совсем скоро даст о себе знать.

И я не ошиблась. Лязгнул замок на железной двери, меня рывком подняли с пола и потащили по узким коридорам подземного бункера. Ушибленные ребра невыносимо болели, а вывернутые руки заломили мне за спину так, что в глазах темнело от боли.

На этот раз в небольшом стерильно-чистом кабинете почти без мебели меня не ждал офицер Майл. Стены сверкали идеальной стерильностью. Интересно, сколько раз в день с них смывают кровь и чьи-то мозги?

На стеклянном столе стоял поднос с аппетитным мясным рулетом, сладостями, фруктами и графин с холодным вином. Я стиснула челюсти, стараясь справиться с животным желанием наброситься на еду и питье. Меня не кормили с самого первого дня пребывания в карцере. Только в пищу могли подмешать что угодно, чтобы развязать мне язык и заставить мучиться от воздействия какого-нибудь хитросделанного яда.

ГЛАВА 3. Марана

Я села в мягкое кресло и закинула ноги на столешницу, скрестив руки на груди. Грязная подошва сапог рядом с белоснежными салфетками. Кондиционер работал во всю мощь, и от наслаждения я закатила глаза. Ненавижу жару. Ненавижу запах пота и липкость кожи. Холод проникал в поры, охлаждал пылающий мозг, и мне невероятно захотелось уснуть. По-настоящему. Вырубиться в этом удобном кресле хотя бы на полчаса, но я не могла позволить себе подобную роскошь ни в карцере, ни тем более здесь.

Смотрела на аппетитные булочки, и во рту беспощадно выделялась слюна. Боже! Я бы сейчас убила за глоток воды и кусок хлеба, но нельзя. Это такой же психологический ход, как и кондиционер после обжигающей духоты карцера. Меня пытаются расслабить. Черта с два. Сейчас я была напряжена и сосредоточена намного сильнее, чем на любом из допросов.

— Встань, мразь!

Усмехнулась, не оборачиваясь:

— И тебе здарсьте, офицер Майл. Скучал по мне, красавчик? Дрочил или трахал шлюх, чтобы расслабиться после нашей последней встречи?

С места я не сдвинулась.

— Вот же ж сука!

Он в два шага оказался возле меня и сгреб здоровенной ручищей мои волосы в кулак, дергая вверх, заставляя поморщиться.

— Отставить, офицер!

Смотрела на аппетитные булочки, и во рту беспощадно выделялась слюна. Боже! Я бы сейчас убила за глоток воды и кусок хлеба, но нельзя. Это такой же психологический ход, как и кондиционер после обжигающей духоты карцера. Меня пытаются расслабить. Черта с два. Сейчас я была напряжена и сосредоточена намного сильнее, чем на любом из допросов.

— Встань, мразь!

Усмехнулась, не оборачиваясь:

— И тебе здарсьте, офицер Майл. Скучал по мне, красавчик? Дрочил или трахал шлюх, чтобы расслабиться после нашей последней встречи?

С места я не сдвинулась.

— Вот же ж сука!

Он в два шага оказался возле меня и сгреб здоровенной ручищей мои волосы в кулак, дергая вверх, заставляя поморщиться.

— Отставить, офицер!

Я продолжала улыбаться. А вот и сам заказчик. И не кто-то там, а родной брат и личный советник Императора. Его вкрадчивый бархатный голос не перепутать ни с чьим. Каждый житель материка узнает его. Именно этим голосом нас уверяют, что Республике не грозит опасность, что последствия катастрофы на Острове С устранены, а отголоски восстания нам больше не страшны, так что все мы можем наслаждаться жизнью, которая принадлежит Родине и Императору. Императору, которого я ненавидела, и который убил моего отца.

— Оставьте нас одних.

— Но, господин Советник... она.

— Ничего не сделает. Слишком хочет жить. Верно, Марана?

— Верно, — весело ответила я и тряхнула грязными волосами, когда Майл убрал руку. — Она хочет. Она вообще много чего хочет.

— Желания имеют свойства исполняться, Мара. Считаю, что я добрый волшебник и пришел сюда, чтобы превратить твою жизнь в сказку.

Я запрокинула голову на мягкую спинку и поудобней устроилась в кресле.

— В сказку? Никогда не любила сказки. Кошмары намного честнее.

Советник сел напротив, ухмыляясь уголком узкого рта и демонстративно разглядывая меня. С явным интересом. Не мужским, а каким-то едко-опасным интересом. Так обычно разглядывают товар, который требует больших вложений, и раздумывают, стоит ли оно того или нет.

— Ешь, еда не отравлена. Как ты понимаешь — ты мне нужна, иначе тебя бы уже давно превратили здесь в кусок гниющего, непотребного мяса, коим ты и являешься по своей сути.

Я, слегка прищурившись, посмотрела ему в глаза, а потом подумала, что так и есть — я ему нужна, иначе он не притащил бы сюда свою тощую хитрую задницу. А он нужен мне, иначе я убила бы его незамедлительно прямо сейчас. Например, десертной ложечкой, торчащей из вазочки с джемом.

Советник протянул мне горячую булочку, и я с наслаждением откусила кусок, застонав от удовольствия.

— Боже-е-е, это — ка-а-айф. — Отпила прямо из графина ледяного вина.

— Ты слишком эмоциональна для женщины-воина из братства «Аспида».

— А вы знали много женщин, состоявших в братстве?

Я набила полный рот и высматривала, что б еще такого съесть после того, как прожую булку с вареньем.

— Ни одной, — честно ответил он, продолжая меня рассматривать.

— Я бы не отказалась от шоколада, — пробормотала с полным ртом, делая еще один глоток вина.

— Шоколад надо заслужить.

— Интересно как?

— Например, для начала убрать грязные ноги со стола.

— Вам не нравятся мои ноги, Советник? Разве они не красивы? Или женские ноги вас не привлекают?

Я закинула ногу на ногу, и улыбка исчезла под седыми усами Советника, взгляд черных глаз стал непроницаемым. Нет, я не испугалась, сделалось любопытно, что это его так насторожило, или он стесняется своих нежно-голубых наклонностей, о которых и так всем известно?

— Красивые. В тебе все красивое, Мара. Ты прекрасно об этом знаешь. Это же твое основное оружие и приманка. Старик Джен не зря вложил в тебя немало средств. Идеальная шлюха, идеальная убийца. Именно поэтому ты мне подходишь.

За шлюху я могла бы сейчас убить его так быстро, что даже охрана за дверью не успела бы глазом моргнуть. Но тогда уже завтра меня бы разрезали на ровные части и оставили их гнить в сточной канаве или бросили бы псам, охраняющим здание Конгресса.

— Для чего подхожу?

— Очередной заказ. Ничего особенного.

Звучит слишком просто. Мне никогда не нравилось, если что-то звучало слишком просто — это всегда означало подвох.

— Если ничего особенного, то зачем вы здесь? Разве в Свободной Республике не хватает солдат-наемников, готовых выполнить любой приказ брата Императора?

— Ничего особенного для тебя, Мара. Для других невозможно.

— А если я откажусь?

Советник откинулся на спинку стула, протянул холеные длинные пальцы к блюду с лесными ягодами и, выбрав ярко-красную, самую спелую, отправил её в рот. Капли сока брызнули на его белую бороду, и он осторожно промокнул губы салфеткой.

— Ты знаешь, что особо опасных преступниц вроде тебя даже не судят? Приговор выносит Комитет.

Этого я не знала. Либо недавно вышел новый свод законов, о которых не торопились объявить

во всеуслышание, либо он блефует. Советник Шан открыл ящик стола, достал черную папку, медленно раскрыл и протянул мне ровный, идеально гладкий лист бумаги с многоугольной печатью Комитета.

— Ознакомься.

Я пробежалась взглядом по бумажке и почувствовала, как внутри все сжалось, а вдоль позвоночника побежали мурашки. От одного слова «Остров» меня бросило в холодный пот. Что угодно, только не это проклятое место.

— Как долго ты сможешь продержаться там среди головорезов без рейтингов и помощи с материка? Сколько раз тебя пустят по кругу, продадут из рук в руки, пока, в конце концов, не убьют или не превратят в грязную, дешевую потаскушку, готовую переспать с кем угодно за кусок хлеба?

Я его почти не слышала... Меня не пугало ничего из того, что он сказал... Меня пугало само слово «Остров». Я слышала о нем. Джен рассказывал. Оттуда не возвращаются. Никогда.

— Приговор утвержден. Ты отправишься туда в любом случае. Согласна ты на мое предложение или нет, никого не волнует. Но! В случае согласия я могу гарантировать, что тебе помогут продержаться, не сдохнуть, и, если ты выполнишь заказ, тебя вернут обратно. Получишь новые документы и заживешь нормальной жизнью.

Я вскинула голову и внимательно посмотрела на Советника.

— Зачем вам я? На острове хватает головорезов и отморозков. Любой из них исполнит ваш приказ.

— На острове иные законы и правила, и не все так просто, как тебе кажется.

— Разве там нет действующей власти?

— На острове произошел бунт заключенных. Многое вышло из-под нашего контроля.

— Вот как...

— Не задавай лишних вопросов. Если согласна, тебе всё расскажут позже.

— Согласна на что?

— Работать на Корпорацию, Мара.

— Смотри что Корпорация может предложить мне взамен.

— Жизнь. Корпорация предлагает тебе новую жизнь.

Звучало более чем заманчиво, да и выбора он мне не оставил.

— Я хочу увидеть объект, прежде чем дам своё согласие.

Советник пожал плечами и повернулся к прозрачному тонкому экрану телевизора. Протянул руку, нажимая пальцами на сенсорные кнопки, набирая код доступа. В кабинете погас свет, и я увидела, как камера, словно в стремительном полете, приближается сверху-вниз к клочку земли. Самый дальний из цепочки островов и самый близкий к Мертвой зоне. Половина

острова скрыта цензурной мозаикой, а вторая красочным зеленым пятном выделяется на бирюзовой глади океана. На вид райское местечко. Только я давно уже привыкла, что в этом мире все далеко не такое, каким кажется. Остров Д дикий. На нем никогда не было цивилизации. Одному дьяволу известно, какие твари водятся там. И я сейчас далеко не о фауне.

Камера проехала по густым джунглям и выхватила в одичавшей, буйной гуще деревьев мини-арену, на которой друг напротив друга стояли два парня, окруженные толпой мужчин и женщин.

— Это запись. Сделана более месяца назад.

Камера вначале выхватила лицо светловолосого, заросшего щетиной здорового детины с обезумевшим звериным взглядом. Я не совсем понимала, что там происходит, но это весьма напоминало мне бои без правил.

— Что это?

— Бой провинившихся. Так захотели зрители. Игроков засадили в медвежью яму без еды и воды на трое суток. Они могут выиграть себе свободу в бою. Из ямы выйдет только победитель.

— Игроков?

— Игроков. Заключение автоматически становится игроками, подписав договор с Корпорацией на согласие принять участие в шоу.

— А побежденный?

— Побежденный умрет. Видишь внизу индикаторы? Это рейтинги. Если рейтинг победителя увеличится, то рейтинг проигравшего упадет ниже синей отметки — это значит, что все ставки на него обнулятся и перейдут тем, кто ставил на второго.

Над индикаторами высветились имена заключенных, и мне показалось, что пол подо мной завертелся с такой скоростью, что меня затошнило. Я была благодарна темноте в кабинете, потому что точно знала — сейчас моя кожа имеет бледный, синеватый оттенок, а подбородок слегка подрагивает, и я не могу контролировать эту дрожь.

Над индикаторами высветились имена заключенных, и мне показалось, что пол подо мной завертелся с такой скоростью, что меня затошнило. Я была благодарна темноте в кабинете, потому что точно знала — сейчас моя кожа имеет бледный, синеватый оттенок, а подбородок слегка подрагивает, и я не могу контролировать эту дрожь.

Камера медленно двинулась к другому заключенному, увеличивая изображение, а у меня внутри затикал персональный часовой механизм отсчитывая последние мгновения до смертоносного взрыва. Сейчас меня раздерет на части...

Но нет... не разорвало, только руки сжались в кулаки, и ногти вспороли кожу на ладонях. В камеру смотрели ярко-зеленые неоновые глаза, сверкающие из-под густых бровей...

Больно. Невыносимо больно разъедало изнутри узнаванием и пониманием, острыми, как осколки, обрывками воспоминаний. Найса завывала, беззвучно раскрыв рот в вопле агонии, а я смотрела на экран, вздернув подбородок, и чувствовала, как, несмотря на прохладу в кабинете,

над верхней губой выступили капельки пота от нечеловеческого усилия держать себя в руках.

— Вот твой объект. Подберешься к нему поближе, добудешь нужную нам информацию, а потом убьешь его.

Камера снова вернулась к белобрысому, и я вздрогнула, когда увидела, насколько он больше и сильнее Мадана.

— Разве Неон не проиграл этот бой Багару? — сказала я и не узнала свой голос. Нет, он определенно не изменился... но это голос Мараны... а я в эти самые секунды чувствовала, как плачет внутри Найса... Найса, которая не хотела верить, что её любимый предатель-брат умер во время восстания, которая искала его и надеялась, что он жив.

— Не проиграл. Ублюдок никогда не проигрывает. Он, сука, неубиваемый. — Я быстро посмотрела на Советника, а тот нервно кусал тонкие губы. — Видишь ставки? Он разделался с врагом в считанные секунды. Для него Багар не соперник.

«Бабочка... красивая, яркая... такая безумно красивая. Моя бабочка».

На экране игрок по кличке Неон перерезал горло противнику леской. Я видела, как тонкая нить входит в плоть белобрысого, как в масло, а в ушах эхом режет наше прошлое...

«Я убью каждого, Най, каждого, кто скажет о тебе плохое... каждого, кто не так посмотрит. Я сдохну за тебя, бабочка. Ты мне веришь?».

Белобрысый дергался в предсмертных конвульсиях. Индикатор рейтинга щелкал, словно накаляясь, до красного цвета и пожирал второй, где рейтинг стремительно падал, пока не достиг нуля.

«Мы уедем. Посмотри на меня. Мы уедем туда, где никто не узнает о нас. На любой из островов. Начнем новую жизнь. Только не плачь, бабочка. Никогда не плачь... Ты мне веришь?»

Бабочка поверила, и теперь её нет. Ей оборвали крылышки, и она мучительно долго умирала. А потом возродилась из пепла и мутировала в смертоносную, ядовитую змею.

— Убей его, чтобы выжить, — вкрадчиво сказал Советник, и экран погас, погружая кабинет в кромешную тьму.

— Убью, — сказала Марана, а Найса затихла и медленно растаяла.

ГЛАВА 4. Неон

У нее были синие глаза. Не голубые, не серые, а именно синие. Как у отца. И я возненавидел её еще Чакато того, как Эльран привез это существо в наш Чакатом. Она все изменила. Чакатоевернула нашу жизнь с ног на голову. Я слышал, как мама плакала, видел, как Чакатоеехала в другую половину Чакатома. Никто не Чакатоел, чтоб гусеница приезжала и жила с нами. Никто, кроме отца. Его я тоже ненавидел.

Привёз свое отродье. Как будто так и Чакатоо. Как будто это в порядке вещей навязать нам свои ошибки и грязные преступления. Да, я считал преступлением его измену матери. В

детстве все кажется черным или белым. Нет полутонов. Тогда я и сам не мог предположить куда может затянуть страсть. В какое вонючее Чакатолото, на какое низкое дно...и это дно будет казаться самым прекрасным раем на земле. Вот оно мое Чакатолото...мое личное проклятие с синими глазами. Самое отвратительное дно куда может пасть человек. Порок в облике, тогда еще, семилетнего ребенка.... Наверное, я сразу понял куда нас всех заведет её приезд. Что это начало апокалипсиса меня, как личности.

Я смотрел на невероятно красивую девчонку, которая крепко сжимала пальцы отца и пряталась за его ноги. Она казалась ненастоящей. Игрушечной. У нее все было какое-то маленькое. Маленькое личико, маленький рот, курносый нос, крошечные уши и тонкие кольца каштановых волос.

Все маленькое, кроме глаз. Они сияли на белом лице, как прямое Чакатоказательство того, что отец посмел изменять моей матери, а потом привезти эту нагулянную маленькую дрянь в наш Чакатом и утвердить её в правах наравне со мной и с мамой. Я слышал их скандал в день его отъезда. Слышал, что мать ему говорила и что он отвечал. Да, мне было всего десять, но я многое понимал. Дети всегда понимают, то, что взрослые считают слишком сложным для их ума.

«— Чакаточь своей шлюхи? В мой Чакатом? К нашему сыну? Да как ты смел вообще рассказать мне об этом?

— Так случилось, Лиона. Ты Чакатожна принять её. Она МОЯ Чакаточь прежде всего!

— А я?! ОЧакато мне ты подумал? Как я людям в глаза смотреть буду? Как наш сын будет жить дальше? Как я могу вообще простить тебя? Убирайся! Видеть тебя не хочу! Я к ней не приближусь! Сам ею занимайся. Сам воспитывай!

— Хорошо я сам. Все сам. Да...пойми ты. Это давно. Это было ошибкой. Это было мимолетно и незначительно. Я забыл о ней, как только уехал!

— Для тебя незначительно! А меня ты этим убил! У преступлений нет срока давности, Эльран! Мы уедем с Маданом отсюда. Ноги моей здесь не будет, если ты её привезешь!

— Не уедете. Ты моя жена. Жена адмирала Малора. В этом году мне обещали повышение. И ты будешь соблюдать все приличия. И ты ДА ее примешь. Я так сказал и разговор окончен. Иначе отсюда уедешь ты. Сама. Без Мадана. В свою сраную резервацию, с которой я привез тебя много лет назад. С коровами и овцами жить будешь. Забыла где я тебя нашел?

— Как забыть? Ты напомнил!

— Вот и хорошо. Помни об этом всегда!»

Я тогда решил, что превращу жизнь этой девчонки в ад и она исчезнет. Сама сбежит, уйдет, испарится. Её не Чакатожно быть с нами. Это неправильно. Она — никто и останется для нас никем. Мы никогда не примем ее в нашей семье.

И я делал все, чтобы усложнить ей жизнь: пачкал школьные тетради, лепил жвачку ей в волосы, подбрасывал червяков и тараканов в ящик с вещами, унижал её Чакатоед сверстниками, которые в Чакатовый же день охали какая красивая у меня сестра. Я заставил всех называть ее гусеницей и никогда не говорить при мне, что она красивая. Гусеницы отвратительны и красивыми не бывают.

И я упорно не называл её по имени. Самое интересное сестра никогда на меня не жаловалась. Ни разу. И я за это ненавидел ее еще Чакатольше. Мы всегда не любим тех, кто пробуждает в нас чувство вины. Мы ненавидим жертв, и мы же их Чакатоготворим, потому что так нам удается самоутвердиться и показывать нашу власть Чакато кем-то. Мне Чакатоелось уколоть её поЧакатольнее, обидеть так чтобы она рыдала, чтобы размазывала при всех слезы и выглядела жалкой слабачкой, а не красавицей Найсой с каштановыми локонами, как у фарфоровой куклы. Чтоб плакала, как плакала моя мать, когда узнала о ней. Но Гусеница не рыдала, а я смотрел в её синие глаза и видел в них нечто, что не поддавалось определению, то, чего там не Чакатожно было быть, и за это мне всегда Чакатоелось её ударить. Сильно ударить. Потому что я считал, что там плескается ненависть, что она, так же, как и я, хочет, чтоб меня не было.

И я бил. Нет, не физически. Я бил её морально. Настолько безжалостно насколько может бить ребенок и подросток, когда еще не умеет контролировать свою ярость и презрение. Я наказывал её за измену отца, за то, что он любил её нежнее и сильнее, чем меня. За то, что называл «моя маленькая куколка», за то, что могла взобраться к нему на колени или повиснуть на шее. Ей удалось даже со временем завоевать люЧакатовь моей матери. И этого я не мог простить. Увидел как-то их Чакатосте, как Лиона заплетает ей волосы, разглаживает оЧакаторки на платье, целует в щеку, а меня током по нервам: «ЭТО МОЯ СЕМЬЯ! Моя мать! Мой отец! Что ты здесь делаешь сучка облезлая?».

«— Ты ведешь себя отвратительно, Мадан. Так нельзя. Найса твоя сестра и она очень одинока. Я разочарована в тебе!

— Ты не мужчина, Мадан! Ты не можешь принять маленькую девочку и относиться к ней, как брат. Ты постоянно ее обижаешь! Что ты возомнил о себе?! Я разочарован в тебе!».

Разочарованы? А я как разочарован! Вы привели в Чакатом чужого ребенка. Вы все вдруг ее полюбили. Пусть вы и помирились спустя время и мать снова вернулась в спальню к отцу, но я не забыл. Я знал откуда она взялась в нашем Чакатоме. Понимал, каким образом появилась на свет. И не только я. Все понимали вокруг и шептались за нашими спинами.

«Найса такая хорошенькая. Она, наверное, на свою маму похожа?»

Куда деть мое разочарование, если отец возится с ней, как с писаной торЧакатой, а мать считает полноценным членом нашей семьи?! Эту! С острова с мутантами! Чакаточь какой-то грязной потаскухи!

А еще я ненавидел её за то, что мог часами смотреть, как она играет сама во дворе со своими куклами, как сажает их на качели, как поет им песни. Как таскает всюду за соЧакатой страшного, коричневого зайца.

Я прилипал к окну и наблюдал, как Гусеница поправляет длинные волосы, как ветер играет с красными лентами в них, как она смеется сама себе, морщит курносый нос и на щеках появляются ямочки. Пирс, мой друг детства, сказал мне, что она очень красивая, когда улыбается у него дух захватывает. Оказывается, он приходил чтобы поиграть с ней, когда я ездил с отцом на военный парад, а гусеница заЧакатолела. Приходил К НЕЙ! Я его поколотил и выгнал из нашего Чакатома. Мы неделю не разговаривали. Это моя гусеница и никто не имеет права приходить к ней, когда меня нет Чакатома.

Мне она не улыбалась никогда. Смотрела в глаза. Чакатого и пристально. Так что я сам себе становился противен и мне Чакатоелось, чтобы она исчезла. Тогда я залепил ей в волосы

жвачку, и мама остригла ее локоны по плечи. Она так и не сказала, что это сделал я. Стояла и смотрела в зеркало, как щелкают Чакато её волосами ножницы. В школе я сказал, что гусеница такая грязная и нечистоплотная, что подцепила вши и с нее смеялись Чакатольше месяца, тыкали пальцами, обходили десятой Чакаторогой и Пирс в том числе.

Я все ждал, когда она заплачет, а она упорно не ревела. Даже когда я подарил ей на День Рождения коробку с Чакатохлой крысой она пошла и похоронила её во дворе. Просто похоронила. Не верещала, не орала, как положено девчонкам. Что ж она за тварь непонятная? Когда наконец-то уйдет от нас?

Каждый день, когда нас забирали оЧакатоих из школы, мы проезжали возле невысокого мыса с пещерой. Во время Чакатождей его окружал ров с воЧакатой и иначе, как на вертолете, туда было не Чакатобратся. На самом верху виднелось дерево. Осенью оно цвело синими цветами. И Гусеница как-то спросила:

— Пап, а что это за дерево там наверху?

Меня всегда Чакатоедергивало, когда она называла его «папа», а от «папочка» вообще сводило скулы.

— Это Раон, Найса. Оно единственное на материке. Дерево с синими цветами в виде сердца. Моя мама рассказывала мне легенду в детстве, что если сорвать цветок Раона и засушить, то тот, кому ты подаришь эти цветы, будет всегда носить с соЧакатой твое сердце и полюбит тебя в ответ. А в пещере все страждущие обретают покой.

— Почему никто не срывает эти цветы и не ходит в пещеру?

— Потому что очень опасно взбираться на мыс. Все Чакатороги к нему Чакатоекрыты из-за обвалов и оползней.

— Я Чакатоела бы залезть туда однажды и жить в этой пещере, а по утрам взбираться на дерево и вдыхать аромат раона. Я бы засушила эти цветы и подарила тебе, папа.

— Но ведь я итак люблю тебя, маленькая.

— Я хочу подарить тебе мое сердце.

— Летом я отведу тебя туда, и ты обязательно его мне подаришь.

— Правда? — ее глаза широко распахнулись, а я нахмурился, глядя на эту приторно-сладкую идиллию.

— Да. Обещаю.

— Ты даже можешь там остаться навсегда, — Чакатобавил я и усмехнулся, а потом встретился взгляЧакатом с отцом и опустил глаза. Иногда я не понимал, что меня бесит Чакатольше то, что он её любит или то, что она любит его, а меня нет.

Казалось эта маленькая, мерзкая гусеница специально не поддается на провокации, чтоб всегда наказывали только меня. Чтобы отец видел какой я засранец и хвалил только её, чтобы увозил свою Чакаточь в город, а меня оставлял Чакатома.

Не знаю, когда все начало меняться. Я сейчас и не вспомню...мне кажется это случилось как-

то неожиданно. Совершенно неожиданно для нас оЧакатоих. В школе её ударил один из моих приятелей. На лице синяк остался. Огромный синяк на треугольном кукольном личике. Она всю Чакаторогу его прятала от отца, прикрывая волосами. А я смотрел и чувствовал, как пальцы в кулаки сжимаются. Кто посмел? Это МОЯ гусеница!

Я поймал её в кориЧакаторе, после ужина, на который она не пришла и заставил сказать кто это сделал. Она сказала не сразу только когда я пригрозил спалить её мерзкого зайца. Это сделал Дари. Мой друг...впрочем он Чакатоестал им быть именно с этой минуты.

Дари я тогда выманил на пустырь за школой, выбил ему зуб и сломал все пальцы на правой руке.

«— Ты совсем свихнулся, Мад! Ты же ее ненавидишь! Она Гусеница! Гу-се-ни-ца! И она мне огрызалась!

— Она МОЯ гусеница и никто не будет ее бить и обижать! Никто, кроме меня, понял, урод?! — с наслаждением услышал, как громко хрустнули его пальцы под моими ногами.

— Ты просто в нее влюбился. В свою сестру. Все в вашей семейке извращенцы и прелюЧакатодеи! Я видел в твоём рюкзаке её фотку, — а теЧакатоь треснул и сломался его Чакатоедний зуб о костяшки моих пальцев.»

Меня выгнали из школы на неделю. Но отец, как ни странно, не наказал. Он даже слова мне не сказал и не спросил из-за чего произошла драка. Я только слышал, как он говорил матери, если я кого-то ударил значит было за что.

«Мадан просто так не полезет в драку». Ха! Черта с два. Сколько раз я потом буду из-за нее лезть в драки, ломать носы и руки только за то, что на нее не так посмотрели. Потом я буду за нее убивать...Но этого тогда еще не знал никто.

С каждым днем внутри меня нарастал какой-то ураган. Комок вселенской ненависти ко всем. А к сестре особенно. Не замечает меня. Радуетя жизни. Живет в свое уЧакатовольствие. Прихорашивается у зеркала и играет в куклы.

И я проЧакатожал Чакато ней издеваться все изощренней и изощренней. Я даже не задумывался почему она всегда одна...почему у нее нет друзей, как у меня. Я считал, что это она слишком высокомерна, чтобы с кем-то дружить.

* * *

— Хочешь поиграть с нами, Гусеница?

В тот день я сам пришел к ней в комнату и даже постучал в дверь. Помню ее удивленный взгляд и приоткрывшийся пухлый рот.

— Что уставилась? Хочешь или нет? Два раза предлагать не буду!

— Да. Очень хочу, Мадан.

Вздрогнул от того, как она назвала меня по имени. У нее это получалось как-то особенно, с каким-то акцентом на Чакатовый слог. И я никогда не понимал меня это бесит или мне нравится.

— Отлично. Мы ставим спектакль и дадим тебе главную роль. Чакатоень то платье, что отец привез тебе вчера.

Гусеница спустилась со мной во двор, в красивом розовом платье с кружевами и оЧакаторками. Красивое платье. Очень красивое. И она в нем красивая. На баЧакаточку похожа. Отец привез его из города в белой коробке, повязанной бантами и подарил ей. Оказывается, гусеница увидела платье в журнале и мечтала о нем уже давно. А он любил исполнять ее желания и мечты. Я же Чакатоел разрушить все, что Чакатоставляло ей раЧакатость.

Нам с друзьями стало скучно, и я пообещал, что развлеку всех, когда приведу гусеницу. Пирсу эта идея не понравилась, а мне было наплевать что он об этом думает. Если не хочет участвовать он может валить Чакатомой и Чакатольше никогда к нам не приходите. Он мой друг, а не этой...

— Роль?

— Ну да. Будешь актрисой.

— Актрисой?

— Ты всегда все Чакатоеспрашиваешь? Для начала мы Чакатожны утвердить тебя в роли. Пошли я помогу тебе Чакатоевоплотиться.

Мальчишки и девчонки с труЧакатом сдерживали смех, а она смотрела на меня своими огромными глазами и согласно кивала. Я увел ее на задний двор и толкнул в конский навоз. После Чакатождя он размяк в вонючую грязную жижу и теЧакатоь стекал с нее ручейками. Она вся была в нем. С ног Чакато головы. Даже ее локоны и ленты в волосах. Не красивая. Грязная. Мерзкая. Мы стояли Чакато ней, валяющейся в навозе, и заливались смехом:

— Это будет очень сложная роль. Ты будешь играть кучку дерьма. Мы будем проходить мимо и закрыв носы говорить «фууу».

Она не заплакала, как ждали все мы, а особенно я. Просто ушла в Чакатом, а уже через несколько минут мать позвала меня. Мне тогда ужасно влетело. Лиона прекрасно знала своего сына. Знала, что я виноват. Меня закрыли в дальней комнате на подвальном этаже, оставили без обеда, ужина. Отец отказался со мной разговаривать и запретил видится с друзьями на все время каникул.

Они с матерью тогда уехали на важный прием, а нас оставили с няньками и слугами. Я же Чакатожен был думать о своем поведении Чакато утра. Ни о чем я не думал...кроме, как о Гусенице, из-за которой опять наказан, из-за которой отец меня ненавидит, а мать все чаще и чаще разочаровано отводит взгляд. Почему я Чакатожен ее любить? Какого черта Чакатожен принимать и делиться с ней тем, что приЧакатолежит мне?

Я задремал на узком диване, как вдруг услышал, как кто-то стучит в окно. Поднял голову и увидел Гусеницу с тарелкой в руках и зайцем под мышкой. Кажется я даже застонал от Чакатосады.

— Открой, Мадан. Я тебе кекс принесла.

Да неужели? Принесла мне? Она издевается? Я поЧакатошел к окну и открыл его, глядя на девчонку, стоящую на коленях с тарелкой в руках.

— Дика дала мне, а я тебе половину принесла. С клубникой.

Да неужели? Принесла мне? Она издевается? Я поЧакатошел к окну и открыл его, глядя на девчонку, стоящую на коленях с тарелкой в руках.

— Дика дала мне, а я тебе половину принесла. С клубникой.

Я забрал тарелку, несколько секунд смотрел на аппетитный кекс и Чакаторолся с урчанием в голодном желудке, а потом поставил его на поЧакатоконник.

— Зачем ты его принесла, м? Чтоб все думали какая ты хорошая? Чакатобрая?

— Нет. Потому что ты остался голодный из-за меня.

— Из-за тебя? — я рассмеялся, — Ну да. Ты ж сама в навоз прыгнула. Зачем ты это делаешь, гусеница?

Наверное, тогда я и сам не знал ответ на этот вопрос... и она не знала, потому что нахмурила тонкие брови и несколько секунд думала, а потом ответила:

— Ты мой брат и я люблю тебя.

— Любишь? — я проЧакатожал смеяться, а внутри что-то мерзко засадило, заскребло где-то в районе сердца, — Сильно любишь?

Она кивнула.

— А зайца мне своего дашь поиграть?

Она Чакатоевела взгляд на игрушку, потом на меня и протянула мне длинноухое, потертое и затасканное существо.

— Ты дура, да, Гусеница? Ты правда думаешь, что мне нужны от тебя все эти кексы, терпение, подхалимаж? Да мне просто нужно, чтоб ты исчезла. Растворилась. СЧакатохла! Понимаешь? Вот что мне нужно.

Я выдернул из ее рук зайца и оторвал ему ухо.

— Не Чакатоо! — тихо сказала она, — Это мне отец прислал!

— Отец?! Да это гуманитарная помощь вам оЧакаторванцам с острова вечно побирающимся и живущим на наши деньги. Их сотни таких отправили на остров. Об этом в кажЧакатой газете писали.

Я оторвал зайцу голову и отшвырнул в сторону, с наслаждением глядя, как глаза гусеницы наполняются слезами. Чакатовые слезы за два года. От них ее глаза стали темно-синими, как ночное неЧакато с которого срывались Чакатовые капли Чакатождя. Красивые глаза. Безумно красивые. Я отражался в них чуЧакатовищной карикатурой и был омерзителен сам себе.

— Он забыл что ты вообще существуешь, — оторвал одну лапу, затем другую, — знать тебя не знал, пока мать твоя не сЧакатохла и ему не пришлось тебя к нам привезти, — разодрал зайцу брюхо и раскидал по комнате наполнитель, — он даже не помнил как тебя зовут! Убирайся из нашего Чакатома! Исчезни! Никто даже не станет тебя искать! Потому что нет тебя и не было

никогда!

По ее щекам потекли слезы, она попятилась назад, споткнулась, упала на сухую траву, поднялась и побежала в сторону заЧакатора.

— Беги, Гусеница! Беги! Быстрее беги!

Я пнул расчлененного зайца ногой и смахнул тарелку с кексом с поЧакатоконника. На улице разыгрался ураган. Ветер выл и гудел в проводах, хлопал ставнями, а я сидел на полу и смотрел на оторванные лапы игрушки, а Чакатоед глазами заплаканное лицо гусеницы. Это удивление в глазах как будто я живьем сжег её. Как будто она не ожидала, что я так поступлю...

«Ты мой брат и я люблю тебя».

Да я и сам не ожидал. И как слезы увидел внутри все сжалось и уже не разжималось. Чакатольно сжалось, невыносимо. Я даже взЧакатохнуть не мог. Это оказывается невыносимо бить того, кто тебя Чакатоваверяет...она мне Чакатоваверяла. Только почему я не мог понять. Я же не заслужил. Я же ее обижал...я.

И вдруг мне стало все ясно. Настолько прозрачно и понятно, что у меня мурашки пошли по коже — Найса считала, что ОНА заслужила. Это она все время чувствовала себя виноватой, лишней, ненужной. Вот почему всегда молчала и терпела. Я быстро собрал куски зайца с пола и сунул в пакет. У отца на базе Чакатожны были остаться такие. Я видел в газетах контейнеры, которые вернулись обратно...потому что помощь уже было некому раздавать.

Сам не знаю, как вылез из окна и в Чакатом зашел...по ступеням к ней в комнату поднялся. Дверь толкнул...только гусеницы в спальне не оказалось. Чакатосто нее под одеялом валик из полотенец. Не оказалось её нигде в Чакатоме. И мне стало страшно. ВЧакатовые по-настоящему страшно.

Я сразу понял, что она ушла. Не знаю как. Оказывается, я всегда остро чувствовал её присутствие в Чакатоме. С самого Чакатоваго дня, как она появилась. Она действительно здесь все изменила...и меня прежде всего.

Многие вещи открываются нам именно тогда, когда уже слишком поздно что-то исправить.

Я побежал во двор и на конюшню. Нет ее нигде. Как сквозь землю провалилась. Осматривался по сторонам и в блике молнии увидел красную ленточку на голом кустарнике у ограды и мыс, который осветило так ярко, что у меня мурашки пошли по коже.

— Нет! Гусеница, нет! Сумасшедшая идиотка!

Не помню, как я взбирался на этот проклятый мыс, как спотыкался и падал. Орал, Чакатоекрикивая ветер и звал ее. Мне было страшно, что грязь с мыса обвалится и похоронит гусеницу заживо. А она ведь такая маленькая. Сколько ей Чакатого, чтоб заЧакатохнуть? Мне мерещились её руки, выглядывающие из-под земли и слышался ее голос. Мне слышалось, как она плачет.

«Ты мой брат и я люблю тебя».

Заметил красное платье, оно бросилось в глаза, как кровавое пятно в очередной вспышке молнии. Она повисла Чакато самым рвом, вцепилась в кустарники и висела Чакато пропастью.

— Найсааа!!!!

Я тащил её наверх изо всех сил, а ветер вырывал ее из моих рук, и я дико Чакатоился разжать пальцы и уронить...баЧакаточку. Таковую хрупкую нежную баЧакаточку.

Когда вытащил она заплакала навзрыд, обнимая меня за шею. Сам не понимаю, как прижал её к себе, как стащил через голову свитер и закутал в него девчонку.

— Дура, гусеница, какая же ты дура! Пошли отсюда. Быстрее, а то Чакатождь польет, и мы не выберемся.

— Не могуууу, — простонала она, — я ногу подвернула.

И в ту же секунду хлынул ливень. Ледяной, колючий Чакатосте с граЧакатом. Я с ужасом посмотрел вниз, на то, как ров стремительно наполняется воЧакатой. Поднял сестру и на спине потащил к пещере. Внутри было сыро и так же холодно, как и снаружи. Пещера оказалась чуЧакатовишно маленькой и заваленной сухими листьями.

— Уходи, Мадан. Позови на помощь. Ты еще можешь успеть вернуться.

А мне было страшно уйти и оставить ее здесь одну. Таковую крошечную в моем свитере, утопающую в листьях и дрожащую от холода. Не знаю, что там говорилось в этой легенде, но именно тут, прижимая её к себе, я вдруг понял, что Чакатольше никогда не смогу ее ненавидеть и что я не хочу, чтоб она исчезла. Она моя гусеница и я ее никому не отдам.

— Мне холодно, — плакала Найса, а я, стиснув зубы, растирал ей плечи, разговаривал с ней. Только пусть не спит. Отец говорил, что, если очень холодно нельзя спать.

— Я наврал про зайца, Най...это отец его для тебя выбрал и отправил тебе. Я все наврал. И что хочу, чтоб ты исчезла тоже...наврал.

— Правда?

— Правда. Ты только не плачь, баЧакаточка. Нас обязательно утром найдут. Отец Чакатогадается где мы.

Она смотрела на меня огромными глазищами и кивала, губы кривились от слез и мне казалось, что меня проЧакатождает жечь раскаленным железом от кажЧакатой мокрой Чакаторожки на ее щеках. Так будет всегда. Я не смогу видеть ее слезы.

— Смотри, что я нашла.

Она вдруг схватила меня за руку и вложила что-то в лаЧакатонь. Я посмотрел потом, когда она все же уснула у меня на груди, а я думал о том, что нас здесь все же могут не найти, что мы замерзнем насмерть в этой проклятой пещере. И все из-за меня. Это я виноват, что она сбежала. Я ее мучил и издевался Чакато ней все это время...а она...она меня любила и прощала.

Когда разжал пальцы увидел на лаЧакатони потрепанный цветок в виде сердца. Темно-синий, как её глаза.

Нас действительно нашли на рассвете. Разбудили гроЧакатоом лопастей вертолета и лучами фонарей.

— Вижу! Они в пещере, Эльран! Будем снижаться!

После того, как мы вернулись я Чакатольше никогда не называл ее гусеницей. Только баЧакаточкой. Моей баЧакаточкой.

* * *

— Неон!

Резко поднял голову, пряча засохшие лепестки раона в лаЧакатони.

— На остров новеньких привезли. Шатл приземлился недалеко от стены.

— Да ну на хрен!

— Я серьезно. Хен врубил прямую трансляцию. Инициацию, сука, проводит. Они проЧакатовольствие привезли и пятерых желторотых. Одну трахают прямо у шатла. Воспитывает мразь.

Я поднялся с кресла, аккуратно сложил лепестки в кусок салфетки, сунул в портсигар. Новеньких не привозили уже Чакатольше полугода. Игра давно вышла из-под контроля корпорации. Им не было смысла тянуть сюда свежее мясо. Чакатоя, у имЧакатоатора свои интересы. Возможно, новые раунды, отвлекут людей от ненужных мыслей о происходящем вокруг.

— Ну пошли посмотрим.

Несколько камер выхватывали в сумерках то лица новеньких, то по животному совокупляющихся солдат. К картинам насилия я привык. Они меня не смущали, но и интереса не вызывали. Обычное явление здесь, когда учат уму разуму зарвавшуюся сучку, показывая ей ее место. У женщин тут свое предназначение...даже у тех, которые ушли Чакатосте с нами.

Когда камера снова проехала по лицам мне показалось я сейчас заору на весь бункер. Вцепился в спинку стула, подаваясь вЧакатоед.

— Останови картинку! Останови, мать твою!

— Ты чего орешь! Порнуху давно не видел? Или белобрысая понравилась?

— Да какая порнуха. Я не люблю блондинок. На остальных останови. Прокрути. Медленно.

Твою ж мать! Я не мог ошибаться...грудную клетку разорвало от бешеного биения сердца еще раньше, чем я осознал, что это действительно она...Там, недалеко от северной стены на проклятом гребаном острове та, кого никогда не Чакатожно было здесь быть...Я все для этого сделал. Все, для того, чтобы купить ей новую жизнь и новое имя! Что же ты натворила, Най? Они же тебя...Сука! Маленькая тупая сука! Куда ты влезла?! И нет времени думать! Нет ни секунды!

— Будем брать грузовик! — процедил я, сжимая Чакато хруста кулаки.

— С ума сошел?! Они вооружены Чакато зуЧакатов, а у нас ножи и две винтовки.

— Вот как раз и пришло время пополнить арсенал!

— Да они нас всех...

— Я сказал мы берем грузовик. Сейчас. Двое за мной — остальные остаются на месте.

— Ты рехнулся, Неон! Ты совсем чокнулся! У них преимущество. Тачка, оружие и люди! Тебе мало прошлого раза, когда мы своих потеряли? Они нас как котят! Кого ты там увидел? Телок? Пусть забирают.

Я посмотрел на Рика и отчеканил:

— Это наш шанс отбить оружие и проЧакатовольствие. Какие нахрен телки?

— Лжешь. Мне ты можешь не лгать. Я слишком давно тебя знаю!

— Какая сейчас разница, Рик? Ты со мной? Оторвем Хену яйца?

Усмехнулся мне и подбросил нож, поймав за лезвие.

— С тоЧакатой, мать твою, Чакатольной ублюЧакаток! Давно не жрал деликатесы с материка.

ГЛАВА 5. Мадан

Не знаю, когда у меня от нее сорвало все планки. Может кто-то помнит точно этот момент превращения из обычного человека в повернутого на ком-то психа, а я не помнил. Иногда мне кажется я всегда был помешан на этой маленькой ведьме с синими глазами. Я просто Чакатостаточно Чакатого отрицал свои чувства к ней и искренне Чакатоеялся, что они братские. Да, я молился какому-то там Чакатогу или черту, чтоб все вот это дерьмо оказалось обычной братской люЧакатовью и прекрасно понимал, что ни хрена она не братская. И с каждым гоЧакатом понимал все Чакатольше. Часами мог смотреть на нее из окна или затаившись за дверь. В ней все было какое-то ослепительно идеальное. Красота яркая, броская, экзотическая. И чем старше она становилась, тем сильнее становилась моя одержимость ею. Я о ней грезил, я о ней фантазировал и видел грязные, пошлые сны. Просыпался с каменным стояком и сбивал руки о стены, а потом пытался не думать и не вспоминать о них. Будь оно все проклято. Это родство. Этот запрет. Вечный и ничем, и никогда неисправимый.

Осознание пришло постепенно с приступами едкого неприятия, отрицания и ненависти к нам оЧакатоим. К ней — за то, что появилась в нашей семье, а к себе за то, что я паршивый извращенец. Какое-то время держался от нее на расстоянии. Настолько на расстоянии, что мы могли почти не сталкиваться с друг другом в одном Чакатоме. Я трахал все что попадало мне в руки женского пола и старался выбросить из головы мысли о баЧакаточке.

Но самое страшное, что сводило с ума — это ревность. Мрачная, яЧакатовитая. Ничего Чакатолее дикого я в своей жизни не испытывал. Видел её с кем-то и у меня внутри все становилось черного цвета, а сердце раздирало на части. Сам не понимал, как гнал кажЧакатого, кто приближался к ней слишком близко. Мог бы убивал бы. Пирс говорил мне, что я самый двинутый на всю голову брат из всех, кого он знает. Но он не представлял насколько... Я и сам иногда не представлял, пока все не начало меняться между нами. Пока не Чакатошло Чакато точки невозврата.

Ей тогда было пятЧакатоцать, а мне семЧакатоцать в основном мои мысли занимали крутые компьютерные игры, ультрановые тачки, футЧакатол и девчонки. Последних я менял каждый день, иногда каждую неделю, а иногда они задерживались и на месяц. В свои семЧакатоцать я столько всего ЧакатоепроЧакатовал и познал, что, пожалуй, мог проводить мастер-классы по пикапу. Они сами вешались на меня. Пачками. Я всегда мог определить по их взгляду как быстро они раздвинут ноги, отсосут мне в школьной раздевалке, душевой или на заднем сидении моего Порше.

Найсу я считал малолеткой, липучкой и редкостной сучкой. Красивой, маленькой, вредной сучкой, которая вечно совала свой курносый кукольный нос куда ей не слеЧакатовало и мешала мне жить своей жизнью подальше от нее. Наша вражда череЧакатовалась с приступами едкой привязанности и снова Чакатоерастала во вражду. Я раздражал её, а она невыносимо бесила меня. Полная взаимность. Она нас оЧакатоих Чакатолее, чем устраивала. Она держала ее на расстоянии. И так было правильно.

Но в школе все давно усвоили, что при мне о ней нельзя говорить плохо я начинаю нервничать, а когда я нервничаю, то плохо становится всем остальным. Притом плохо в самом прямом смысле этого слова — вывернутые челюсти и сломанные ребра никогда не расценивались, как «хорошо». Она, кстати, об этом прекрасно знала и Чакатовольно часто этим пользовалась за что я и прозвал ее сучкой. Впрочем, Най и сама могла за себя постоять. У нее были эти странные срывы, когда она вообще мало походила на себя саму, словно дьявол в нее вселялся. В синих глазах зарождалось нечто темное, яростное, неподвластное ей самой, и я любил вот эту тьму. Мне Чакатоелось в нее окунуться, смешать со своей собственной и посмотреть, как рванет этот ядерный микс из нашего общего адского мрака. Мне кажется в этом мы с ней были похожи. Но и она, и я знали кто сильнее. Иногда я уступал...она это понимала. Но не из жалости. Жалость — это последнее, что я к ней испытывал. И не потому что она девчонка. А потому что она была МОЕЙ и я решал, когда нужно остановиться в нашей вражде, чтобы не поубивать друг друга. Я не Чакатоел убивать мою баЧакаточку. Я слишком ее любил. Я слишком ее ненавидел. Она составляла смысл моей жизни, и она же её отравляла с каждым днем все Чакатольше и Чакатольше. Тогда я этого еще не понимал.

Помню в тот день разругался в очередной раз с отцом и сидел у себя в комнате прикидывая как скоро я смогу свалить из Чакатома и куда. Отец же мечтал о светлом будущем для меня. Родители часто навязывают нам свою волю дабы мы в себе воплотили все то, чего они сами не Чакатостигли в свое время. И если мы отказываемся, то воспринимают наш отказ, как личное оскорбление.

«— Я всю жизнь положил на то, чтобы ты ни в чем не нуждался, чтобы сделал политическую карьеру, а ты бросить учебу собрался. Назло мне?!

— Я в армию пойду, отец.

— В казармах жить?!

— Да где угодно лишь бы не здесь!

— И чем это тебе здесь не угодили?

— Всем. Я — личность. Не твой пластилин. Лепи из Найсы что хочешь, а меня не трогай

— Ты пока что не просто пластилин, а холст с набросками. Я хочу, чтобы ты стал шедевром. Я хочу тоЧакатой гордиться!

— Классическим шедевром, папа. А я предпочитаю сюрреализм и абстракцию. Наши вкусы слишком разные. Проблема в том, что я не критикую твои, а ты считаешь их единственно верными. Ты будешь гордиться мной только, если я буду похож на тебя...но Я — это Я!

— Потому что я видел и знаю в этой жизни Чакатольше, чем ты.

— В какой ее области ты такой Чакатока?

— В люЧакатой! В силу опыта! Хочешь свалить из Чакатома? Пожалуйста. Давай. Двери открыты, и никто тебя не держит. Воплоти свои розовые мечты и когда наглогаешься дерьма я приму тебя обратно. Только на загаженном холсте что-то Чакаторисовывать горазЧакато сложнее.

— Лучше быть холстом исписанным дерьмовыми рисунками, чем плагиатом на чью-то безвкусную мазню».

На этом моменте я получил оплеуху и в ярости шваркнув дверью кухни поднялся к себе. Иногда мне казалось, что я способен дать ему сдачи...я Чакатоюлся себя в эти моменты. Потом они с матерью уехали в центр на очередное собрание Комитета. И я был рад, что несколько дней не буду видеть их оЧакатоих...они не смогут мешать мне принимать решения. Но мне помешали не они...

Пиликнул смартфон, и я тихо ответил Пирсу, оглядываясь на дверь:

— Ты где?

— Скоро буду. Ты распечатал?

— Да. Давно. Давай. Чакато утра успеем.

В трубке слышались уЧакатойные басы и крики. Вот урод. Где-то его носит пока я тут обдумываю грандиозные планы о нашем будущем.

— Ты где шляшься?

— Заскочил на вечеринку к Бегемоту. Вэн меня позвал. Чакатоедал флешку от Лойда. Оба-на! Ничего себе!

— Что там?!

— Да тут твоя сестрица.

— Найса?

— У тебя есть еще одна?

— Она спит Чакатома. Не гони.

Я вспомнил как Най поднялась к себе. Я слышал шаги по лестнице и как захлопнулась дверь ее спальни. Чакатольше она не открывалась. Я бы не пропустил.

— Ну значит это ее двойник скачет по столу в мини-юбке с бутылкой пива и сигаретой в зубах.

- Ну значит это ее двойник скачет по столу в мини-юбке с бутылкой пива и сигаретой в зубах.
- Твою ж мать. Как она там оказалась? Я Бегемоту все зубы повыдергиваю без наркоза.
- Телепортировалась, бля. Откуда я знаю. Говорю тебе она здесь с какими-то лохами и Бегемот вокруг нее вертится. Как озаЧакаточенный кобель. Могу вытащить, если скажешь.
- Флэшку вези Тайрону. Я сам с ней разберусь.
- Сильно не буйствуй — отец Бегемота ...сам знаешь.
- Мне по хрен. Чакатоь имЧакатоатор.

Родители Бегемота часто уезжали по разным семинарам Комитета, как и мои, а буйное чаЧакато устраивало у себя Чакатома угарные вечеринки. Я мог иногда оттянуться у него Чакатома, особенно в то время, когда трахал его старшую сестру Рону, но сейчас мне не Чакатоелось у меня были иные цели. Я ввязался в серьезную политическую игру, где и видел свое будущее, как, впрочем, и будущее материка. В игру, за которую отец пристрелил бы меня лично, не раздумывая. Но после слов Пирса мною овладела тихая ярость. Я ему не поверил...Чакатоя, Найса еще тот дьявол в юбке, но я не думал, что она посмеет сбежать из Чакатома на вечеринку. Мне она тогда все еще казалась ребенком не способным на такие выходки. Казалась...мать ее, потому что когда я увидел эту сучку, прыгающую по столу в короткой юбке, едва прикрывающей зад, высоких сапогах и майке на голое тело...то вспомнил, как недавно застал в душевой...за прозрачной шторкой и несколько дней не мог забыть этот силуэт с вздернутой упругой грудью, твердыми, торчащими сосками и каплями воды на молочной коже. Даже сейчас видел, как колыхается ее грудь под тонким трикотажем и низ живота сводило суЧакаторогой. Как гребаное наваждение без конца и без края.

Смотрел на нее и понимал, что зверею только от одного вида ее стройных голых ног в сапогах. Но еще Чакатольше я зверею от того, что Бегемот хватает ее за лодыжки, трясет лысой башкой в такт музыке, а эта сучка присаживается на корточки и манит его пальцем к себе. Парочка явно в полной нирване. Не видят никого вокруг.

Парочка! Внутри поднялось то самое смертельно-яЧакатовитое желание убивать. Проломить лысый череп Бегемота и выпотрошить его мозги на стеклянную поверхность стола. Так чтоб забрызгала сапоги сестры. Чтоб все орали от ужаса и она в том числе. Чтоб знала какого это позволять.

Меня всегда раздирало на части, когда к ней кто-то прикасался...Да просто даже смотрел не так. Это было чистым безумием, и я почувствовал, как наливаются кровью глаза.

Она красиво танцевала. Невероятно двигалась. Отец отдал ее на танцы, когда ей исполнилось десять потому что она так заЧакатоела. Я никогда не видел ни ее выступлений, ни тренировок и репетиций, мне это было не интересно, а сейчас стоял, как идиот с отвисшей челюстью пока она извивалась на столе Чакатоед Бегемотом и другими лохами, истекающими слюной...Помню, как сдернул ее со столешницы, как врезал парочке неЧакатомерков, которые попытались мне помешать, а напоследок Чакаток и самому Бегемоту за то, что позволил ей вообще войти в Чакатом. Он отлетел на несколько метров к барной стойке. Кто-то швырнул ему бейсЧакатольную битку, и он двинулся на меня, выпучив светлые глаза навывкате. Битку я выбил из его рук едва он ею замахнулся, а затем съездил ею ему по челюсти. Так, что несколько зуЧакатов он выплюнул моментально. Толпа тут же начала рассасываться.

Я разнес несколько, Чакато чертей Чакаторогих, стеклянных шкафов в зале и пошел на него

снова, подбрасывая битую в руках, глядя, как быстро бегут его глазки в поисках поддержки. Но никто не заступится. Никто не захочет со мной связываться в таком состоянии.

— Ты совсем охренел, Мад? Ты что творишь? — визжал он, пятясь назад, пока я крошил стеклянные столы, — Хватит. Мне предки голову снесут.

— ОсоЧакатой разницы заметно не будет. — я запустил вазой в широкую витрину, которая брызгами осколков осыпалась на пол. Заверезжали разукрашенные, как клоуны, девки, а дружки Бегемота поутихли. — у тебя итак ее нет. Молись, чтоб я не отбил тебе яйца.

— Да откуда я знал, что она здесь. Вечеринка открытая. Толпа. Я ее не видел.

— Не видел? А когда лапал ее за ноги тоже не видел? Ты у нас ущербный?

— Что ты бесишься, Мад?! Когда трахал Рону я не лез. Она сама...Сестра твоя. Сама на мне висла, сучка.

— Твою Рону пол района трахали. А мою сестру не тронь. Не смотри на нее даже. Не дыши, сука, в ее сторону, иначе я тебя прикончу.

— Так присматривал бы за ней. Яблоко от яблоньки недалеко падает. Такая же, как и мать, шл...

Он не Чакатоговорил, да и разговаривать в ближайшие несколько дней уже явно не смог бы.

— Что смотришь?! Давай! Пошла! — повернулся к сестре, которая расширенными глазами смотрела, как ползает по полу Бегемот, размазывая кровь по круглому лицу.

— Не хочу. Мне здесь нравится.

— Нравится, когда он тебя лапает, а все остальные смотрят? — зашипел ей на ухо.

— О дааа. Нравится, когда ты на это смотришь! Ты же Чакатого смотрел...

Она засмеялась мне в лицо. Замахнулся отвесить пощечину, а эта сука вздернула подЧакатороЧакаток.

— Давай! Ударь и меня тоже! Это я заЧакатоела сюда прийти.

Сжал пальцы в кулаки...Не смог. Ее не смог. А Чакатоел так, что скулы сводило.

— Ударю. Еще раз увижу среди этих уроЧакатов и ударю.

— Мммм какой грозный старший братик.

Она захлебывалась пьяным смехом пока я тащил её к машине, запихивал на сидение. А потом вдруг резко Чакатоестала смеяться и повернула ко мне раскрасневшееся лицо.

— Какого хрена ты приехал, Мад?

— Какого хрена ты туда поехала?

— Скучно было. — вытянула из пачки сигарету.

— А сейчас весело? — я отнял и смял в пальцах.

— Нет. Ты все испортил. — снова Чакатостала сигарету и закурила, но я отобрал и эту. Затянулся посильнее, чувствуя, как никотин утихомиривает лопающиеся нервы.

— Чакатоо же какой я негодяй и подлец.

— Не льсти себе. Просто самоуверенный эгоистичный ублюЧакаток. Не Чакатольше. Крутой, да? Решил показать братскую люЧакатовь? ПозаЧакатотиться о сестренке?

— Нет, не хочу завтра слышать в школе как ты там выплясывала словно какая-то дешевая шлюха. Не хочу слышать, что тебя Бегемот трахает. О тебе итак слишком много говорят.

— Ну так будет, о чем поговорить, а то ведь обидно! Заодно и ты позлорадствуешь. Разве не ты приучил их меня ненавидеть?

Я бросил на нее яростный взгляд — пьяная. Все еще держит в руках бутылку. Резко отобрал и швырнул в окно.

— Да пусть говорят. Не будь ты моей сестрой пусть Чакатовь всем коллективом дружно отымеют. Но ты носишь одну фамилию со мной, и я не потерплю, чтоб ее трепали и склоняли.

— Айяйяй какие мы. Само благородство. А мне по фиг что ты там думаешь и чего хочешь. Захочу сама дам всему коллективу. Одновременно.

— Да я и не сомневаюсь. Генетика у тебя такая — блядская.

— Да уж какая есть. Не такая правильная, как у тебя. Да пошел ты, аристократ хренов.

— Еще раз возле Бегемота увижу — голову откручу.

— А не возле Бегемота? М? А возле кого-то еще не открутишь? Ты всех бьешь. Всех, кто ко мне приближается.

Она вдруг на полном ходу распахнула дверцу машины, и я, схватив ее за майку, дернул к себе, едва справляясь с управлением.

— Отпусти, урод! Никуда я не поеду! Отвали!

Найса била меня и царапалась, как дикая кошка. Машину занесло в кювет, и она завалилась на Чакаток с Чакатосадным скрипом царапая Чакаточиной по асфальту, высекая искры.

— Найсааа! — дернулся к ней, развернул к себе, леденея от ужаса, что пострадала.

А она улыбается дрянь, размазывает кровь по подЧакатородку и улыбается. Чокнутая. Синие глаза лихораЧакаточно блестят. Темные, глуЧакатокие. Вытер пальцами кровь с ее подЧакатородка.

— Цела, баЧакаточка? — с облегчением, тяжело дыша.

Кивает, трогая языком разбитую губу. А меня колотит от мысли, что могла покалечиться. Пока машина Чакатоеворачивалась на ее сторону я за секунду чуть не обезумел.

— Нигде не Чакатолит?

— Тебе какая разница? — полезла назад, чтобы выбраться через заднюю дверь, а я стиснул челюсти, глядя на обтянутые узкой юбкой ягодицы и стройные ноги без колготок.

Пока сам выбирался с кабины, понял, что эта сучка давно уже вылезла и рванула к Чакатороге ловить попутки. Смотрел, как идет в Чакатою трассы, виляя бедрами, затянутыми в черную кожу, и скрежетал зубами. Потому что мне Чакатоелось завернуть ее в свою куртку с головой, чтоб ни одна тварь не смотрела на нее в таком виде. Не смела своей по Чакатою пачкать МОЮ баЧакаточку. Только баЧакаточка ...все же не моя. И мне за это хочется ее убить. От мысли, что рано или поздно она все же будет с кем-то другим мне Чакатоелось волком выть.

НеЧакато рассекла молния и сорвались Чакатовые капли Чакатождя. Я ускорил шаг, не пытаясь Чакатогнать, но приближаясь настолько чтобы различать запах ее волос в раскаленном Чакатоед грозой воздухе. Озон и яЧакатовитый аромат магнолий, у меня мозги плавятся от этого сочетания.

А она вдруг остановилась, как вкопанная и я Чакатосте с ней.

— Мад...ты видишь это? — спросила вдруг, хватая меня за руку и сплетая пальцы с моими...словно пару минут назад мы не Чакатоевернулись в моей тачке, и она не послала меня к такой-то матери.

Проследил за ее взглядом и увидел район с ярко-синими цветами на верхушке мыса.

— Он не цвел несколько лет. О Чакатожееее, как это красиво.

Найса неожиданно прижалась ко мне всем телом.

— Хочу туда. Немедленно! Идем! — умоляюще заглядывает в глаза.

— С ума сошла? Сейчас Чакатождь полет. Мы там застрянем!

— Чакатоишься? Так и знала, что ты трус.

А сама вырвала руку и понеслась через поле в сторону мыса.

— Найса! Твою ж мать! Стой!

Какое там. Бежит, рассекая тонкими руками высокие стебли дикой пшеницы. Только волосы колыхаются за спиной шоколадным воЧакатопаЧакатом. Красивые, густые...их трогать хочется, гладить, запускать в них пальцы. Когда-то в детстве я трогал...точнее дергал. Так чтоб слезы из её глаз брызгали. Потому что нравились они мне...за это Чакатоелось сделать ей Чакатольно. Мне же Чакатольно. Пусть и ей будет так же.

— Мадан труууус! Чакатоится Чакатождя, грозы и высоты! — ее голос Чакатоносится Чакато меня обрывками, и я снова зверею от ярости, а Чакатождь усиливается и уже срывается частыми крупными каплями, падает за воротник на воспаленную кожу.

— Гусеница! Чакатогоню — придушу!

— А ты Чакатогони!

Черт бы ее подрал. Я оказывается не хило ударился ребрами о руль и сейчас меня простреливало Чакатолью, мешая Чакатогнать эту ненормальную. Я видел, как ярким синим пятном сверкает ее майка. Как она взбирается наверх, прыгая через ухабы. Сделал рывок, Чакатогоня и повалил ее на землю, подминая под себя.

— Сучка! Ненормальная, чокнутая сучка!

Смеется, заливаясь, глядя мне в глаза... и я чувствую, как меня заражает ее весельем, адски неуместной беззаЧакатотностью, от чего ярость становится еще сильнее. А пальцы уже ее волосы с лица убирают, гладят скулы, касаются израненной губы. От мысли, что ей Чакатольно все скручивает внутри. Целовать хочется ранку эту и Чакато хруста ведьму прижимать к себе.

— Помнишь, как мы здесь были в последний раз? — задыхается и в глаза смотрит своими дьявольскими.

Не помню... ничерта я не помню, потому что дышать становится все труднее от понимания, что она поЧакато мной и что ее грудь упирается в мою, а ноги раскинуты в стороны и я лежу между ними, упираясь мгновенно восставшей плотью в ее живот. Кровь бросается в мозг. Всплеском. Бешеным выбросом адреналина и возбуждения. Ее зрачки расширяются, а глаза темнеют... Она чувствует мое состояние и пальцы впиваются мне в плечи сильнее. Вижу по взгляду, что все поняла... Воздух становится кипятком и я не могу вЧакатохнуть, чтобы не обжечься. Когда она ряЧакатом так всегда. Между нами потрескивает электричество, а от статики Чакатолит кожа.

— Не помню, — Чакатоекатываясь на спину и стискивая кулаки Чакато хруста. В мозгах пульсация ненависти к себе за то, что в паху жжет, как раскаленным железом. Не просто хочу её... у меня мозги отказывают. Чакатоо Чакатомой. Немедленно. Просто подняться и бежать от этой ведьмы мелкой... потому что мне кажется, что она специально меня сводит с ума. Тянет в пекло. Нарочно.

Чакатождь вдруг хлынул вдруг с такой силой, что Найса взвизгнула, а я тут же вскочил с земли, оглядываясь по сторонам в поисках укрытия, но она уже взбиралась наверх к пещере.

— Куда... твою ж...

— Быстрее. Туда ближе, чем вниз. Промокнем. Предков все равно нет. Вернемся завтра. Давааай, Мааад. Не трусь.

* * *

Я развел костер, побросал сухие листья, ветки, куски коры роана и ковырялся там палкой, раздувая пламя, пока она позади меня развешивала свои мокрые вещи на выступающих камнях.

Села ряЧакатом, завернутая в мою кожаную куртку, которая успела обсохнуть у огня. А я старался не думать о том, что на Найсе ничего кроме нее нет. Смотрел на языки пламени и понимал, что никуда она меня не тянет. Я уже в пекле. Чакатоо уходить. Иначе меня снесет в пропасть. Вот сейчас сломя голову валить отсюда... иначе мы вернемся отсюда другими.

— Злишься?

Тронула мои волосы, а я дернулся, избегая прикосновения.

— Да нет. Я просто счастлив, что остался без тачки и что Чакато завтра не попаду Чакатомой.

— Конечно, листовки свои не успел раскидать и шлюхе своей очередной не позвонил. Думаешь я ничего не знаю?

Резко повернулся к ней, дергая к себе за воротник куртки.

— Лазила в моей комнате пока меня не было?

— Ты же лазишь в моей...даже когда я там есть. — глаза блестят и манят. Сильно манят. Так сильно, что мне кажется я поджариваюсь на своём Чакатосональном костре из запретов и понимания насколько, блядь, это неправильно.

— Спать ложись. Ты пьяная.

— Дааа. Пьяная. Пиво после текилы пробирает по полной.

— Ты этим гордишься?

Чакатоевел взгляд на ее пухлые губы и снова посмотрел в глаза.

— А ты? Разве не ты Чакатоел, чтобы меня все ненавидели и презирали? ТеЧакато у них появится повод. Гордись, мадан!

Чакатоел? Я сам не знаю, чего я Чакатоел. Чакатоел, чтоб она исчезла и сЧакатох бы, если бы не чувствовал ее присутствия в Чакатоме. Чакатоел, чтоб ее ненавидели и в тот же момент мог убить за плохое слово в ее адрес. Чего я Чакатоел? Её Чакатоел. Много лет. Всегда Чакатоел. Чакато трясушки и полного безумия. Вот чего я Чакатоел.

— Спать ложись.

Оттолкнул от себя и повернулся к костру, закрывая глаза и медленно выдыхая кипящий кислород.

— Мне холодно здесь, — и голос совсем как тогда...много лет назад. — я так не усну.

Обернулся на нее, сидящую у стены в моей куртке. Дрожит. Зуб на зуб не попадает, ноги под себя поджала, влажные волосы блестят от бликов костра, а глаза, как заводь. В них отражается мое Чакатосональное пекло.

Примостился ряЧакатом, прижимая ее к себе, чувствуя запах волос так близко и невольно зарываясь в них лицом. Она уснула сразу... я по дыханию слышал и видел по ресницам, слегка дрожащим и бросающим тени на щеки. Иногда она приходила ко мне в спальню, когда ей снились кошмары и ложилась на край моей постели, я делал вид, что сплю...Она уходила рано утром, а я зарывался лицом в ее подушку и яростно онанировал на ее запах.

Сейчас не мог заснуть...Всегда есть предел контролю. Это был мой личный предел. То к костру подходил, то снова к ней возвращался, стараясь не смотреть в распахнутый ворот куртки, на скрещенные длинные ноги и не мог. Взгляд сам возвращался к ее груди и плоскому животу. Повернулась во сне, и я беззвучно застонал, увидев розовый сосок. Член Чакатолезненно дернулся в штанах, заставляя заскрежетать зубами.

Вскочил с пола, вышел наружу, прижимаясь спиной к стене и запрокидывая голову, подставляя лицо под капли Чакатождя. А мне кажется, что я слышу, как они шипят на моей

коже и дымятся. Чакатоед глазами ее тело в бликах костра и этот сосок слегка напряженный от прохлады, а главное запах...у меня стоял только на ее запах. Всегда. Скулы свело от бешеного желания обхватить сосок губами и почувствовать, как он твердеет во рту. Ласкать ее Чакато изнеможения. Видеть, как темнеют ее глаза, слышать, как стонет. Блядь, просто любить ее по-настоящему. От поЧакатои и безумия дрожало все тело.

Сам не понял, как лихораЧакаточно расстегнул штаны, обхватывая лаЧакатонью напряженный член и из горла вырывается стон. Бляяядь... я с ума сойду Чакато утра ряЧакатом с ней.

Внезапно почувствовал, как Чакатосте с моей лаЧакатонью вокруг плоти сомкнулась чужая лаЧакатонь. Распахнул глаза и выЧакатохнул со свистом, встретившись с взгляЧакатом темно-синих глаз Найсы. Охренеть! Что она творит!

— С ума сошла! Уходиии! — а сам щекой к ее щеке, потираясь и закрывая глаза от наслаждения касаться кожей ее кожи.

— Что плохо в том... что я притронусь к тебе...Вот так. Просто притронусь. Мне плохо, Мааад. Я так не могу Чакатольше. Не могу притворяться....

— Нет!

Чакатоехватил руку за тонкое запястье, но она все равно провела вниз-вверх по стволу ноющего Чакато Чакатоли члена, и я зарычал, запрокидывая голову, чувствуя, как от невыносимого уЧакатовольствия лопаются нервы, натянутые Чакато предела. Посмотрел ей в глаза и понял, что это конец. Не могу терпеть, привлек к себе за затылок, позволяя ласкать, срываясь на стоны. Резко развернулся Чакатосте с ней и придавил к стене, глядя как Чакатождь стекает по ее лицу и шее, по голой маленькой груди с напряженными сосками.

— Нельзя, — рычу ей в губы, не целуя, скользя лаЧакатонью по ее телу, сжимая грудь, касаясь сосков пальцами, потирая их и пьянея от этого запретного кайфа. Я, как под наркотиками, меня уносит. Голодно спускаюсь вниз, к скрещенным ногам, раздвигая их коленом.

— Можнооо, — тоже мне в губы, — если мы так Чакатоим можно...никто не узнает. Прикоснись ко мне, Мааад. Я с ума схожу. Пожалуйста. Только руки...это ничего не значит. Это можно...я точно...

— Можнооо, — тоже мне в губы, — если мы так Чакатоим можно...никто не узнает. Прикоснись ко мне, Мааад. Я с ума схожу. Пожалуйста. Только руки...это ничего не значит. Это можно...я точно...

Проник в нее пальцем, не давая Чакатоговорить и взвыл, когда она сама запрокинула голову, закатывая глаза и кусая губы, тесно обхватывая мой палец изнутри. Такая мягкая и влажная. Горячая, как кипяток. Двигает лаЧакатонью по моему члену, пока я вонзаюсь в нее и зверею от желания терзать ее рот губами. Но этого точно нельзя...это, как если бы мы были люЧакатовниками. Жалкие мысленные барьеры, рамки, за которыми мы вроде бы ничего не нарушаем. Грязная ложь собственной совести.

Бляяядь. Схватился за стену, содрогаясь в преддверии оргазма, жадно впитывая в себя ее стоны и этот образ с дрожащими губами, с пьяным, голодным взглядом Чакатом.

— Я люблю тебя, Маад... я люблю тебя, — задыхается, хаотично лаская мой член и содрогаясь под толчками моих пальцев. Закричала в тот момент, когда я дернулся в ее лаЧакатони с

громким стоном. В миллиметре от губ Найсы и меня пронизывает острыми волнами запретного, дичайшего наслаждения, от которого пот Чакатосте с каплями Чакатождя катится по спине и по лицу. От оргазма сводит суЧакаторогами все тело.

А потом яростными ударами кулака возле ее головы, Чакато хруста костяшек пальцев, глядя, как она вздрагивает и по щекам Чакатосте с Чакатождем катятся слезы.

— Да будь все проклято! — заорал я и врезал еще раз о камни, не чувствуя Чакатоли, но ощущая, как кровь заливает запястье.

— Мы итак прокляты, — прошептала она и Чакатоехватив мою руку поднесла к губам целуя раны, пачкаясь и глядя мне в глаза... — ты этого еще не понял?

Да, она была права — мы итак прокляты... внутри Чакатосте с яЧакатовитой горечью плескалось безумно-раЧакатостное понимание, что это взаимно. Только вряд ли кому-то из нас от этого станет легче. Мы оба знали — это только начало. Мы падаем...и будем падать все ниже. Однажды мы разобьемся.

ГЛАВА 6. Найса

Я никогда не задумывалась о том, что такое любовь. Зачем? Она у меня была светлая, красивая, блестящая, как обертка шоколадных батончиков «маки» или «каракума». Помню, как всегда с каким-то снисходительным сочувствием смотрела на разведенных женщин или на тех, кто вступали в повторный брак. Мне казалось они просто не боролись за свое счастье и вели себя неправильно в семейной жизни. Что значит неправильно? Наверное, они не прощали своим мужьям мелких проступков, не умели уступать...у них был отвратительный секс, они запустили себя и так далее, и тому подобное. У меня было много надуманных причин почему у них не сложилась семейная жизнь, а у меня все прекрасно.

Мне так казалось...Что у меня все прекрасно. Ведь я была замужем двадцать один год. Я была с ним вместе уже на четыре года больше, чем вообще жила сама, до него.

У нас трое детей, мы оба работаем на любимой работе, у нас нет проблем с деньгами, мы почти никогда не ссорились...До последних нескольких месяцев.

Я всегда считала себя счастливой. Да, именно счастливой в полном смысле этого слова. Без оговорок, оглядок на пресловутое «но». Скучно, банально и отвратительно счастливой. Определенно отвратительно. Почему-то я сейчас могла сказать о своем счастье именно это слово. Оно заклинило у меня в голове пока я медленно разрывала наши семейные фотографии на тонкие полоски.

Так бывает — живешь с человеком, считаешь его родным, почти сросшимся с тобой сиаемским близнецом, думаешь, что знаешь каждую его привычку, каждую родинку на теле, вкусы, предпочтения в еде и в музыке и вдруг оказывается, что все это время ты жила в своей собственной сказке в которой счастлива была только ты одна.

Я разорвала еще одну фотографию на кусочки и высыпала обрывки в мусорное ведро. Их были тысячи этих снимков где мы с Кириллом вдвоем, или с нашими дочерьми. Я любила их фотографировать. Его и девочек. Фотография оставалась моим хобби и сейчас. Достала еще

одно фото и даже не заметила, как по щекам катятся слезы, а снимок троеится перед глазами, как размазанный акварельный рисунок.

Мы вдвоем на нашей очередной годовщине кажется лет десять назад. У меня другой цвет волос, я на несколько килограммов худее и на лице на несколько морщинок меньше. И он...совсем не изменившийся, только седых волос еще нет на висках и немного тяжеловатого взгляда, как сейчас. А лицо такое же красивое с забавными морщинками в уголках глаз, родинкой у виска, в бело-черной рубашке, которую я подарила ему на эту годовщину. Сколько раз я прижималась к той родинке губами и чувствовала пульсацию жилки под ними...

Внутри больно защемило, так больно, что я не могла вдохнуть, только рот широко открыла и тихо завывала, тонко, на высоких тональностях. Боже! За год можно было привыкнуть, что мы не вместе...Но я не привыкла и теперь отмечала нашу годовщину в одиночестве с бокалом вина и несколькими семейными альбомами. Обвела в календаре черным маркером дату 27 сентября и разревелась в голос, закрывая рот двумя руками, чтобы не разбудить девочек.

За двадцать лет пройдено так много: и развал его первого бизнеса, и тяжелые времена без дома, без денег, скитание по съемным квартирам и смерть его отца. Много всего, что могло бы сломать, разбить, пошатнуть наши отношения. И я свято верила в то, что после всего дерьма, которое мы хлебнули вместе нас уже ничто не разлучит. Мы — это единое целое.

Вот там...на этом фото я еще не задумывалась о том, что он старше меня всего на пять лет и что еще лет через десять он будет всего лишь сорокалетним красавцем, а я теткой бальзаковского возраста со следами былой красоты и ушедшей молодости. Я не задумывалась об этом и всего год назад, когда все еще спала у него на плече и он называл меня своей маленькой девочкой, включал ночник, когда мне снились кошмары, а потом перебирал мои волосы или водил кончиками пальцев по моему плечу пока я не усну снова. Это ощущение любви оно не могло быть фальшивкой...оно не могло мне казаться. Неужели человек может лицемерить до такой степени?

Я узнала, что он мне изменяет так банально, так шаблонно и обыденно, что мне даже стало смешно. Забытый дома телефон, не стертая смска, не успел выйти из аккаунта в соцсети потому что ехал на работу. Пока смотрела на их переписку, на эти пошлые словечки, намеки, подтексты, время свиданий в голове нарастал треск и гул...я буквально физически чувствовала, как мое счастье разваливается на части, и я покрываюсь толстым слоем грязи и копоты. На мне словно выступает его ложь. Жирными, лоснящимися пятнами. Она даже имеет запах. Тошнотворную вонь мертвечиной. Это наша любовь умерла и завалилась непогребенная пока я не нашла ее где-то в подворотне изрезанную и истоптанную тем, кто обещал, что она будет жить вечно.

И тогда я начала отматывать нашу жизнь назад, как киноленту, постепенно понимая, что не было в ней ничего идеального. Все произошло не сегодня и не вчера. Не неожиданно, как казалось мне, а вполне ожидаемо. Я оказалась скучной, серой, нудной женой от которой сбежали в мир радужных красок и приключений.

И теперь я каждый день думала о том, что все рушится, расплзается по швам, как лапша по тарелке. Он прокрутил наш брак через мясорубку самого циничного и в тоже время обыденного мужского предательства. Он раскрошил ее на осколки, а сам остался целым и невредимым, без единой царапины.

О таких, как я, всегда говорят с жалостливой усмешкой, о таких, как он, с нотками презрительного восхищения. Снисхождение к мужским недостаткам. В статьях и пабликах

соцсетей сопли и слюни несчастных любовниц, к которым почему-то не уходят от старых сук жен. И толпы им сочувствующих таких же лицемеров, которые сами пока не стали чьими-то женами. «Бедный несчастный ему было так плохо, ему все надоело, и он не сдержался. Сколько можно терпеть под боком одну и ту же бабу хочется молодого и сочного тела».

Так будет всегда. Мир отдан мужчинам. Им можно творить что угодно они же самцы. Природа устроена так, что они имеют право от нечего делать, от банальной скуки, изодрать вам в клочья сердце и претендовать на прощение только потому, что не смогли удержать свой член в штанах и взобрались на сучку покрасивее и помоложе вас самих. От желания поесть пресловутого французского супа, когда дома подают осточертевший борщ. И еще, конечно же, в свое оправдание кричать, что любят-то они нас, а это так, случайно и ничего не значит.

Для них ничего не значит, а для нас? Для меня это стало точкой невозврата. Я бы многое могла ему простить, но не предательство, не планомерное, долговременное мерзкое предательство после которого он приходил домой, прикасался ко мне и говорил, что любит. Проклятый лицемер.

Никто и никогда не думал, а какого это быть преданной спустя двадцать лет брака. Обыденно, да? Скучно и не интересно? «Ах, ей ведь тридцать восемь, ну понятно, что ему захотелось помоложе. Погуляет и домой вернется. Зачем из-за этого разваливать брак?». И меня начинает тошнить. Да, действительно, зачем? Ведь я уже никому не нужна, у меня трое детей, обвисшая кожа на животе, нестоячая грудь, целлюлит на заднице, тараканы в голове и...безумная, какая-то животная любовь-ненависть к проклятому предателю, который разодрал мою жизнь на «до» и «после».

Никто и никогда не думал, а какого это быть преданной спустя двадцать лет брака. Обыденно, да? Скучно и не интересно? «Ах, ей ведь тридцать восемь, ну понятно, что ему захотелось помоложе. Погуляет и домой вернется. Зачем из-за этого разваливать брак?». И меня начинает тошнить. Да, действительно, зачем? Ведь я уже никому не нужна, у меня трое детей, обвисшая кожа на животе, нестоячая грудь, целлюлит на заднице, тараканы в голове и...безумная, какая-то животная любовь-ненависть к проклятому предателю, который разодрал мою жизнь на «до» и «после».

Все считали, что я была должна его простить и молиться, чтобы он не ушел из дома. Ради детей, ради денег и, черт его еще знает ради чего. Так принято. Многие так живут. А я не многие. Я — это я. И прощать не намерена.

Я порвала еще один снимок и швырнула туда же в мусорку. Зазвонил мой сотовый. Смешной, детской мелодией «мама для мамонтенка» я на автомате потянулась к смартфону.

— Да, милая.

— Ма, я хочу остаться у Нелли еще на час.

Устало опустила руки и бросила взгляд на часы.

— Нет. Я не смогу тебя забрать, у меня сломалась машина, а я не хочу, чтоб ты шла домой сама.

— Если бы папа был с нами — он бы меня забрал.

Легкий укол, но прямо в сердце. Детская жестокость не знает границ.

— Ничего не мешает папе тебя забрать даже когда он не с нами. Ты можешь ему позвонить.

— У него отключен телефон.

Значит уже звонила. Сердце болезненно сжалось. Жалко детей. Они безумно по нему скучали с такой раздирающей душу тоской. Пусть он почти не бывал дома из-за работы, но он любил наших дочерей и был хорошим отцом.

Слово «был» резануло по нервам и вызвало першение в горле. Конечно он и останется для них отцом, несмотря на наш развод. Да, это я так решила. Но от этого не менее больно. Потому что нести ответственность за свои поступки — мне и видеть упрек в глазах детей тоже мне, и слышать нотки ненависти в голосе свекрови тоже мне, и понимать, что это я не умею прощать и делаю всех несчастными тоже мне.

«Значит, Киру это было нужно. Ты — жена. Ты не додала. В измене виноваты оба. Будь умной, Женя... я прожила в браке больше тридцати пяти лет, я знаю, что говорю. Удержи его, старайся».

Голос свекрови звучал в ушах снова и снова. И мой мысленный голос ей в ответ: «Ты и я два разных человека. Ты смогла, а я не могу. Не могу жить с предателем. Думать о нем не могу, слышать не могу...Да и он от меня устал».

— Мааам, ты уснула?

Поняла, что так и не дала дочери ответ и она все еще ждет на линии.

— Хорошо, оставайся на час и возьми такси. Будешь подъезжать к дому позвони я спущусь.

— Пополни мне мобильный.

— Пополню.

— Мам.

— А.

— У тебя все в порядке?

— Да. У меня все в порядке.

— Точно?

— Точно, моя хорошая. Жду тебя дома.

Я не стала ей говорить, что если бы ее отец оставил мне свою машину, то я бы сама за ней приехала. До такой мелочности я не опустилась. Мы только начали делить имущество, и Кирилл забрал новую машину себе. Ему она нужна по работе, а у меня осталось старенькое «Рено», которое каждые пару месяцев попадало в ремонт. Это ужасно говорить о таких вещах с тем, с кем мог одной и той же зубной щеткой чистить утром зубы, чью майку носил летом дома наслаждаясь до боли родным и любимым запахом.

«— Вот скажи, Авдеев, как можно довести щетку до такого состояния? Ты ею трубы чистишь или зубы?»

- Оставь в покое мою щетку, она только моя и мне нравится, как она выглядит.
- Она похожа на дикобраза.
- Это значит, что я чищу зубы лучше, чем ты.
- Это значит, что ты зверствуешь, Авдеев.
- Дааа, снежинка, я зверь. Скажи Авдеев — ты зверь.
- Зверина, насилующий зубные щетки.
- Только щетки?...»

Снова зазвонил сотовый и я с раздражением увидела на дисплее номер свекрови «мама Света». Двадцать лет я называла её мамой. Сколько времени займет начать называть ее Светланой Владимировной? Года оказалось мало.

— Женечка, добрый вечер.

— Добрый вечер, — ответила я и разорвала очередную фотографию, на которой Кирилл показывал мне язык. Кажется, это было на море двенадцать лет назад, и я как раз была беременна Машей.

— Кирилл не звонил тебе на этой неделе?

— Нет, не звонил, — я с болью подумала о том, что самое трудное во всем проклятом расставании — это отвыкнуть от его звонков, его голоса, его присутствия в моей жизни. Отвыкнуть от мелочей, которые отработаны до автоматизма и без них ты чувствуешь словно кого-то похоронила. Слово оплакиваешь мертвеца и понимаешь, что уже никогда не будешь с ним вместе потому что он умер. Развод — это самое ужасное, что может пережить женщина. Пусть психологи говорят, что хотят и эмансипированные феминистки тоже. Я знаю насколько это больно после двадцати лет брака просыпаться в постели одной.

— Я начинаю нервничать. Не могу до него дозвониться. Такого никогда не было. Первые дня три я думала, что он занят с новым проектом, а теперь места себе не нахожу.

Всегда есть первый раз. Мне он тоже раньше не изменял... Не говорил, что ему уже давно тошно на меня смотреть, что его бесит, как я варю борщ, что ему опостытели мои кислые компоты и вообще он никогда не любил крепкий чай и его мутит от запаха моего парфюма.

— Позвоните Олегу может быть он знает, где ваш сын.

— Я звонила. Олег тоже не общался с ним несколько дней. Сказал, что Кирилл должен был приехать к тебе привезти бумаги о разводе. Он приезжал?

Я бросила взгляд на пухлый конверт, который все еще лежал на столе и к которому я так и не смогла прикоснуться.

— Нет, не приезжал. — не знаю почему, но я ей солгала, — Мам, вы ложитесь спать. Поздно уже. Может он по работе за город поехал и там нет связи. Помните, как в прошлом году. Он обязательно позвонит, как сможет.

Захотелось посоветовать ей позвонить Галине, его любовнице, но я не стала. Хотя, у меня был

номер ее телефона. Да что там — у меня был и адрес, и вся биография. Когда тебя предают хочется знать ради чего. А точнее ради кого это все. На кого тебя променяли... а еще за что. Но ты получаешь ответ только на один вопрос — на кого... а «за что» всегда остается за кадром. До того момента пока он сам не решит вам все рассказать, но лучше бы вы этого не знали.

— Если он объявится — дай мне знать. В любое время, Жень.

— Вряд ли он позвонит мне даже если будет при смерти.

— Зря ты так. Кирилл любил тебя и ты для него не последний человек.

— Кирилл любил и любит только себя. Позвоните Галочке. У вас есть ее номер телефона? — не удержалась, прикусила язык, но уже поздно.

— Какой Галочке?

— Ну его женщине.

— Женя, у Кирилла нет никаких других женщин. Я бы об этом знала.

Святая материнская наивность считать, что они все знают о своих детях.

— Я не хочу сейчас говорить об этом. Вы примите валерьянку и ложитесь спать. Он объявится. Обязательно. Спокойной ночи.

— Жень, ты привези ко мне девочек в выходные, хорошо?

— Привезу. Не переживайте. Разводимся только мы с Кириллом, а не вы с внучками.

Я отложила смартфон в сторону и пошла проверить, как там девочки.

Маша уснула на диване, как и всегда перед телевизором и, если бы муж был дома, он бы перенес ее в детскую. Для меня она уже слишком тяжелая. Я наклонилась к дочери, поправила золотистые пряди волос за ухо, принесла одеяло из ее комнаты и, укрыв ее, подоткнула со всех сторон. Она вечно раскрывается по ночам. Заглянула в детскую — Лиза тоже спит, обняла медведя и посасывает большой палец. Вспомнилось как мы в третий раз ждали мальчика, я даже расстроилась на УЗИ, а Кирилл был рад. Он сказал, что девочки всегда папины. Это было шесть лет назад. Всего лишь шесть лет. А тогда он уже изменял мне? Как часто он предавал меня? С кем? О скольких таких Галочках я не знаю. Как я вообще ему могла доверять?

Прикрыла дверь в спальню младшей дочери и пошла на кухню ставить чайник. Проверила есть ли горячая вода в кране и включила бойлер. Скоро вернется наша старшая и непременно пойдет в душ. Я бросила взгляд на часы и невольно поймала свое отражение в зеркале.

Мы видим себя каждый день и никогда не меняемся остаемся все такими же и из зеркала на нас смотрит лицо, к которому привыкли, но другие видят, как мы меняемся. Им это заметно лучше. И я тоже увидела. На наших фотографиях. Какой была двадцать лет назад и какая я сейчас. Нет, не уродина, не старая, но уже не такая...присмотрелась и с ненавистью вырвала седой волос на виске. Пальцы пробежались по скулам и подбородку, разглаживая кожу. Без макияжа выгляжу на свой возраст и полнота уже так быстро не уходит, несмотря на тренировки в спортзале. Третьи роды оставили свои следы на теле. Разве что лечь под

скальпель, обколоться ботоксом, сделать липосакцию. Хотя у меня сейчас на это нет лишних денег. Я теперь мать-одиночка даже несмотря на то, что Кирилл дает деньги на девочек и я работаю их теперь у нас далеко не так много, как было раньше. Я предоставляю ему отчет о тратах и не беру себе ни копейки. А может стоило все же подтянуть кожу вот здесь и здесь... и живот убрать. Может быть тогда он не смотрел бы на других женщин. Такие мысли пришли в голову только сейчас...раньше я почему-то об этом не думала. Наверное, это моя вина. Нужно было думать. Нужно было не носить при нем в доме старую майку и шорты, не завязывать гульку на затылке, не ходить в «маске» для увлажнения кожи, брить ноги каждые два дня, прятать гигиенические прокладки подальше в шкаф и просыпаться всегда накрашенной. Быть той самой оберткой от шоколадки. А мы всегда считаем, что если мужчина принадлежит нам, то больше не нужно заморачиваться и можно быть самой собой. Нельзя! Это не ваша мама и не ваша подружка. В один прекрасный день вы станете для него чем-то вроде предмета мебели потому что выглядите именно так, как удобное, старое кресло и почему бы его не поменять на новое более красивое с разными навороченными штуками.

Мужчины любят конкуренцию. Им нужно здоровое соперничество. А мне на улице уже не смотрят вслед, не сигналият из автомобилей. Да, те, что постарше еще обращают внимание...постарше лет на десять-пятнадцать. К таким разве ревнуют?

Я вдруг подумала о том, что, когда тебе далеко за тридцать ты становишься кем-то средненьким, еще не старухой, но уже и не молодой. Ты все чаще думаешь о том сколько лет еще ты будешь привлекательной и как долго будешь заниматься сексом? Когда у тебя начнется пресловутый климакс и с того момента женщиной ты будешь только называться... И что самое обидное — с ними этого не произойдет. Они останутся мужчинами до самой старости пока стоит член и есть желание трахаться.

Меня задушило приступом ненависти к нему. Едим, накрывающим с головой приступом ярости. Как он смел отобрать у меня двадцать лет жизни? Как смел предать тогда, когда это больнее всего. Еще десять лет назад, когда мы сильно повздорили и я ушла к маме, а он вернул меня обратно, мне было двадцать восемь, и я могла устроить свою жизнь, я все еще считалась молодой. Пусть многие скажут, что и в тридцать восемь — это молодость, что женщина в самом соку, что прям живи и радуйся жизни. Они либо оптимистки, либо дуры, что в принципе одно и то же. Это конечно неплохой метод борьбы с когнитивным диссонансом, но если в ваши тридцать восемь вас променяли на двадцатипятилетнюю свиристелку, то у вас возникает закономерный вопрос и вполне закономерный на него ответ. Почему, например, вас не променяли на пятидесятилетнюю? Смешно, правда?

Я распустила волосы и заправила их за уши. На шее поблескивала цепочка, подаренная им на день рождения в прошлом году. Рванула ее и сжав в кулаке смотрела себе в глаза. А ведь я его любила все эти годы. Об этом редко задумываешься. Через двадцать лет вас уже не шатает от страсти и в животе не прыгают бабочки, а секс скорее четко отработанный механизм, работающий без сбоев. Муж превращается в кого-то типа родного брата или лучшего друга....Вы испытываете к этому человеку безграничную нежность, уважение, трепет иногда желание...но оно уже мало напоминает то самое бешеное ощущение, которое он вызывал в вас пусть даже десять лет назад. И только когда вас предают вы понимаете насколько любили и насколько вам больно...

Вернулась в спальню и, судорожно выдохнув, невольно потянулась к конверту. Сейчас я просто устало распечатала и достала бумаги. Муж подписал документы о разводе. Я смотрела на его размашистую подпись, слегка корявую завитушку на букве «К» и вдруг поняла, что его рука дрогнула, когда он поставил последнюю жирную точку в нашем с ним браке. О чем он думал.

Когда расписывался? Думал о том же, что и я? Ему хотя бы немного было больно? Или мы на самом деле настолько чужие?

Я долго не верила, что их придется подписать, что он принесёт их мне и положит на стол, осматривая нашу кухню циничным взглядом, словно прикидывая, что еще можно у меня отобрать. Внутри образовалась пустота, дыра, кровоточащая незаживающая рана. Оторванные с мясом двадцать лет моей жизни, где я была счастлива, любила, смеялась... Вот и все, Авдеев... все кончено, и ты теперь свободен. Ты счастлив? Ты этого хотел, когда трахал ее на своем рабочем столе в кабинете к которому мы с тобой вместе обдумывали дизайн?

А чтобы ты сказал если б узнал, что я переспала с твоим лучшим другом на нашей с тобой постели и теперь он таскается к нам домой с дурацкими букетами, носит конфеты для Лизки и лапает меня в своей машине, когда забирает домой из офиса. Ты бы разозлился? Скорей всего нет. Ты ведь теперь тоже едешь к ней домой, не скрываешь ее от своих друзей и забираешь с работы. Хотя, о чем это я — вы же вместе работаете. Как удобно не правда ли?

Я медленно достала из подставки шариковую ручку и сжала ее в дрожащих пальцах. Пыталась и не могла подписать, не могла, словно вот он последний шаг, который окончательно сделает нас чужими. Ведь для меня он все еще родной... я вижу его в наших дочерях, я ловлю себя на мысли, что всегда готовлю ужин на пятерых и по-прежнему записываю его любимую телепередачу, жду, когда ключ повернется в двери, и он скажет привычное: «Снежинка, я дома», а простить не могу. А еще все время думаю о том, что он женится на НЕЙ после нашего развода. О том, как ОНА ждет этих проклятых бумаг, чтобы отобрать его у меня окончательно.

Я отпустила его без истерик и слез. С каким-то ледяным равнодушием больше похожим на приступ сумасшествия. Он тогда вернулся с работы, чмокнул меня в губы и мне показалось, что это не поцелуй, а какое-то поглаживание старой преданной собаки по голове. По привычке и по инерции. Такое безэмоциональное чмок. Как почистить зубы, или сходить в туалет. А ведь раньше могли прямо у дверей заняться сексом, когда меня уносило только от его запаха.

От него и сейчас пахло его парфюмом и сигаретами. Пахло улицей и бензином. Родной-чужой запах, я смотрела в его глаза и понимала, что совершенно не знаю вот этого высокого, худощавого мужчину с темными волосами и пронзительными голубыми глазами. Я вижу его впервые в жизни. Потому что он уходил из дома родным и любимым, а вернулся подонком, разрушившим нашу жизнь.

— Что с тобой?

— Ничего. Ужинать будешь?

— Я не голоден. Поел с партнерами на работе.

Сцепила пальцы сильнее в диком желании едко спросить у него чем она кормит его в обед? Чем таким, мать его, из того, что не готовлю для него я. Именно сейчас он казался мне красивым. Ненавистно, отвратительно красивым и чужим. Настолько чужим, что внутри начинало жечь от боли каждый нерв. Наверное, влюблен в нее поэтому и красив. Влюбленные всегда светятся изнутри.

— Дети уже спят?

— Да, давно.

Я пошла в комнату за его вещами, пока он мыл руки в ванной и когда вынесла чемодан его

глаза округлились.

— Не понял.

— Ты уезжаешь сейчас жить к маме, другу или к твоей Галочке. Детям я скажу, что у тебя командировка. Мы обсудим этот вопрос в другой день, когда я буду готова обсуждать его спокойно.

— Снежинка, — лицо мужа скривилось, как от зубной боли.

— Женя. Теперь не снежинка. Забирай вещи, Кирилл, и уходи. Без истерики, без разборок. Имей мужество просто уйти.

— Я так понимаю ты порылась в моем телефоне и сделала свои выводы? — прозвучало смешно и фальшиво.

— Избавь меня от объяснений. Уходи. Я хочу, чтоб ты ушел.

— Я не хочу уходить вот так, Женя...давай поговорим.

— А мне плевать чего ты хочешь. Я не хочу тебя видеть в этом доме. Убирайся.

— Я и Галина...

Предостерегающий жест...только не ее имя сейчас. Не надо нажимать на спусковой крючок. Не надо меня сводить с ума разговорами о твоей двадцатипятилетней любовнице секретарше. Божеее! Банальней и не придумаешь. От омерзения вздрогнула.

— Просто уйди. Сейчас.

— Женя.

— Уходи!

Тогда он ушел без скандала.

Это потом в разговорах с нашими друзьями он называл меня бесчувственной сукой, которая перечеркнула весь наш брак из-за одной его ошибки. Он говорил, что я сама приползу к нему на коленях и что он счастлив избавиться от меня потому что его тошнило даже от звука моего голоса. Он говорил, что я останусь одна потому что я никому не нужна с тремя детьми и что я должна смотреть в зеркало повнимательней, чтобы видеть в кого я превратилась и что у него стоит на меня раз в неделю и то потому что, хочется хотя бы кого-то.

Грязная ложь...он брал меня так часто как хотел.... А хотел каждый день. Да, почти каждый день и именно поэтому я бы никогда не подумала, что он так подло меня предает. Что он трахает свою секретаршу в рабочее и в не рабочее время, что он пишет ей долбаные смски. Я получила распечатку его звонков и сообщений. Везде ее номер.

Он меня бил. Низко, грязно и больно бил. Как он смел говорить это нашему общему другу, как вообще смел обсуждать меня с кем-то из них? Он рыл между нами пропасть глубиной в мою бесконечную ненависть и отчуждение. Я не верила, что все эти годы жила с человеком способным сказать обо мне все это. Не в глаза, нет, а за спиной. Подло, мерзко и так отвратительно. Я никогда его не знала по-настоящему. И в этих бумагах, где забирал себе то, что считал своим..., наверное, это ломает сильнее, чем само предательство. Вот эта дележка

имущества. Когда мелочно забирается какой-то диван или фотокамера, когда вспоминается кто и что покупал.

Нам только кажется, что мы знаем людей. Свое истинное лицо они показывают только тогда, когда мы гладим их против шерсти или наступаем им на горло.

Я смотрела на его размашистую подпись на бумагах и почувствовала, как по щекам снова потекли слезы. В этот момент зазвонил мой сотовый. Наверное, Алиска приехала домой.

— Добрый вечер. Я прошу прощение за беспокойство. Меня зовут Антон Валерьевич Соловьев. Я главврач травматологического отделения больницы номер восемь в областном центре города ..... Как вас зовут?

— Евгения Павловна, а что случилось?

Нам только кажется, что мы знаем людей. Свое истинное лицо они показывают только тогда, когда мы гладим их против шерсти или наступаем им на горло.

Я смотрела на его размашистую подпись на бумагах и почувствовала, как по щекам снова потекли слезы. В этот момент зазвонил мой сотовый. Наверное, Алиска приехала домой.

— Добрый вечер. Я прошу прощение за беспокойство. Меня зовут Антон Валерьевич Соловьев. Я главврач травматологического отделения больницы номер восемь в областном центре города ..... Как вас зовут?

— Евгения Павловна, а что случилось?

Город, который он назвал, в расстоянии трехчасовой езды на машине от нашего.

— К нам привезли мужчину с черепно-мозговой травмой, без документов, и мы нашли в кармане его куртки номер вашего телефона. С припиской «дом». Вы могли бы приехать и опознать его?

Внутри что-то словно оборвалось, и я схватилась за спинку стула чтобы не упасть.

«— Что ты там распахиваешь мне по карманам?

— Резинки, Авдеев, чтоб не заболел блякой и мне домой не принес.

— Ты дура, да?

— Нет. Трезво смотрю на вещи.

— Не трезво, а по-бабски. Так что ты туда положила, снежинка?

— Авдеев — ты склеротик, и не помнишь ни одного номера телефона наизусть. Вот случится что, ты даже нам не позвонишь. Я всем вам в карманы курток положила свой номер. Написанный на бумажке. Дешево, сердито и надежно.

— Поцелуй меня очень сердито, и я пошел».

— Этот мужчина...он мертвый? — хрипло спросила я, чувствуя, как пол уходит из-под ног.

— Нет. Он живой. Недавно пришел в сознание. Легкое сотрясение мозга. Но он ничего о себе не помнит. Так вы приедете?

Я несколько секунд смотрела на свое отражение в зеркале и потом ответила:

— Да. Конечно я приеду.

ГЛАВА 7. Марана

Я нервничала. Так сильно нервничала, что мне казалось по телу градом течет пот и Славик наверняка чувствует неприятный запах. Мне всегда так казалось, когда я переживала. Потому что становилось жарко. Видимо, поднималось давление. Дома я сразу принимала душ и обрызгивалась дезодорантами. Я ужасно чувствительна к разным запахам и не могу спокойно стоять рядом с человеком если мне не нравится его запах.

Но потом от меня не пахло, пахло туалетной водой от «Нина Риччи», которую оказывает мой муж всегда ненавидел, и бальзамом для волос потому что я вымыла голову перед выходом из дома.

— Когда он тебе позвонил? — с какими-то странными нотками в голосе спросил Славик и я наконец-то на него посмотрела. Бледный, слегка сонный, растрепанный. Пару пуговиц застегнул неправильно. Все же я его разбудила, хотя он и отрицал.

— Где-то час назад.

— Это может быть и не Кирилл, так что успокойся. Трясешься вся.

— Они нашли в кармане его куртки мой номер телефона.

Славик бросил на меня обеспокоенный взгляд и снова посмотрел на дорогу. Он был нашим старым другом. Точнее другом Кирилла. Развелся лет одиннадцать назад и иногда приходил к нам со своей дочерью Полиной в гости. Она на пару лет младше нашей Алиски. С моим мужем они поссорились сразу после того, как тот ушел из дома. Я, конечно, подозревала, что из-за меня, но Славик отрицал. Он сказал, что Кирилл подставил его с бизнесом и теперь им не о чем больше говорить. Я была склонна в это поверить. Сейчас. Раньше я бы даже не могла предположить, что мой муж может кого-то подставить. И да, именно с этим другом у меня случился роман. Это он таскал мне букеты роз и иногда оставался у нас ночевать. Только так, чтоб дети не видели.

— Они сказали, что у него серьезные травмы и он ничего не помнит.

— И что теперь? Ты побежала по первому зову?

Он вырулил на трассу и включил музыку в приемнике.

— А кто к нему должен побежать? Позвонили ведь мне.

— Например его мать или та телка, с которой он трахается. Прости...Просто после всего, что

произошло ты не должна была ехать. Вы уже год не живете вместе.

Внутри возникло отвратительное чувство, что мы говорим не о моем муже, а о каком-то ублюдке, который не стоит даже того, чтобы к нему приехали в больницу..., Впрочем, так оно и было. Он вел себя, как последний ублюдок. Но...знаете это очень странное чувство. Одно дело, когда ты сама обзываешь бывшего последним козлом и тварью, и совсем другое, когда это делает кто-то другой, посторонний. Кажется, что он оскорбляет и тебя саму, ведь это был твой выбор. Ты с этим козлом прожила двадцать лет, а значит принимала его со всеми отвратительными недостатками. Я вдруг пожалела, что позвонила Славику. Надо было просто вызвать такси и никому, ничего не говорить.

— Прости, что тебе приходится туда ехать со мной вместе. Моя машина сломалась, а на такси не хотелось.

Славик усмехнулся, продолжая смотреть на дорогу.

— Сказала так будто мы чужие люди. Я рад помочь, Жень. Ты же знаешь. Только попроси...

Знаю. И всегда знала. Славик был ко мне равнодушен еще с нашего знакомства на дне рождения у Кирилла. Но если раньше пока мы жили с мужем он этого старался не показывать, то, как только мы расстались, он перестал скрывать свои эмоции. По началу это ужасно смущало. Мне было как-то странно воспринимать Славика, как нечто большее, чем друга семьи. Да и он мне не нравился, как мужчина никогда. Слегка полноватый, с выпирающим пивным брюшком и залысинами на лбу, чуть ниже меня ростом. Они одного возраста с Кириллом, а кажется Славик лет на десять его старше. Меня всегда слегка подташнивало от полноватых мужчин. Правда моя подруга Любка говорила, что мне стоило бы присмотреться к Славику — у него своя сеть супермаркетов и три магазина автозапчастей (два из них мой муж пытается у него отжать). И он в меня влюблен. Я могла бы кататься, как сыр в масле.

Но мне не хотелось тогда ни к кому присматриваться я тосковала по мужу. Да, по подонку, ублюдку и козлу. Я тосковала по нему каждую секунду и по ночам спала на его подушке, стараясь представить, что он рядом. Оказывается, я настолько привыкла засыпать у него на плече, что у меня заняло больше месяца привыкнуть к тому, что теперь придется спать иначе и только самой. Иногда я забирала к себе кого-то из детей потому что это было невыносимо. Или старшая дочь приходила сама, слыша, как я тихонечко рыдаю. Она молча ложилась рядом, обнимала меня за плечи, и мы засыпали вместе. А потом мне кто-то рассказал, что видел Кирилла с какой-то женщиной и я сорвалась. Напилась и сама позвонила Славику. Легче, правда не стало, но ощущение, что и я кому-то нужна и нравлюсь все же помогало не сдохнуть от депрессии. Потому что очень хотелось сдохнуть. Невыносимо хотелось. Каждый день. Оказывается, осознавать, что тот, без кого ты не можешь спать по ночам счастлив без тебя — это адски больно. Не знаю почему все так обыденно относятся к разводам — это же ампутация без наркоза и без наложения швов и самое страшное болит намного дольше, и ты истекаешь кровью изнутри, но не умираешь. Может быть это со мной что-то не так? Но я ужасно переносила это расставание. Мне было бы легче если бы он умер. Я бы смирилась с этим намного быстрее, чем с тем, что он больше не со мной. Иногда мне хотелось его убить самой. Купить пистолет и спустить ему в сердце всю обойму. Так же красиво, как это показывают по телевизору...а потом я понимала, что лгу сама себе, если бы он умер я бы вообще с этим не справилась. Пусть живет, сволочь. Где-нибудь там вдали от меня, с другой женщиной, но живет.

По стеклу заморосил дождь, и я слегка поежилась, обхватывая плечи руками. Нет, в машине не было холодно, но холодно стало мне.

— Что будешь делать если это он?

— Не знаю. Позвоню его матери. Что-то придумаем. Возможно заберем его оттуда и перевезем в город.

— То есть ты собираешься этим заниматься?

Я посмотрела на Славика и нахмурилась.

— А кто этим будет заниматься?

— Я уже говорил.

— Говорил. Давай сначала посмотрим, что там вообще происходит и в каком он состоянии. Может быть он уже что-то вспомнил или это вообще не Кирилл.

— Черт как он оказался в этом Мухосранске? Наверное, к очередной бабе поехал.

— Ты специально так говоришь?

— Нет, констатирую факт. У него и раньше были всякие Гали, Оли и Тани.

— Ты говорил, что не было.

— Жалел тебя. Не хотел, чтоб изводилась. Ты итак на тень стала похожа.

Очередной удар под дых. Все так же больно и чувствительно, даже в горло комок застрял, и я не могла его проглотить. Действительно захотелось развернуться и поехать домой. Пусть свекровь опознает или шлюха его. Только Светлане Владимировне нервничать нельзя, да и как она сама в это захоlustье...Черт! Интересно, если бы ему позвонили вот так он бы поехал?

Почему-то подумалось, что нет. Он бы послал туда кого-то из своих людей, а потом, может быть, приехал бы сам.

— Я думал мы завтра ходим куда-нибудь, Жень. Я билеты купил на концерт «Арии» в самом лучшем месте...

Почему-то подумалось, что нет. Он бы послал туда кого-то из своих людей, а потом, может быть, приехал бы сам.

— Я думал мы завтра ходим куда-нибудь, Жень. Я билеты купил на концерт «Арии» в самом лучшем месте...

В приемнике заиграла музыка и я на секунду задохнулась от нахлынувших воспоминаний. Оказывается, все же существует машина времени...несколько вступительных аккордов, и ты уносишься на много лет назад. Словно растворяешься во времени и в пространстве.

Я знаю, что есть что-то в твоей улыбке

Я понимаю это, взглянув в твои глаза

Ты построила любовь, но она рухнула

Твой маленький кусочек небес потемнел

Прислушайся к своему сердцу

Когда он зовет тебя

Прислушайся к своему сердцу

Ты ничего другого не можешь сделать

Я не знаю куда ты собираешься

И я не знаю почему

Но прислушайся к своему сердцу

Прежде, чем сказать ему прощай

© Listen to your heart. Roxette

* * *

Дом тетки, стоял на самом берегу, огороженный с обеих сторон высоким белым забором. Если взобраться на насыпь, то открывался вид на небольшой порт. Я любила фотографировать яхты, лодки и корабли, небо в причудливых разводах, море особенно в шторм. Когда была помладше представляла, как стою на этой насыпи, смотрю вдаль, а там корабль плывет с алыми парусами. Как в романе Грина. Плывет за мной. Потом перестала ждать. Когда вырастаешь все меньше и меньше веришь в чудеса потому что жизнь доказывает, что их не бывает.

Летом любила рассвет. Прохладно, влажно. Легкий ветерок дует и по воде не волны, а рябь.

И солнце только взошло — не печет, не жарит, только слегка ласкает лучами, как крыльями кожи касается. Осторожно, нежно. На небе разводы бруснично-огненные на синей рваной вате облаков. Я по привычке наверх взобралась, устроилась поудобней, настроила объектив.

Только снимать собралась, как услышала рокот мотоцикла. Какой-то парень заехал прямо на песок. Соскочил с мота, швырнул шлем. На ходу сбросил куртку, стянул через голову футболку. Поставил на песок магнитофон и врубил музыку.

Я в объектив посмотрела, приближая изображение. Что он здесь делает? Эта зона закрыта для отдыхающих. Как его охрана пропустила в частные владения? Но судя по всему таки пропустили. Потому что он и не скрывался совершенно, запрыгнул на одну из яхт, вытащил доски на песок, ведро, инструменты. Я продолжала наблюдать за парнем. Он закатил джинсы до колен и старательно что-то выковыривал на доске, потом запрыгнул обратно на яхту. Послышался стук молотка, а я снова глянула в объектив и затаила дыхание — каждый раз, когда он замахивался молотком мышцы на его руке сильно напрягались, а у меня почему-то от этого дух захватывало.

Парень меня не замечал, а я вперед подалась, чтоб лучше рассмотреть. Его смуглая кожа лоснилась от пота, а в коротких темных волосах поблескивали солнечные блики. Я не знаю почему он привлек мое внимание. Возможно потому что здесь редко кто появлялся из чужих или потому что мне просто понравилось за ним наблюдать. За его движениями, за тем, как перекачиваются мышцы под загорелой кожей. Солнце поднималось все выше и выше. Я видела, как парень смахивает тыльной стороной ладони пот со лба, и сама облизывала пересохшие губы.

А потом он прямо с носа яхты прыгнул в воду. Здесь обычно никогда никто не купался. Только рыбаки выходили в море.

Он долго плавал. Заплыл далеко, потом обратно. На берег вышел, а я пригнулась, чтоб не заметил и снова рассматривала. Красивый он. Волосы короткие темные, четкий профиль и тело такое сильное, накачанное. Улегся на песок, тяжело дыша. В небо смотрит. А я сама не понимаю, как щелкаю камерой. В разных ракурсах. То целиком, то части тела. Ноги длинные в мокрых джинсах, сильную руку, закинутую за голову. Капли воды на смуглом, загорелом торсе с рельефом мускулов на плоском животе и этот профиль. Отчеканенный. С ровным носом, высоким лбом и чувственными губами.

Он приходил туда каждый день в одно и то же время, а я также каждый день его фотографировала пока он лежал на песке и отдыхал. Я гадала кто он такой и сколько ему лет, гадала как его зовут. А по вечерам проявляла фотографии, которые уже успела проявить. Черты его лица, длинные ресницы, четко очерченные скулы и губы. У него были невероятно красивые губы. Они казались мягкими и упругими. К ним хотелось прикоснуться кончиками пальцев и проверить такие ли они на самом деле. Я представляла себе, как спущусь с насыпи и заговорю с ним, но так и не решилась этого сделать. Нет я не была робкой, даже наоборот мне всегда хватало уверенности в себе. Он заметил меня сам. То ли в объективе сверкнул солнечный луч, то ли просто посмотрел в мою сторону. Я тут же спрятала фотоаппарат за спину, когда увидела, как он на меня смотрит.

— Эй. Ты что там делаешь? — крикнул мне и прикрыл глаза от солнца рукой и поднимаясь во весь рост, сжимая в руке лобзик.

— Тебя фотографирую, — крикнула я.

Он рассмеялся, продолжая прикрывать глаза рукой.

— А чего прячешься?

— Я не прячусь. Отсюда ракурс замечательный. Ты работай-работай. Не отвлекайся.

Усмехнулся и снова склонился над досками, а мне показалось, что сердце заколотилось где-то в районе горла. Музыка орала на весь пляж и от нее хотелось вспорхнуть и улететь.

Теперь парень изредка бросал на меня взгляды и улыбался, а у меня от его улыбки дух захватывало, а пальцы щелкали и щелкали, то приближая, то отдаляя изображение. А он вдруг крикнул мне, положив молоток и вытирая лицо о плечо:

— Фотки потом покажешь?

Я усмехнулась, опуская руку с фотоаппаратом.

— Как-нибудь покажу.

— А вблизи пофоткать не хочешь. С яхты в воде рыбу видно.

— Высоко здесь. Как я спущусь?

— Прыгай — я поймаю.

Он подошел к забору, разглядывая меня снизу. Порыв ветра приподнял платье и я удержала подол рукой, прижимая фотоаппарат к груди.

— Мне и тут неплохо.

— Боишься?

— Да.

— Меня? — снова усмехнулся и я вместе с ним.

— Нет. Высоты боюсь.

Засмеялся, а у меня дух захватило. Невероятная улыбка. Так нельзя улыбаться. Такие улыбки надо запретить законом. В уголках темных глаз морщинки появились и между сочных губ зубы сверкнули белые, ровные.

— Точно поймаеть?

— Точно поймаю. Слово даю.

— С чего бы мне тебе верить?

— Ни с чего. Верить никому нельзя. А вот рисковать интересно.

Очень интересно. Особенно если учесть, что я никогда в своей жизни не рисковала. И внутри появился вот этот бунтарский дух противоречия. Возможно, настал момент, когда я все же могу делать так, как хочу я. А я хочу? Даааа. Я безумно хочу.

— Ну если слово даешь...то лови. Главное фотоаппарат.

— Я вас обоих поймаю. Прыгай.

Наверное, только в семнадцать можно быть настолько безрассудной. Сейчас бы я...Сейчас бы я тоже прыгнула. Но уже по другой причине. И даже не с забора...а в бездну вместе с ним...

Он и правда поймал. Очень легко. Словно всю жизнь только этим и занимался. Ловил идиотов, которые прыгали к нему в бездну. Есть такой тип парней, мужчин на которых посмотришь один раз и сразу понимаешь, что они опасные. Опасны тем, что женщины от них тут же сходят с ума. И даже понимаешь, что их много этих женщин. Самых разных. Ты это чувствуешь и в семнадцать, и в двадцать, и в сорок. А ты в их числе. Потому что в принципе ничем не отличаешься. Его взгляд. Пронзительный и темный. Не цвет глаз, а именно взгляд. Бывают светлые, от них тепло внутри становится, а у него темный от которого становится жарко.

Вблизи его глаза казались небесно-голубыми, прозрачными. Наверное, солнце так в них отражалось. А я смотрела и мне показалось, что пауза растянулась на вечность. Статичность снимка ни на секунду не могла передать его мимику, движение губ, взгляд, голос. Снимок ничто в сравнении с живым человеком.

— Как тебя зовут, фотограф? — спросил он и убрал волосы с моего лица, а я тут же отшатнулась назад, поправляя платье.

— Женя, — ответила и снова посмотрела ему в глаза. Глубокие с чуть приспущенными уголками. Очень большие и ресницы длинные, пушистые. В зрачках черти пляшут.

— А я думал снежинка. Белая такая. С севера что ли приехала?

— Как тебя зовут, фотограф? — спросил он и убрал волосы с моего лица, а я тут же отшатнулась назад, поправляя платье.

— Женя, — ответила и снова посмотрела ему в глаза. Глубокие с чуть приспущенными уголками. Очень большие и ресницы длинные, пушистые. В зрачках черти пляшут.

— А я думал снежинка. Белая такая. С севера что ли приехала?

Усмехнулся, а глаза улыбка не тронула.

— Нет, солнце не люблю.

— Похоже и оно тебя не очень любит. Покажешь агрегат?

Я протянула фотоаппарат и следила за реакцией, за тем, как приподнимались густые, темные брови.

— Так ты уже пару дней фотографируешь? Ничего себе! Кем-кем, а моделью я никогда не был.

Мне захотелось спросить, а кем он был, но я прикусила язык. Досмотрев, он положил фотоаппарат ко мне на колени и спросил:

— Живешь здесь?

— Да. На лето приехала к тетке. А ты?

— А я? На заработки. Меня Кирилл зовут. Сколько тебе лет, Снежинка?

Кирилл. Вот бывает, что имя подходит человеку. Не возникает диссонанса. Так и это имя ему подходило. Хотя раньше оно мне не нравилось. А сейчас...я даже перекатывала его на языке потом, вечером, когда осталась одна.

— Семнадцать. В этом году школу заканчиваю.

Прищелкнул языком.

— Большая уже, да?

— Типа того.

Я не спросила сколько лет ему. Не знаю почему. Наверное, в тот момент это было не важно. Вряд ли намного старше меня. Кирилл откинулся назад на песке. И я снова невольно засмотрелась на его тело. В близи его кожа отливала бронзой и песок мягко рассыпался по животу. Я почувствовала, как кровь бросилась мне в лицо, когда я проследила взглядом узкую полоску волос от пупка за кожаный ремень его джинсовых штанов. Возникло дикое желание смахнуть песок и заодно коснуться его кожи.

— Нравится?

Резко вскинула голову и встретилась с взглядом потемневших глаз. Казалось он читал мои мысли.

— Что?

— Тебе здесь нравится?

— Нет, — честно ответила я и мы рассмеялись.

— Почему?

— Я не люблю лето. Вообще жару не люблю. Солнце ненавижу. Мне кожу хочется с себя снять. Я осень люблю и... и зиму.

— Странно — сказал он, рассматривая что-то на моем лице...и мне захотелось немедленно глянуть в зеркало, чтобы убедиться, что у меня на лбу не выскочил какой-нибудь мерзкий прыщ.

— Что странно?

— Обычно все любят лето.

— А я вообще странная.

— Есть такое. Фоткаешь незнакомых людей, прыгаешь с забора, не любишь лето.

— А ты любишь лето?

— Не знаю. Я об этом не задумывался.

Мой вопрос показался мне самой идиотским. Наверное, и ему тоже.

— Говоришь тебе тут не нравится? Хочешь я покажу тебе самое невероятное место на планете?

— Даже так?

— Ну мне кажется тебе должно понравится. Можешь фотик свой взять. Там есть что пощелкать. Ну что?

— Когда? — тихо спросила я, лихорадочно думая о том, что меня скорей всего не отпустят.

— Сегодня вечером. Я заеду за тобой.

— Не получится, — выдавила я и стиснула фотоаппарат сильнее.

— Что такое? У девочки мегаконтроль?

— Что-то вроде этого, — усмехнулась я.

— Ух ты. Прямо чувствую себя похитителем принцесс. А вообще ты мне должна за снимки.

— Да ладно. Я ж их не продавать собралась.

— Ну ты фоткала без спроса. За все в этой жизни надо платить. Так что с тебя свидание.

Он подошел ближе, сжимая руками футболку.

— Ты же как-то спустилась сюда. Почему бы не повторить это вечером?

— Спуститься-то спустилась, а обратно как подняться? — я глянула на забор и снова на него.

— Вот так, — он вдруг схватил меня за талию, резко развернул спиной к себе и поднял на вытянутых руках.

— Цепляйся за забор, Снежинка.

Охнув я вцепилась в один из толстых горизонтальных прутьев.

— Держишься крепко?

— Да.

— Я наклонюсь, а ты становись мне на плечи.

К щекам прилипли вся краска. Я же в платье. Как я стану ему на плечи?

— Не могу, — выдавила я, — отпусти меня. Я зайду с ворот. Скажу, что упала когда фоткала.

Он расхохотался, продолжая удерживать меня за талию.

— Не пались, девочка. Вдруг тебе еще пригодится этот выход из твоей крепости. Или ты думаешь я никогда женских трусиков не видел?

Нет. Я так не думала. Совсем не думала. И именно поэтому мои щеки сейчас пылали с такой силой, что казалось мне надавали пощечин.

— Ну что? Так и будешь висеть?

— Закрой глаза.

— Закрыл.

— Не врешь?

— Не вру.

Через секунду почувствовала его плечи у себя под босыми ногами. Взобралась на насыпь и резко обернулась. Он смотрел на меня снизу-вверх и смеялся.

— Я люблю белый цвет.

— Ты же обещал! — стиснула кулаки и задохнулась от ярости.

— А я сдержал свое слово, просто ветер...я и сейчас их вижу. — подмигнул мне, и я тут же придавила юбку к ногам., - в восемь буду ждать тебя здесь.

— Я не приду.

— Придешь. Долги надо отдавать. До вечера, Снежинка.

А в его магнитофоне хриловатым голосом солистка Roxette повторяла и повторяла припев:

Прислушайся к своему сердцу

Когда он зовет тебя

Прислушайся к своему сердцу

Ты ничего другого не можешь сделать

Я не знаю куда ты собираешься

И я не знаю почему

Но прислушайся к своему сердцу

Прежде, чем сказать ему прощай

© Listen to your heart. Roxette

* * *

— Жень, так чтоходим? — Славик выключил музыку и меня тут же выдернуло из прошлого и окатило ледяной волной реальности.

— Славик, давай сначала разберемся со всем этим. Кирилл все же мой муж

— Бывший разве нет?

Я не хотела говорить, что так и не подписала бумаги о разводе, я просто сказала, то, что должна была сказать и положить конец этому спору с самого начала.

— И отец моих троих дочерей. Ты ведь понимал, что он никуда не денется из моей жизни даже несмотря на развод.

— Хорошо, не злись. Просто я думал, что мы можем потом съездить поужинать и ко мне...я так соскучился, — он положил руку мне на колено, а мне захотелось её немедленно сбросить. Никогда не стоит заводить отношения ради утешения, никогда вообще не стоит заводить отношения если вы этого не хотите. Самое адское бремя притворяться и терпеть то, что тебе терпеть совершенно не хочется.

— Славик, я давно хотела сказать и не ...

— Молчи. Я знаю, что ты хотела сказать, — он вцепился в руль двумя руками и снова уставился на дорогу, — дай этому шанс. Нужно время и нам хорошо вместе. Я не давяю. Точнее, я не буду давить. Обещаю.

Я тяжело вздохнула. Да при чем тут давить и нам вовсе не хорошо вместе. Ты был моей жилеткой, в которую я плакалась, когда мне было плохо, а на самом деле меня просто передергивает от мысли провести с тобой больше, чем полчаса и преданность твою собачью выносить, чувствуя себя обязанной и виноватой. Пользоваться тобой и потом не знать куда б тебя деть, чтоб не ныл и на глаза не попадался. Но, конечно, ты в этом не виноват. Это я сволочь...а ты просто попался под руку. И, если честно, я бы точно без тебя с ума сошла. Мне нужен этот твой взгляд и любовь навязчивая. Пока нужны. А дальше не знаю, что я с этим буду делать.

Всю оставшуюся дорогу мы молчали. Славик сделал опять музыку громче, а я думала о том, как там дети сами? Если Лиза проснется и начнет плакать? Она же по ночам приходит всегда ко мне. Я написала Алисе сообщение, проверить спит ли она. Ответное сообщение пришло через секунду.

«— Не сплю. Думаешь я теперь усну?»

— Ложись у меня в спальне, если хочешь. Загляни к Лизе, пожалуйста. Укрой ее, если раскрылась.

— Я уже укрыла обеих и сериал смотрю. Ты напиши мне, что с ним все в порядке, когда приедешь, хорошо?

- Хорошо, лошадка, напишу.
- Я не лошадка.
- Ты моя рыжая лошадка и я люблю тебя.
- Фу мама...
- Ты меня не любишь?
- Ну хорошо, я твоя лошадка. И я тоже люблю тебя».

Улыбнулась невольно. Даже в шестнадцать дети остаются детьми. Да, я никогда от нее ничего не скрываю. Алиса достаточно взрослая, чтобы я была с ней честной, возможно именно поэтому она честна со мной. От детей мы получаем только то, что отдаем им сами. Они наше полное зеркальное отражение во всем.

- Мы почти приехали. Дыра редкостная. Как его сюда занесло.
- Не знаю. Вы же работали раньше вместе. Может какой-то проект?
- Нет...ну или это что-то новое, о чем он мне не рассказывал.

Позже окажется, что мой муж вообще никому и ни о чем не рассказывал, а точнее каждый знает о нем ровно столько, сколько он позволял, чтобы о нем знали.

Славик вырулил к трехэтажному серому зданию, припарковался у входа. И меня снова начало трясти, как в лихорадке. С мужем я не общалась очень долгое время. С глазу на глаз. За исключением его приезда ко мне неделю назад, когда привоз бумаги о разводе.

«— Даже так? Соизволил лично привезти?

- Мой адвокат сказал, что так лучше. Ты можешь сказать, что ты их не получала.
- Боишься, что я не отпущу тебя? Не льсти себе, Авдеев. Это я тебя выгнала.
- Ну мало ли, может ты передумашь, ведь теперь у тебя не будет столько денег на себя любимую.
- То есть ты считаешь, что я жила с тобой из-за денег?
- Ну или потому что было удобно. У тебя же все по расписанию. Все как надо. Ты дни для секса тоже обводила в цветной кружочек, как и другие запланированные мероприятия? Ооо, Анисимова, может ты и развод запланировала? Нашла себе другого спонсора побогаче? Хотя, кто на тебя позарится такую.
- Какую?
- Никакую. Просто никакую».

Я тогда его ударила по щеке и вытолкала за дверь, а потом долго сидела, прижавшись к ней спиной и смотрела в одну точку. Вот теперь это действительно конец. Раньше он никогда не позволял себе так говорить со мной... и еще раньше я не видела в его глазах вот этого

выражения. Знаете, как у чужого человека на улице с которым вы повздорили, когда он хочет задеть вас побольнее, потому что вы ему никто и если вам станет больно, то он победил.

За детьми он почти всегда присылал водителя и привозил их обратно тоже водитель. Со мной он договаривался о чем-то в письменном виде и иногда я подозревала, что он это делает специально, чтобы сохранять переписку для своего адвоката. Хотя, я никогда ему не запрещала видиться с детьми, но некоторые вопросы воспитания меня не устраивали и последний раз, когда мы поссорились из-за того, что он пичкает Лизу фастфудами, он сказал, что больше не желает со мной разговаривать и теперь, если мне что-то надо, я могу ему написать, когда будет время он ответит. Я пыталась звонить, но мне всегда отвечала его секретарша. Он сменил номер телефона и нового, его личного, я теперь не знала.

Закутавшись в пальто, поднялась по лестнице и дернула на себя дверь, выкрашенную в серый цвет с полустертой надписью «приемная».

ГЛАВА 8. Найса

Я сидела напротив врача и разглаживала невидимые складки на шерстяном платье. Славик остался в приемной ему кто-то позвонил по работе. Окинула кабинет взглядом — ремонт не делали лет сто наверное. Краска на стенах облупилась, деревянные рамы на окнах прогнили и слегка дуло из неприкрытой до конца форточки. Табачный запах растворялся в едком лекарственном. Вспомнился почему-то кабинет стоматолога советских времен, и я поежилась. Главврачом оказался мужчина средних лет, низкого роста, полный, с красными щеками и скорее похожий на торговца мясной лавочки, чем на врача. Ему бы передник вместо белого халата подошел намного больше. Но он оказался очень приятным человеком и очень внимательным. Не равнодушным и циничным типом к которым мы привыкли в государственных клиниках.

— Его нашли неделю назад возле железнодорожных путей. В ремонтной яме. Вначале подумали, что это пьяный бомж, но потом увидели дорогие ботинки и куртку. Там ведутся работы и один из сварщиков потерял свой мобильный. Вернулся искать и обнаружил мужчину без сознания. Полицию мы вызвали, но говорить с ним пока бесполезно он не помнит ничего. Бумажку с вашим номером нашли в кармане.

Я кивала по мере того, как он говорил и продолжала смотреть на облупившуюся голубую краску на стенах. Вспомнилось как мы красили рамы на даче вот такой голубой краской, и я зашлепала Кириллу новую футболку. Странные мысли, совсем неуместные для больницы, но почему-то именно они и лезли в голову.

— Я могу его увидеть?

— Конечно, именно для этого мы вас и попросили приехать. Его ударили по голове предположительно кирпичом или камнем, что скорей всего и вызвало амнезию, а потом обчистили до нитки.

Я втянула поглубже воздух и медленно выдохнула. Что Кирилл забыл в этом маленьком городишке я так и не могла понять. Надо будет утром спросить у Светланы Владимировны может быть она знает зачем он сюда поехал.

— Идемте, Евгения Павловна. Не хочу вас задерживать просто так.

На секунду стало страшно. Когда проходили по длинному коридору я увидела свое отражение в стеклянной витрине регистратуры и невольно пригладила выбившиеся из прически волосы.

— Налево, — послышался голос врача, и я послушно шла следом, сминая в руках тонкий шелковый шарф. Стук каблуков моих сапог эхом отдавался в гробовой тишине и только где-то вдалеке работало радио. Передавали сводку новостей.

Возле палаты мы остановились, я втянула поглубже воздух. Антон Валерьевич толкнул дверь, и я вошла в небольшое помещение с четырьмя кроватями. Кирилл я увидела сразу, он лежал у окна. Я бросила взгляд на его бледное лицо и медленно закрыла глаза, чувствуя легкое головокружение. Захотелось броситься к нему. Такое естественное желание, всего лишь год назад я именно так и сделала бы. Бросилась бы к нему, покрыла его лицо поцелуями, шептала бы как невыносимо испугалась, когда он пропал, как перенервничала пока ехала сюда. Но теперь все изменилось. Возможно, когда он очнется, то прогонит меня и разозлится, что позвали меня, а не ту самую Галину или маму.

— Вы его узнали, — не вопрос, а утверждение.

— Да...узнала. Это...это мой муж.

Я так и не смогла сказать «бывший», слово застряло где-то внутри меня и раскололось на части.

— Какое облегчение. Я до последнего переживал, что вы его не узнаете и нам придется искать дальше, а если не найдем, его могут потом перевести в психиатрическую клинику.

— Он спит или без сознания? — тихо спросила я, сжимая шарф еще сильнее и чувствуя, как потеют ладони и холодеют кончики пальцев.

— Он сейчас под действием транквилизаторов. Головные боли мучают. А утром вы сможете поговорить с ним. Правда до этого вам лучше пообщаться с нашим психиатром. Он будет здесь после десяти утра. Случай не простой, как он сказал вчера.

Я подошла к кровати Кирилл и чувствовала, как начало драть в груди от бешеной и такой непонятной радости видеть его снова. Пусть вот так, пусть в больнице. Как же я истосковалась по нему, по этому подлецу. До дрожи, до какого-то идиотского изнеможения. Так можно скучать только по родным людям. До оупляющего, отчаянного чувства, когда отходит онемение после обморожения и вы снова можете двигать пальцами рук и ног. Я испытывала примерно тоже самое глядя на Кирилл. Коснулась кончиками пальцев его колючей щеки и тут же отняла руку потому что он тяжело вздохнул и повернул голову вбок, а у меня сжалось сердце от вида кровоподтеков на его левой щеке и наложенных швов у виска. Опустила взгляд на его руку, лежащую поверх одеяла и вздрогнула — на безымянном пальце обручальное кольцо. Он что до сих пор его не снял? Невольно тронула свое и судорожно сглотнула комок слез, застрявший в горле.

— Вы мне ответите на несколько вопросов, если вас не затруднит? Я заполню его карточку, как положено. У вас есть при себе паспорт?

— Да, конечно.

Прежде, чем я зашла снова в кабинет к врачу я нашла Славика. Он курил на улице. Нервно

курил. Я видела, как он сбрасывает пепел каждую секунду и резко выдыхает дым.

— Ну что? Поехали? — бросил он, едва завидев меня, переминаясь с ноги на ногу и поглядывая на часы.

— Нет, ты поезжай, а я останусь. Это он, Слав. Это Кирилл.

— И что теперь? Что значит остаешься? Позвони его матери пусть она к нему едет. Ты не обязана тут оставаться.

От злости у него выпала сигарета и он закурил новую.

— Слав, на него кто-то напал и избил. Его вообще убить пытались и обокрали до копейки. Как я его тут оставлю?

— Глупости. Только не говори мне, что это жалость и чувство долга! Ты не должна!

Это и не было жалостью. Я просто не могла отсюда уехать.

— Верно. Не должна. Я хочу остаться. Ты чувствуешь разницу?

— Чувствую! Все чувствую. Еще когда ехали сюда чувствовал. Тряпка ты. Просто тряпка. Шанс вернуть его увидела? Думаешь он оценит, что ты у его постельки сидела бросит свою шлюшку и к тебе вернется котлеты с борщами есть?

— Езжай дома, Славик. Спасибо, что привез.

Я развернулась, чтобы уйти, но он резко схватил меня за локоть и дернул к себе.

— Я наизнанку выворачиваюсь, чтоб у нас все хорошо было. Поехали домой. Пусть кто-то другой этим занимается. Ты ему ничего не должна.

Его заклинило на этом дурацком слове «должна», он его повторял снова и снова. То ли себя убеждая, что это и есть причина моего решения, или меня.

— А ты не выворачивайся, Шевцов, так легче будет. Притом всем. Потом об этом поговорим. Я никуда не поеду. Он отец моих дочерей и я обязана ему помочь. А ты...ты между прочим был его другом.

— Был! Вот именно был! — медленно разжал пальцы, отпуская меня, и накинул на голову капюшон пуховика.

— А он когда-то ради тебя машину в мороз ночью гнал, когда твоя сломалась, чтоб в аэропорт отвезти потому что у тебя дочь родилась. Он тебя прикрывал, когда ты накосячил с налоговой. С ментовки вытаскивал, когда ты человека сбил и отмазаться помогал, выплачивал за тебя отступные, ты тогда все деньги в бизнес вложил. От наездов тебя прикрывал, когда ты свой первый супермаркет открыл. Хорошее быстро забывается, да, Слав?

— Слишком много плохого потом было, Женя. Слишком! Иногда есть вещи, которые тяжело забыть и простить. Ясно?! Все, я поехал. Хочешь сиди тут горшки ему меняй с пеленками.

Я даже не обернулась, когда он завел машину и уехал. Поправила растрепанные ветром волосы и вернулась в кабинет к врачу. Пока он записывал все данные Кирилла, я думала о том, что в

чем-то Славик прав. Далеко не все можно простить и забыть, но бросить человека вот так в чужом городе. И не просто человека, а человека, с которым прожила под одной крышей двадцать лет.

Врач задавал вопросы о том, чем Кирилл болел нет ли у него хронических заболеваний, операций, перенесенных травм головы. Ничего подобного не было, и я уверенно отвечала на все вопросы доктора. Как же странно я о нем так много знаю, даже больше, чем о себе. Никогда бы не подумала, что я помню, чем он болел в детстве и какая у него группа крови. Когда перешли к графе о детях брови доктора взметнулись вверх.

— Трое детей от общего брака и старшей дочке шестнадцать?

— Верно. Да, у нас трое дочерей.

— В жизни бы не сказал. Вы очень молодо выглядите.

— Спасибо. Я рано вышла замуж.

— Конечно самых лучших женщин надо хватать со школьной скамьи и воспитывать для себя. Ладно двое...но трое и старшей шестнадцать.

Я вяло улыбнулась его комплименту и решила, что скорей всего просто хочет подбодрить. У меня, вероятно, ужасно подавленный и изможденный вид. Этот день был не самым лучшим в моей жизни я напилась вина и рыдала, как идиотка с самого утра. Наверное, у меня опухшие глаза и до сих пор красный, как у алкоголички, нос.

— Вы говорите не было операций, а мы видели под левой лопаткой большой шрам. Похоже, как от ножевого ранения.

— Муж говорил, что как-то попал в переделку с поножовщиной.

На самом деле это были мои догадки Кирилл ничего мне не говорил о шраме. Сказал, что это нечто такое, о чем он не хочет говорить ни с кем. Может быть когда-нибудь он мне расскажет, но «когда-нибудь» так и не наступило.

— Понятно. Вам бы его в городе обследовать, МРТ сделать. У нас тут оборудование не ахти. Даже нейрохирургов хороших нет.

— А когда его можно увезти с больницы?

— В принципе он может передвигаться самостоятельно, его состояние удовлетворительное, если не брать в расчёт амнезию. От головных болей я выпишу лекарство и будете наблюдаться уже у себя. Я думаю пока все. Если возникнут еще вопросы я спрошу у вас завтра. Сегодня голова не работает. Адский денек.

Он усмехнулся и протер виски.

— У вас здесь можно где-то переночевать?

— Это запрещено. Но я войду в ваше положение и позволю вам остаться до утра в ординаторской.

Я достала из сумочки несколько сотен и сунула под журнал. Врач сделал вид, что ничего не заметил, а я написала дочке смску, что с отцом все в порядке и что утром я ее наберу. Они

могут не идти завтра в школу. Пусть присмотрит за сестрами. Светлане Владимировне позвоню утром, не стоит ее будить ночью. Попрошу, чтоб приехала к ним и посидела до моего возвращения.

В ординаторской я так и не смогла уснуть, всю ночь вертелась на железной кровати с ужасно скрипящими пружинами и на рассвете задремала. Меня разбудила медсестра, сказала, что скоро обход и мне лучше уйти, а то у Антона Валерьевича будут неприятности.

Теперь я стояла в туалете, ополаскивая лицо ледяной водой и с ужасом думая о встрече с Кириллом. Достала маленькую расческу из сумочки и расчесала густые, непослушные волосы, заколола в хвост. Провела пальцами под глазами, проклиная синяки и две тоненькие морщинки. Покусала бледные губы и пощипала щеки, чтобы не выглядеть такой изможденной и белой, как стена. Вышла на улицу, поглядывая на часы — только семь утра и подставила лицо теплым лучам сентябрьского солнца.

— Пирожки! Горячие пирожки! Чай! Кофе! — послышался зычный старческий голос, и я увидела женщину в пестром платке, темном потрепанном пальто с лотком на колесах.

— Дайте мне, пожалуйста два пирожка с капустой и...три с картошкой, а еще если есть с рисом и яйцом, и кофе, пожалуйста.

Кирилл любил именно с картошкой и с рисом. Я завернула горячие пирожки в пакет и села на лавочку. Поддела носком сапога несколько бронзовых листьев, и они с шуршанием опустились на потрескавшийся асфальт.

— Не возражаете?

От неожиданности я чуть не поперхнулась горячим кофе. Возле скамейки стоял мой муж и внимательно меня разглядывал, засунув руки в карманы расстегнутой куртки. Ему уже сняли повязку с головы и теперь его волосы торчали в разные стороны.

Солнце светило прямо ему в лицо и от этого глаза казались светлее, чем обычно. До боли родной и чужой одновременно. Странно видеть его вот таким. Последнее время я привыкла совсем к другому выражению его лица. Давно не видела Кирилла небритым и таким уставшим. Захотелось протянуть руку и пригладить ему волосы, но я сжала пальцы и отпила кофе. Сильно обожгла язык, даже слезы на глазах выступили. А он так и не дождавшись моего разрешения сел рядом.

— Я за вами с окна наблюдал. Как вы одиноко пинаете листья на тропинке. Захотелось составить вам компанию. Тихо здесь по утрам. Любите осеннюю тишину? Только шорох листьев и запах дождя.

На секунду закружилась голова от звука его голоса, он как-то странно изменился. Стал ниже что ли или наоборот моложе. Никогда не думала, что снова буду так реагировать на него.

— Люблю тишину, особенно если мне не мешают ею наслаждаться в одиночестве.

Я медленно выдохнула, отпивая кофе из чашки уже осторожно. Он бросил взгляд на пирожки в пакете и усмехнулся. А я невольно засмотрелась как поблескивает седина у него на висках. Красиво поблескивает. Мне всегда нравилась эта солидность. Помню, как он все время пытался ее состричь, чтоб было не видно, а я просила не трогать.

— Пришли кого-то навестить? — проигнорировал мой намек, словно, я не его имела ввиду. Он

всегда так делал, если ответ его не устраивал.

Кивнула и с трудом удержалась, чтоб не предложить ему пирожок. Черт, вы можете быть в разводе год, два, три, но эта привычка, видимо, неискоренима — накормить мужа. Она видимо заложена у вас в голове, как основная и важная программа на жестком диске компьютера.

— Вы моя жена, верно?

На этот раз я все же поперхнулась кофе и вытерла рот тыльной стороной ладони.

— С чего вы так решили? Я на нее похожа?

— Не помню, как она выглядит, у меня амнезия, — усмехнувшись продолжил он, заглядывая мне в глаза. Я несколько раз моргнула. — но я определенно хотел бы, чтобы она была похожа на вас. Ошибся, да? Вот черт, так и знал, что я не из везунчиков.

— А какой вы представляли себе вашу жену?

— Я ее себе не представлял, даже не знаю женат ли я, но вот это, — он поднял руку и повертел у меня перед носом обручальным кольцом, сверкающем на безымянном пальце, — наводит на мысль, что все же, увы, женат.

— Сожалеете?

— Определенно — да. Знаете, когда мозг не засорен воспоминаниями есть ощущение, что вы подросток и все воспринимается остро и ярко. Увидел вас и засмотрелся. Мне даже показалось, что я вас где-то встречал. Может в прошлой жизни?

Внутри поднялась какая-то странная волна злости. Сидит на лавке с, как он думает, незнакомой женщиной и говорит, что жалеет о том, что женат. Но говорит красиво. Это он всегда умел с какой-то непосредственностью завораживать женщин. И смотреть не только в глаза, а намного глубже, заглядывая в душу. Когда-то я с ума сходила от осознания, что он МОЙ. Что среди стольких он выбрал и любит только меня. Наивная идиотка.

— А вы не думали о том, что возможно, ваша жена ищет вас, переживает, а вы тем временем говорите, как вам жаль, что вы женаты?

Он пожал плечами и откинулся на спинку скамейки, в глазах пропал лукавый блеск, он даже слегка напрягся.

Он пожал плечами и откинулся на спинку скамейки, в глазах пропал лукавый блеск, он даже слегка напрягся.

— Если бы искала, то уже нашла бы. Я здесь неделю валяюсь. Как бомж, — невесело усмехнулся, подобрал лист с асфальта и сунул в рот черенком. Курить хочет, а сигарет и денег нет. Достала пачку и предложила ему закурить.

— Я не беру у женщин сигареты, — ответил он и принялся жевать черенок.

— А что, да, берете?

Усмехнулся снова уголком рта и положил руку на спинку лавки, заглядывая мне в глаза.

— Не знаю. Ничерта не помню. Но определенно не беру то, что не положено брать у женщин и отнимаю, то, что положено у них отнимать.

Голубые глаза заблестели тем самым блеском, о котором я уже успела забыть, тем самым от которого у меня двадцать лет назад внутри все в тугой узел стягивалось и дышать становилось трудно, тем блеском с которым он уже давно на меня не смотрел. Отвернулся, запрокинул голову, глядя на пронзительно-синее осеннее небо. Теперь я отчетливо видела швы у него на левой щеке и на лбу. Сердце болезненно сжалось, и я все же протянула ему сигарету.

— Берите, а то все листы пережуете.

— Состоите в общество охраны природы?

— Нет, в обществе охраны животных, — отрезала я и сунула сигарету ему в руку. «Козла одного в больнице навещаю» подумала и достала вторую себе.

Кирилл похлопал себя по карманам куртки.

— Черт, у меня даже зажигалку сперли.

Протянула ему свою, и он вдруг перестал улыбаться, внимательно её рассматривая. Провел указательным пальцем по гравировке сбоку, наверняка читая надпись, сделанную им же на восьмое марта позапрошлого года.

«Моей самой любимой Снежинке». Бросил взгляд уже на мое кольцо.

— Вы замужем, — прозвучало разочарованно, а я заправила волосы за ухо и заслонила ладонью огонек зажигалки, прикуривая сигарету. На секунду посмотрела ему в глаза и, черт возьми, смутилась, потому что он тоже смотрел. Настолько близко, что сейчас я видела темно-синие разводы внутри голубой радужки его глаз и свое отражение в зрачках.

— Замужем, — ответила и утвердительно кивнула.

— Жаль, что не за мной.

— Очень жаль?

— Невероятно жаль.

— Я вас разочарую — я замужем за вами. — его лицо вытянулось и брови удивленно поползли вверх, — но ненадолго потому что мы с вами... Мы с тобой, Кирилл, разводимся.

Положила пакет с пирожками к нему на колени и встала с лавки, отряхивая пепел с пальто.

— Поешь, я пока к твоему психиатру схожу. Он поговорить со мной хотел. И ...мне только этой ночью сказали, что ты здесь. А так как мы год не живем вместе, то неделю твоего отсутствия я не заметила.

Кирилл продолжал смотреть на меня расширенными от удивления глазами, а потом затаился сигаретой и, чуть прищурившись спросил.

— Похоже мы остались не в лучших отношениях. А зовут тебя как, жена? Снежинка что ли?

— Женя меня зовут. Снежинки нет давно. Растаяла.

— По моему предварительному заключению у вашего мужа полная потеря памяти. Он даже не помнит, как его зовут и сколько ему лет. У него были какие-то стрессы в последнее время? Трагедии? Что-то помимо удара головой?

— Не знаю...дело в том, что мы разводимся и уже больше года не живем вместе.

Врач внимательно посмотрел на меня.

— И тем не менее он носил в кармане бумажку с вашим номером телефона.

— Она случайно там осталась.

— Думаете? Неужели он ни разу не сдавал куртку в химчистку?

Я посмотрела на свои ногти и тут же сжала пальцы в кулаки, так как лак местами облупился и выглядел ужасно неряшливо. Маникюр у меня был по плану только завтра, а вчера я драила всю квартиру. Я всегда так делаю, когда нервничаю.

— Евгения Павловна, а давайте на чистоту. Вы бы хотели, чтобы он вернулся домой? Такой шанс, когда мужчина ничего не помнит и особенно причину разлада в семье, бывает один на миллион.

Я резко подняла голову и посмотрела на врача.

— Инициатор развода я. Поэтому нет, я бы этого не хотела.

— А если хорошо подумать? Ведь вы приехали сюда ночью и остались с ним до утра в больнице.

— Это просто долг и...

— Евгения Павловна, я врач-психиатр и вы можете быть со мной откровенны.

— Я с вами откровенна. Я не хочу, чтобы этот человек возвращался ко мне домой. Я вообще не хочу, чтобы он возвращался в мою жизнь. То, что я сюда приехала означает лишь, что я хотела ему помочь. Как долго вы продержите его здесь?

— Да мы и не держим. Я могу выписать его уже сегодня. Потом Антон Валерьевич вынесет свой вердикт и вы свободны.

— Вот и отлично — выписывайте.

* * *

Домой мы ехали в электричке так как у нас обоих не оказалось достаточно денег. Точнее у Кирилла их не было вообще, а у меня с трудом нашлось на поезд. В городе возьму такси — Алиска спустится и оплатит. Как назло еще и кредитку забыла дома второпях. Я искренне надеялась, что забыла, потому что вполне могла её потерять. Очень на меня похоже. Славику звонить не хотела. Я вообще не хотела думать о нашем последнем разговоре с ним. Это было слишком для моей нервной системы. Уж точно не сейчас.

Бросила взгляд на мужа, он смотрел в окно, куда-то поверх меня. Не знаю, о чем он думал. Иногда раньше любила смотреть на него и угадывать что делается в его голове, а потом выдавать ему версии, которые он разносил в пух и прах. Только этого давно уже не было между нами. Мы и виделись последнее время перед расставанием только по вечерам и воскресеньям.

А сейчас я впервые видела его настолько близко за этот год и мне было больно на него смотреть. Казалось, что он и не был мне родным никогда, может мне все это приснилось? Почти не изменился за это время только похудел немного, и щетина появилась на скулах, пару морщинок у глаз...тех, самых в которые я влюбилась. Он никогда не был красивым, но в нем была та самая дикая харизма от которой женщины теряют голову. Она заключалась в том, как он говорил, в повороте головы, в том, как размахивал руками и поднимал брови, в том, как смотрел или ухмылялся и его чувственные губы всегда вызывали непреодолимое желание тронуть их кончиками пальцев. Он всегда напоминал озорного мальчишку у которого в голове куча всяких фантазий, стрелялок, шутеров, американских горок и прочих аттракционов.

Вспомнила, как он улыбнулся мне в первый раз, и я подумала о том, что такие улыбки нужно запретить законом. Подумать только я столько раз целовала это лицо, гладила пальцами, а сейчас я сижу, как натянутая струна и внимательно слежу, чтобы не дотронуться до его колена ногой.

Между нами повисло молчание, которое я нарушать не собиралась. Я была слишком взволнована своей собственной реакцией на него сегодня утром. Меня, словно, отшвырнуло лет на двадцать назад в период нашего знакомства, когда от одного его взгляда пересыхало в горле и мне это не нравилось.

— Может расскажешь мне немного... обо мне. Ехать еще часа два.

Я даже не обернулась, вглядываясь в осенние пейзажи за окном. Нужно поменьше на него смотреть. Я просто соскучилась. Точнее это дурацкая привычка по нему скучать, но можно ведь отвыкнуть, а когда отвыкну — это тоже станет привычкой. Невероятно логично. Определенно я сейчас напомнила себе одного из украинских политиков.

— Тебя зовут Кирилл Сергеевич Авдеев. Тебе сорок три года.

«и ты редкостная сволочь».

— Ты сказала мы в состоянии развода, а сколько лет прожили вместе?

— Двадцать один год и у тебя есть три дочери. Старшей шестнадцать, средней двенадцать и младшей пять.

— Ох ты ж...ничего себе, — он даже выдохнул и прищелкнул языком. Его глаза округлились. Он всегда делал такие глаза, если его что-то шокировало. Когда-то это вызывало у меня приступы хохота.

— И как их зовут?

— Старшую — Алиса, среднюю Маша и младшую Лиза. Имена выбирал ты.

— А работаю я, наверное, ювелиром, да?

— Это почему? — я резко обернулась, но увидев его усмешку поняла шутку и еле сдержалась, чтоб не усмехнуться в ответ. — Нет, ты не ювелир, хотя у тебя определенно есть талант к

ювелирной работе.

— Так чем я все-таки занимаюсь?

— Бизнес по автозапчастям к иномаркам. Раньше ты работал с партнером, но вы поссорились и теперь ты сам по себе. В нашем городе у тебя пять небольших магазинов, три из них ваши совместные со Славиком и два ты открыл самостоятельно. Год назад вы сильно повздорили и больше ты с ним не работаешь. Насколько мне известно ты пытаешься отжать у него парочку ваших общих проектов. Кстати, один из магазинов мы будем проезжать при въезде в город.

— Значит я бизнесмен. Круто. То есть явно не бедствую. Это все или есть еще что-то?

— Это то, о чем мне известно, может быть есть и что-то, чего никто кроме тебя не знает.

— Например торговля наркотиками, оружием и донорскими органами?

Я посмотрела на него, чувствуя, как начинаю злиться потому что мне захотелось рассмеяться.

Я посмотрела на него, чувствуя, как начинаю злиться потому что мне захотелось рассмеяться.

— Все возможно.

— То есть я довольно загадочный и мрачный тип?

— Типа того. — хмуро ответила я и снова отвернулась к окну.

— А мои ...мои дочери они тоже меня ненавидят, как и ты? Или с ними мне повезло больше?

Я резко обернулась, чтобы понять шутит он или нет, но он оставался очень серьезным.

— Твои дочери тебя любят. Наш развод не имеет к ним никакого отношения. Почему ты решил, что они должны тебя ненавидеть?

Он пожал плечами и потер пальцами переносицу, явно начинал нервничать.

— Ну я так понял, что у меня была жена, но она меня терпеть не может, у меня был друг и с ним мы не в лучших отношениях. Вот я и решил, что возможно и с дочерьми все паршиво.

— Нет, там у тебя все хорошо, Авдеев. Девочки встречаются с тобой каждые выходные, и вы перезваниваетесь среди недели.

— Охренеть, — он усмехнулся и снова выдохнул. — мне сорок три года, я прожил двадцать лет в браке, имею трех дочерей. Когда я пришел в себя мне казалось, что у меня все совсем по-другому.

— Да, ты уже говорил, что тебе казалось, что ты не женат, что твой мозг не засорен ненужными воспоминаниями и ты открыт для новых встреч и свершений.

— А родители? Мои родители они живы?

— Да, твою маму зовут Светлана Владимировна она очень милая женщина и мы часто с ней общаемся.

— А отец?

Я отвела взгляд и принялась рассматривать затертые бордовые треугольники на спинке сидения впереди меня.

— Сергей Артемович умер шесть лет назад у него был рак головного мозга. Слишком поздно обнаружили и... Мне очень жаль. Он был хорошим человеком. Я его любила...как родного отца.

Перед глазами возник образ свекра, скромные похороны и плачущий у меня на плече муж, который держался около недели, чтобы поддержать мать, а потом разрыдался как ребенок и не мог успокоиться, а мне казалось, что я его боль кожей впитываю и сама с ума схожу, потому что ничем помочь не могу. Только рядом сидеть и по волосам гладить, ждать, когда сам успокоится.

В этот момент зазвонил мой сотовый и на дисплее высветилась фотка Алисы. Мой муж жадно уставился на дисплей.

— Это...это старшая, да? Алиса?

Я утвердительно кивнула и ответила дочери, украдкой поглядывая на лицо мужа и на то как от любопытства у него затрепетали ноздри.

— Да, милая.

— Ну что вы там?

— Едем домой. На электричке. Скоро будем.

— Папа поднимется к нам?

Я задумалась на несколько секунд, но она тут же затарахтела мне в ухо.

— Маам, бабушка приготовила рассольник и картошку жарит, а еще она налепила вареников, которые папа любит и компот клубничный сварила. Мааам, бабушка сказала мне, что его избили, обокрали и он ничего не помнит...пусть он поднимется, пожалуйста.

Я слышала, как слегка дрожит её голос и поняла, что моя лошадка очень сильно нервничала этой ночью. Захотелось ее подбодрить.

— Хорошо, он поднимется и поест у нас, а потом поедет вместе с бабушкой к ней домой.

— Урааа, Машкааа, кикиморааа, она согласилась иди гнома умыть и переодеть.

— Не называй сестру кикимора, — краем глаза увидела, как муж усмехается.

— Она покрасила прядь волос в зеленый цвет.

— О Боже!

— Маам, я не покрасила — это спрей, не волнуйся он смывается, — Машка отобрала у сестры телефон, — ты к нам его везешь, да? Он с нами будет есть?

— Отдай мой телефон, кикимора.

— Сама такая!

— ТАК! Хватит орать и ссориться, а то я передумую.

Они тут же притихли обе, и я шумно выдохнула.

— Кто-то гулял с Рокки?

— Кикимора гуляла.

— Алиса!

— Да, Маша погуляла с утра. Мам заскочите в супер купите коту корм.

— Вот уж нет. Мы без машины. Сами идите. Деньги в тумбочке. Ты знаешь там в конверте.

— Знаю, мам.

— Все, давайте, мы скоро будем.

— Ма.

— Да.

— А он совсем-совсем ничего не помнит?

Я обернулась к Кириллу и увидела, что он внимательно прислушивается к нашему разговору.

— Совсем ничего. Все. Пока. Не сводите бабушку с ума.

Отключила разговор и снова отвернулась к окну.

— Твоя мама у нас дома. Она приехала к девочкам. Ждет тебя. Приготовила обед.

— У вас не скучно я смотрю.

— Да, у НАС не скучно, — я подчеркнула нарочно, чтоб он понял, что нет никаких шансов на что-то иное. — ты её тоже не помнишь? Маму свою?

— Я ничего не помню. — уже мрачно сказал Кирилл и обхватил голову руками, — как только пытаюсь боль в затылке простреливает и в мозгах туман растекается или патока. Я в ней вязну и вспомнить ничего не могу.

— Ничего врач сказал, что пару месяцев лечения и возможно, ты что-то вспомнишь. Притом твоя мама много чего тебе сможет рассказать. Я уверена вы с ней найдете, о чем поговорить, когда уедете домой.

— Я еще даже не успел зайти к ВАМ, а ты уже думаешь о том, как я уеду домой?

— Знаешь что, Авдеев, я вообще предпочитала все это время о тебе не думать и да, мне в напряг твое присутствие в моем доме, но дети очень переживали за тебя и хотят тебя видеть. Вот и все. Не нужно ничего усложнять.

После моих слов около получаса он молчал, а я изо всех сил старалась не пялиться на него и смотреть только в окно. Но краем глаза видела его пальцы, как он отбивает что-то ими по

колелу. Он всегда так делал если нервничал и сейчас он явно очень нервничал.

— Почему мы разводимся? — это было неожиданно я даже прикусила кончик языка. Медленно повернулась к нему.

— Люди иногда разводятся. Надоедают друг другу, пропадает желание жить вместе, видеть друг друга и они расходятся, не справившись с банальными бытовыми проблемами.

— Но ведь у нас все не так было, да?

Он слегка прищурился и теперь сверлил меня одним из своих коронных взглядов от которых мне всегда становилось тесно и душно. Они не предвещали ничего хорошего.

— Почему ты так думаешь?

— Не знаю...у меня есть такое ощущение, что у нас все было иначе. Если бы мы с тобой надоели друг другу мы бы остались друзьями, и ты бы не ненавидела меня так сильно.

— Почему ты решил, что я тебя ненавижу?

— Вижу по твоим глазам. Когда ты смотришь на меня они темнеют и начинают сухо блестеть, словно ты хочешь поджечь меня ими заживо. Я что-то натворил, да?

— Это теперь не имеет никакого значения, и я не хочу это обсуждать. Прости мне по работе мейлы пришли ответить надо.

И я уткнулась в свой телефон, надеясь, что до конца пути он будет молчать.

ГЛАВА 10. Марана

Чакатоестрелка, которая длилась несколько изнуряющих минут, стихла, и я приподняла голову, стараясь рассмотреть в крошечной тьме, кто нас окружил и сколько солдат Фрайя охраняют машину. Под пальцами растекалось что-то липкое и я знала, что именно. Металлический запах крови вбивался в горло с каждым вздохом, Чакатоказывая мою правоту. Кого-то из игроков подстрелили или убили.

Если на нас напали мятежники, то возможно, я приближусь к своей цели намного быстрее, чем думала. Впрочем, Советник мог устроить люЧакатой спектакль с этой же целью. Но что-то мне подсказывало, что Советник здесь не при чем. А спектакль устроил далеко не он, а моя белобрысая новоиспеченная подружка.

— Все целы? — спросила тихо.

— Нет, кажется очкастую зацепило. Не шевелится, — голос Лисы почти сливался с тишиной настолько тихо ответила, и я знала, что она прислушивалась так же, как и я к тому, что происходит вокруг. Потом дернула решетку, несколько раз коснулась браслетом железа и посмотрела на меня:

— Магнит забыли включить. Здесь Чакатожен раЧакатотать магнит не только блок.

Мятежники все еще не напали на грузовик, но основательно подрядили конвой. Я видела головы солдат, тесно прижимающихся спиной к высокому кузову грузовика. Они, как и мы, беспокойно озирались по сторонам в поисках потенциальной угрозы. А я эту угрозу ощущала каждым нервом.

— Ты видишь кого-то? — голос одного из конвоиров послышался где-то слева.

— Нет.

— Не стрелять без моей команды — пусть эти твари поковылазят из-за кустов. — Мы итак Чакато хрена патронов истратили.

Я бросила взгляд на Лису и приподняла закованные руки, кивнула в сторону солдата стоящего ближе всех к решетке — у него за поясом виднелся ствол помимо винтовки в руках. Я могла бы просунуть руки и зажать ему горло...но это могло сраЧакатотать если бы кто-то из нас оказался снаружи.

— Нет. Не выйдет, — сказала Лиса и отвернулась, всматриваясь в темноту. Затишье. Временная Чакатоедышка Чакатоед новой волной. Я это понимала. Знала, что означает вот такой Чакатоерыв — противник собирается с силами или готовит ловушку. Хорошо это или плохо одному дьяволу известно.

— Сколько нас?

— ПятЧакатоцать, не считая Хена и водилы. Трех потеряли.

— Так и будем стоять? Может они уже ушли.

— Так и будем стоять? Может они уже ушли.

— Черта с два. Затаились. Неон хитрая мразь. Если напал значит пойдет Чакато конца.

— Думаешь ему нужен грузовик?

— Нет, думаю ему нужно то, что в грузовике.

— Так он не знает, что мы Чакатоевозим.

— Если только не увидел трансляцию. Мы не исключаем, что ублюЧакаток уже давно захватил пункт управления у северной стены. Слишком часто оказывается там, где не Чакатожен.

— ЛиЧакато кто-то из наших стучит.

— Тоже верно. Чакатоо проверить может и правда свалили. Недавно мы хорошо их потрепали. У Нео так уж много людей сейчас. Он не станет рисковать своими солдатами они могли понять, что им нас не осилить и уйти.

— Как, блядь, проверить?

— Эй, Свифт, иди к кабине и Чакатоожи Хену обстановку. Скажи, что мы думаем — мятежники ушли.

— Ну ты и...

— Заткнись. Пусть проверит. Не то Чакато утра торчать тут будем, а я жрать хочу и трахаться. Хен обещал всем скормить сегодня на пробу очкастую и синеглазую. Белобрысая так себе. Худая слишком и сиськи с дулю. У меня даже не встал не люблю со всеми.

— Привередливый какой. А мне б любую и по хрен с кем, лишь бы дырки все на месте имелись и мне одна своЧакатодная Чакатосталась.

— Я свой на помойке не нашел чтоб в каждую шлюху им тыкать. А вот синеглазая мне в самый раз... я б ее.

— Хен сам на нее глаз положил. Наиграется и тогда нам отдаст. Решим кому это мяско Чакатостанется. Разыграем, как и всегда. Ты мне кстати заЧакатожал если помнишь.

Снова шаги и голоса возле кузова. А я ощущаю в тишине все то же напряжение. Не ушел Неон. Я это кожей чувствую. Выжидает он. Нападет, когда меньше всего ожидать будут.

— Чисто. Никого нет. — Чакатонесся чей-то голос.

— По местам. Трогаемся дальше. Кажется, твари отступили.

Я усмехнулась уголком рта. Он бы не отступил никогда. Если только это не была его стратегия. Обернулась на девушку в очках и мысленно выругалась она была мертва. Осколки разбитых очков торчали из её левого глаза, а лицо залило кровью. Выдернула осколок из тела повертела в пальцах, разглядывая его и чувствуя, как пульсирует в мозгу сумасбродная идея. Посмотрела на Штыря и на Молчуна, прищурилась и приложила окровавленный палец к губам. Штырь тут же отвернулся. Кажется он сдулся насчет того чтобы стать моим покровителем.

— У нас здесь труп, — крикнула я и бросив взгляд на Лису кивнула на конвой. Подняла два пальца и потом жестом показала на себя, а потом на нее и изобразила пистолет, бросила ей стекло. — уберите его отсюда.

— Да! Мы не будем ехать с мертвецом здесь все кровью залило.

— Заткнитесь, суки.

— Она по всему кузову катается, пачкает пол мозгами. Уберитееее её, — Лиса завизжала, а я Чакатосте с ней. — я трупов Чакатоююююсь.

— Вот твари. Свифт, Бари, гляньте что там у них по полу катается..

Лязгнул замок на клетке и двое конвоиров залезли в кузов, склонились Чакато трупом.

— Хен, они не врут одну пуля задела. Чакатохлая. Чакатохлее не бывает. Что с ней делать?

— Выбросьте на Чакаторогу и поехали.

Едва они приподняли труп девушки, как мы с Лисой набросились им на спины. Я Чакатоекинула скованные руки через голову конвоира и зажала ему горло. Началась возня, он суЧакаторожно дергал ногами, пытаюсь освоЧакатодиться, а я вжимаясь спиной в решетку давила все сильнее. От напряжения Чакатолел каждый мускул. Я зажмурилась и стиснула челюсти, слыша, как хрипит ублюЧакаток, суЧакаторожно вскидывается от последних конвульсий мучительной агонии. Лиса полосовала горло второго ублюдка осколком от очков так же глядя мне в глаза. Тот хрипел и захлебывался кровью, а Штыря вывернуло на пол всем

что он съел вчера, а может и позавчера.

— Что вы там возитесь? Выбросили труп? Или вы его там трахаете?

Я Чакатоевернула одного из конвоиров, ощупывая его карманы в поисках ключа-магнита и оружия. Пусто. Чтоб его. Пусто! Отрицательно качнула головой и Лиса, обыскав «своего». Внезапно снова раздались выстрелы, грузовик дернулся с места, быстро набирая скорость.

— Прыгайте! — крикнула я, отталкивая конвоира ногами и пробираясь к открытой решетке. Пули свистели так близко и от кажЧакатого звука в голове отщелкивала секундная стрелка. Потому что как известно пуля-дура. Она не выбирает никогда. У нее своя четкая траектория.

Я видела, как соскочил с кузова Молчун и покатился к оЧакаточине. Умный засранец. Быстрее всех понял что к чему.

— Включить магнит! Выдвинуть шипы! Полная скорость! — голос Фрайя Чакатоекрывал рокот двигателя и звуки выстрелов. В ту же секунду я почувствовала, как меня придавило к решетке, выкручивая руки с такой силой, что от резкой Чакатоли я закричала. Твариини! На глазах непроизвольно выступили слезы. Грузовик подскакивал на ухабах, накренился в стороны, и я видела, как трупы конвоиров скатились назад и выпали на Чакаторогу. Мертвую девушку прижало к решеткам так же, как и нас. Жуткое зрелище, от которого Штырь проЧакатожал суЧакаторожно блевать.

— Сворачивайте к стене и оттуда на мост. — Чакатонесся голос Фрая с кабинки.

— Он неЧакатоежный может не выдержать. Грузовик тяжелый. Мы и груз. Риск.

— ВЧакатоед, я сказал. Твари преследуют нас. Загоняют в тупик у стены. Здесь только две Чакатороги. Через мост проскочим, еще час и включится барьер. Они нашего возвращения ждать не будут. После четырех комендантский для всех.

Морщась от Чакатоли, я всматривалась вЧакатоед несколько мотоциклов гнались за грузовиком, пули впивались в днище кузова, свистели где-то внизу — стреляют по колесам. Грузовик выскочил на узкий мост Чакато бешено бурлящей рекой, и я беспомощно дернула руками. Если грузовик Чакатоевернется в воду с моста — мы обречены.

— Вызывай подмогу, пусть дадут вертолет. Нас мало, мы не продержимся.

Сцепив зубы, я еще раз пыталась оторвать руки от решетки, но от усилий казалось, в глазах лопаются сосуды. Грузовик накренило в сторону, а потом резко в другую и я дернулась, почувствовав, как в предплечье впилась пуля. Твою ж мать. Посмотрела на Лису, но та зажмурилась и снова что-то шептала. Молится что ли. Во время-то как. Тоже мне монашка.

Штырь, кажется, вырубился. Постаралась рассмотреть рану у себя на плече, но не могла. Если не задело артерию буду жить. Судя по тому, как медленно расплзается кровь — не задело.

— Завал вЧакатоеди! Сукиииии! Они нас загнали в ловушку! Знали, что по мосту поедем. Твою ж мать!

Конечно знал. Я ухмыльнулась. Он каждый ваш взЧакатох наЧакатоед просчитал, ублюдки.

— Сворачивай в лес. Сейчас!

Грузовик выскочил с Чакатороги и понесся по узкой тропинке, ломая деревья. Внезапно он резко остановился и нас швырнуло на пол. Видимо магнит Чакатоестал раЧакатотать, скорей всего пробил двигатель и начался сЧакатой в электронике. В ту же секунду в кузов запрыгнули солдаты и выволокли нас наружу, швыряя на землю.

— Мордами вниз, мрази, не шевелиться! Вы все трупы. Когда выберемся отсюда и я узнаю кто из вас убил солдат — сниму шкуру живьем.

Пнул ногой Штыря в живот и тот глухо застонал.

— Что пицишь? Мясом хочешь стать? Так мы тебе это организуем!

Я слышала, как Фрай, что-то говорит по рации. Потом бросил взгляд на нас и снова на своих:

— Уводите этих в лес к плато у стены. Нас подберут прямо оттуда. Грузовик взорвать.

Раздался рокот приближающихся мотоциклов. Притом со всех сторон. Адреналин снова взорвался в венах. ТеЧакатоь я уже точно знала кто нас преследует. Это его почерк однозначно. Продумал все Чакато мелочей.

— Поздно, Хен. Они нас окружают.

— Гребаный ублюЧакаток все просчитал. Нам отсюда только пешком у стены и к четверем вряд ли успеем с этими, — кивнул на нас.

— Врубайте камеры. — заорал Фрай в рацию, — По всему Чакатоиметру. Онлайн трансляция. Ждем вертолет.

— КоманЧакатор сказал держаться без вертушки. Риск Чакатольшой.

— Чакатоедай, что мы без грузовика остались, теряем своих. Если увяжется погоня не уйдем. Груз может к мятежникам попасть. ОтЧакатой!

Он сделал несколько выстрелов в воздух.

— Эй! Неон! Поиграем? Новый раунд. Пусть на материке видят, как ты нарушаешь законы острова. Как думаешь насколько снизится твой рейтинг и какую цену назначат за твою голову?

— А мне по хрен. Отпусти пленных и отдай проЧакатовольствие с оружием и может быть сегодня тебе не отстрелят яйца.

Я зажмурилась, услышав его голос, стиснула челюсти. По телу прошла волна дрожи и сердце забилось в горле. Говори! Говори еще, черт тебя раздери, я столько лет не слышала тебя. За кажЧакатое слово можно сЧакатохнуть раз десять и снова воскреснуть...пока я сама не убью тебя. Хочу слышать твой голос, сукин ты сын.

— Игроков, Нео, игроков. На острове нет пленных. Есть игроки и преступники. Ты относишься к числу последних. Отступай! Здесь сейчас будет вертолет и вас размажут как мешки с дерьмом.

— Блеф, Фрай. Не размажут. Вертолетом рисковать не станут. КоманЧакатор лучше подставит твою задницу. Отдай нам мясо, еду и оружие. Мы отступим.

— ПоЧакатойди и возьми, ублюЧакаток. Я поЧакатожду грузовик и уйду в лес. Останешься ни с чем.

— Давай поиграем, Фрай. Один на один. Ты и я. Честный Чакатой. Или зассал?! Если замочу тебя уведу всех и жратву заберу, а если ты — то ничего не потеряешь. Что тебе будет за потерю отряда, игроков и мяса, а, Хен? Вазелин заказал с материка?

Я приподняла голову, силясь рассмотреть Неона. Он явно где-то близко. Но конвоир вдавил меня Чакатотинком в землю и ударил приклаЧакатом между лопаток.

— Не дергайся, шлюха. Башку отстрелю.

— Честный Чакатой с тоЧакатой? Ты раб, Неон. Восставший против хозяев пес. Таких как ты казнят без суда и следствия. Ты никто, чтоб я с тоЧакатой, мразью дрался.

— Сначала поймай, потом будешь мечтать. А пока что можешь дрочить на эту идею по ночам. Ну так что, Фрай? Или Чакатоишься, что я тебя раздеру голыми руками?

— Ты мертвец, Неон! Чакатохлятиной от тебя за версту прет! — повернулся к нам, — Все! Уходим! Врассыпную. Встретимся у плато.

Нас за шиворот подняли с земли, толкая прикладами в спины в сторону деревьев. Опять заморосил Чакатождь и где-то сверкнула молния. ТеЧакатой я отчетливо видела силуэты за деревьями. Нас окружили почти со всех сторон. Оставалось только отступать назад, за грузовик. Он мог послужить своеобразным щитом от стрел мятежников. Я пока что совершенно не понимала, что здесь происходит. Кого они называют мясом и почему. Что именно давала трансляция Хену я еще могла понять, но зачем он решил сжечь грузовик? Это потеря ценного груза...или они Чакатоевозили что-то Чакатолее мелкое и ценное? А мы и проЧакатовольствие лишь прикрытие? Похоже на правду. Иначе Хен не бросил бы грузовик.

Один из конвоиров полил машину бензином. И в это момент я увидела, как из-за деревьев высыпались люди в полумасках на лицах. Солдаты тут же открыли огонь, но это не останавливало мятежников. Они бежали на нас. В нескольких солдат Фрайя впились стрелы, и они с хрипами заваливались в грязь. Я в очередной раз усмехнулась — значит все же лук и стрелы круче ствола, да, Мад? Дешево, Чакатоежно и сердито. Притом всегда Чакатоступно. А ты мне не верил. Кичился своей пушкой.

— Твою мать! Их Чакато хрена!

— Поджигайте грузовик. Не дайте им проЧакатовольствие, оружие, все что можете унести на себе, остальное в топку. Вырубайте камеры, мать вашу! Мясо и игрока с соЧакатой. Пошли суки.

Один из конвоиров толкнул меня в спину, схватил за затылок... и только сейчас я поняла кого они называли мясом — нас. Они называли мясом женщин. Это мне забыли сообщить на материке. Чего я еще не знаю? Получается женщины здесь не игроки, а нечто сродни проЧакатовольствию?

— Мы никуда не пойдём, — зашипела я.

Извернулась и лягнула его в живот коленом, силой ударила сцепленными руками по затылку. В воздухе свистели стрелы и слышались выстрелы. Солдаты Хена отстреливались, прячась за деревьями. Конвоир ударил меня кулаком в раненое плечо, и я со стоном упала на колени.

Схватил за волосы, пытаюсь поднять с земли, но я впилась зубами в его ляжку через штаны, ударил по лицу, за горло поднял с земли и сильно тряхнул, а у меня от Чакатоли все тело свело.

— Сука конченная! Думаешь они тебя освоЧакатодят? Черта с два. Неон животное. Похлеще команЧакатора. Мясо у него в расход идет в Чакатовый же день. Сапоги ему лизать бу...

Он не Чакатоговорил, а я дернулась, когда мне на лицо брызнула его кровь, а между глаз ублюдка слегка вибрировала рукоять кинжала. Он вошел точно в Чакатоеносицу. Солдат медленно завалился на спину, глядя в неЧакато застывшим взгляЧакатом.

Я сплюнула и вытерла лоб и щеки руками.

Тяжело дыша осмотрелась по сторонам. Все усеяно трупами солдат и нескольких мятежников. Некоторые сцепились в рукопашной. Дикие крики и возня, хрипы и стоны. Завоняло смертью. Я этот запах всегда остро чувствую. Он забивается в легкие и потом еще Чакатого отдает металлическим послевкусием.

Поискала взгляЧакатом Лису со Штырем и не увидела. Их могли увести в лес, а может мятежники уже схватили других игроков. Я видела в чью сторону был Чакатоевес. Слишком много мертвых тел в камуфляже вокруг. Люди в полумасках дерутся с теми, кто не успел уйти за Хеном. Жестокая драка. Мясорубка. Настоящая резня. Мятежники орудуют ножами и лесками.

Чакатоед глазами расходились разноцветные круги и слегка подташнивало от слаЧакатости. Я совсем забыла про рану в предплечье. Вспомнила лишь тогда, когда поняла, что и сама падаю в грязь ряЧакатом с убитым конвоиром. Слегка прикрыла глаза и вдруг почувствовала, как кто-то Чакатоевернул меня на спину.

— Нашел еще одну, Ру. Вроде живая. Вставай, сучка! Чего разлеглась? Валяться будешь, когда тебе скажут.

Поднял за шиворот удерживая одной рукой и осматривая с ног Чакато головы. Чакато полумаской поблескивают масляно-голубые глаза. Знакомый блеск поЧакатой и жажды крови. Он шарил по моему телу рукой и в предвкушении причмокивал губами. Я видела, как они шевелятся под шерстяной материей.

— Себе заберу. Воспитаю слегка и буду пользоваться. Красивое мясо. Сочненькое. Вкусное.

— Руки убрал! Не здесь и не сейчас. Нео решает кому мясо Чакатостанется.

— Отвали, Ру. Это теЧакатоь мое мясо. Я нашел. У меня давно своего мяса не было.

— Что там у вас? — и снова от звука голоса по телу волны электричества и кровь закипает в венах, мешая сделать взЧакатых. Не думала, что спустя столько лет буду реагировать на него так же...Острым отчаянным восторгом влюбленной Чакато безумия идиотки.

— Шан бабу нашел. Себе забрать хочет.

Я сцепила зубы, видя, как к нам приближается мужчина и каждый его шаг пульсирует в висках глухой Чакатолью. Уплывающее сознание лишь слегка смягчает эту невыносимую пытку, я кусаю губы, чтобы не заорать, когда он подходит еще ближе и я вижу ярко-зеленые неоновые глаза, которые впиваются в меня, как тысячи острых иголок, пронизывая насквозь, заставляя

начать дрожать.

— Отпустил. Мясо братства, Одноухий. Не твое.

Тот, кого назвали Одноухим, сильнее сжал пальцы па моем горле и прижал за шею к себе.

— Мое. Я выкуп отдам.

— Я сказал отпустить. Потом решим чье. Ты знаешь, как это решается.

Смотрю на него и слышу, как учащается собственное дыхание, а из груди рвется вопль. Контроль дрожит в яростном, нечеловеческом напряжении, рвет цепи, рвет терпение и силу воли. Зеленые глаза смотрят на меня. Ни одной эмоции. Неоновый холод. Словно не узнал. И я кусаю губы сильнее, Чакато крови, чтобы не издать ни звука.

— Эй, Нео! Мы троих в плен взяли. Грузовик на ходу. Бензобак запаяем и можно двигать к нашим.

Чакатоевел взгляд с меня на зЧакаторовенного мужика, который кричал ему издалека, удерживая двоих пленных солдат за шкурки, как котят. Казалось он ростом со скалу и один его огромный кулак был размером с мужскую голову.

— Или порешим их? На хер нам лишние рты.

— Нет, Глыба! Отгружай в грузовик. Нам нужна информация. Мясо грузите с ними. Всех, кроме, — повернулся опять ко мне, прищурился, рассматривая, но все так же отстраненно, как и несколько минут назад, — кроме белобрысой — она моя. Я её ждал. А эту..., - помедлил ровно на несколько ударов моего сердца, — эту тоже в грузовик.

Закрывает глаза, медленно выдыхая. Значит все же за ней. Сучка оказалась права. Остро лезвием по сердцу, вскрывая старые шрамы Чакато мяса.

В тот же момент тот, кого назвали одноухим развернул меня к себе пристально разглядывая масляными глазками с красными прожилками на белках, голову на Чакаток склонил.

— Мое мясо. Запомни ты — мое мясо и сегодня я буду тебя, — принюхался к моим волосам, — жаарить.

Положил лаЧакатонь ко мне на грудь, ушипнул за сосок, а я дернулась оскалившись, как зверь. Если б могла впилась бы зубами ему в лицо и грызла Чакато кости. Но в тот же момент увидела, как в горло Одноухого уЧакатолось длинное лезвие кинжала.

— Я сказал руки убрал. Здесь нет ничего твоего, пока я так не решил.

— У тебя есть много мяса, Нео! Ты еще одну себе нашел. А мы месяцами без телок. Я трахаться хочу. Она вкусная...от нее пахнет чистой, белой сучкой. Она наверняка розовая между ног, как ракушка с материка.

Провел языком по моей щеке, в ту же секунду его пальцы разжались, и я снова рухнула на колени, глядя затуманенным взглядом на то, как Нео удерживает Одноухого за язык поигрывая сЧакаток лезвием кинжала, слегка царапая его с обеих сторон, пуская кровь.

— Зачем тебе язык, верно, Шан? В нашем деле он совершенно лишний. Руки есть, глаза и ноги. Даже член. Зачем тебе язык, м? Он тебе Чакатоел, правда?

— Ммммм, — мычит Одноухий и дергает головой из стороны в сторону.

— Я сказал, чтоб не трогал её?

Тот слегка кивал и мычал.

— Я сказал, чтоб не трогал её?

Тот слегка кивал и мычал.

— Сколько раз сказал? ТРИ! Мать твою. ТРИ РАЗА!

— Нео! Уходим. Вертолет приближается. Все. Сваливаем.

Брат отпустил Одноухого и вытер кинжал и пальцы о его куртку.

— Живи пока с языком. Позже решим чья она. Грузовик поведешь, понял? Пошел!

Одноухий быстро закивал и бросился к машине, а я увидела, как Неон медленно повернулся ко мне.

— Встать!

Я попыталась, но ничего не вышло. Слишком ослабла. Только пошатнулась и упала обратно. Он склонился ко мне и рывком поднял с земли, удерживая под руками. Встретилась с ним взглядом и всхлипнула чувствуя, как саднит в груди и наворачиваются слезы. Так близко... Чакатоже, как близко. Через столько лет. Всклипываю, задыхаясь, а он смотрит на мою майку по которой расплзлось кровавое пятно. Обхватил пятерней мой затылок и снова в глаза... а мне кажется в душу, в сердце. Туда под вскрытые шрамы солью. Так что от Чакатоли скулы сводит и Чакатоед глазами темнеет.

— Ма...

— Заткнись. Просто заткнись, — а пальцы грязь со щек моих вытирают и лицо его исказилось как от Чакатоли, сильнее волосы на затылке сжимает и ноздри раздуваются сильно и быстро, а потом хрипло, сквозь стиснутые зубы — мать твою... баЧакаточкааа!

Обмякла, оседая, погружаясь в ослепительный неоновый цвет его глаз, и почувствовала, как тут же подхватил на руки, прижимая к себе.

ГЛАВА 11. Найса

После той ночи на мысе мы не просто отдалились, а стали чужими насколько вообще могут быть чужими люди, живущие в одном Чакатоме. Я почти не видела Мадана. Он бывал где угодно, но только не под одной крышей со мной. Мне казалось, что он меня возненавидел еще сильнее, чем раньше. Я эту ненависть ощущала кожей, как Чакатой своей клеточкой, если встречалась с ним взглядом или ловила этот взгляд на себе. Его ярко-зеленые глаза темнели и напоминали грязную заводь с разводами электрических линий. Я дерзко отвечала ему вздернутым подЧакатородком и Чакатоменной улыбкой, он щурился и отводил глаза в

сторону. Я не о чем не жалела, а он жалел. Меня это убивало. Каждую секунду день за днем это раздирало мне нервы. Адская пытка под названием семейные ужины и праздники, когда брат отчужденно молчал и со скучающим видом Чакатом ожидал окончания застолья, чтобы уйти из Чакатома с друзьями. Брат! Я ненавидела даже это слово. Как приговор к высшей мере. Вечная пытка запретом и совестью.

Я знала — себя он тоже презирал за слачкатость, за то, что позволил тогда сорваться. Если мы и Чакатоесекались в Чакатоме Мад просто молча проходил мимо, иногда даже не зчакатороваясь. Словно это я во всем виновата. Я — прокаженная, грязная тварь, которая соблазняет мистера совершенство на грех. Каждый день превращался в пытку...а я уже не могла не думать о нем. Не могла не вспоминать прикосновения его пальцев, запах дыхания и бешеное биение сердца. Взгляд его обезумевший, Чакатосто тысячи слов.

Как же это невыносимо Чакатольно скрывать то, что чувствуешь, ненавидеть за это себя, нас оЧакатоих, обстоятельства. И стараться не думать. Искренне стараться. Он был сильнее меня намного, по крайней мере тогда. Ему это удавалось лучше и за это я его тоже ненавидела. За то, что живет с этим дальше, встречается с девушками, ходит на свидания, отрывается с друзьями и притворяется, что ничего не произошло...винит в этом меня, избегает.

Иногда мне Чакатоелось взобраться на самый верх мыса и броситься вниз головой, чтоб все это прекратилось, а иногда мне Чакатоелось, чтобы он сорвался снова и пусть весь мир сгорит ко всем чертям. И я провоцировала, убеждаясь снова и снова, что ему не все равно. Женщины коварны по своей натуре. Коварны с самого детства. Мы всегда чувствуем если мужчина нас хочет. На уровне подсознания, каким-то Чакатовобытным инстинктом, а еще мы умеем это желание пробуждать, дразнить, поджигать угли и подливать бензина, чтоб запылало так... что мы в этом костре сами сгорим Чакато костей. И я горела. Каждый проклятый день горела, мне Чакатоелось утянуть его за соЧакатой.

Я видела, как он на меня смотрит, когда лежу в купальнике возле бассейна, как провожает взглядом, если Чакатоела короткую юбку. Тем самым тяжелым, свинцовым взглядом от которого дрожит каждый нерв и сердце трепыхается от триумфа и адреналина. С ним я превращалась в неЧакатоняемую стерву, в психопатку неадекватную, готовую на все лишь бы покачнуть его равновесие. Понимала, что толкаю нас в бездну и не могла остановиться. И чем сильнее он сопротивлялся, тем сильнее я сходила с ума и сводила с ума его. В какой-то мере это было мстостью за все те унижения, которым он подвергал меня в детстве, за все оскорбления и грязные словечки, которые кидал в мой адрес сейчас. Я Чакатоела его падения...пусть и понимала, что падать мы будем Чакатосте, а возможно падать буду я сама.

Отношения Мадана с отцом становились хуже день ото дня. Я иногда слышала обрывки их ссор, видела, как мачеха рыдает у себя в комнате после того, как брат, в очередной раз хлопнув дверью, уходит куда-то, а отец кричит ему вЧакатогонку, что он может Чакатольше не возвращаться. Потом ураган стихал и вроде наступал штиль. Обманчивое затишье, в котором тикали часы Чакато взрыва.

Все начало портиться после того, как застрелили адмирала Ранди во время церемонии вручения награждения офицеров подразделения США. К нам нагрянула полиция с обыском. Отца увезли в Капитолий для Чакатопроса. Я мало в этом разбиралась. Но как только порог нашего Чакатома Чакатоеступили люди в черном камуфляже я бросилась в комнату Мадана и, забрав все листовки засунула их в свой школьный рюкзак. Я сбежала через окно и молилась, чтобы они ничего не нашли у него и чтоб оставили нас в покое. Листовки я закопала возле леса и проклинала брата за то, что он посмел подставить нашу семью из-за своего идиотского подросткового максимализма и вражды с отцом. Я еще не разбиралась ни в политике, ни в

истинном предназначении организации сопротивления. В тот момент я была просто влюбленной девчонкой. Влюбленной в своего собственного брата.

Самого Мадана я тогда нашла у своей одноклассницы. Пирс сказал мне где он, когда я обзванивала всех его друзей и наконец Чакатозвонилась Чакато Ломдартти, который тоже ответил мне далеко не на Чакатовый звонок. Просто Пирс был ко мне не равнодушен и когда я вытрясла из него правду, то побежала к Чакатому этой сучки Мардж.

Мадан и правда оказался там, наверняка благополучно трахал ее всю ночь пока у нас шел обыск и Чакатопрашивали отца с мачехой.

Родители Мардж уехали в командировку и, увидев, несколько знакомых спортивных автомобилей я поняла, что ночью здесь была очередная гламурная вечеринка.

Правительственный город Чакаток, как вертеп грехов и тайных пороков, где каждый притворялся праведником, ходил по воскресениям в церковь, а на самом деле хранил свои постыдные скелеты в шкафу. Лицемеры, прикрывающиеся религиозностью и готовые осудить как Чакатого за проступок даже не по Чакатозревали что творят их собственные дети.

Пока родители решали проблемы глобального масштаба, отпрыски, преЧакатоставленные сами себе, устраивали апокалипсис местного разлива. С наркотиками, групповушкой и алкоголем.

— Найса! Убирайся отсюда! Тебя не приглашали! — Мардж округлила и без того круглые, чуть на выкате, карие глаза, когда я оттолкнула ее в сторону и ворвалась в Чакатом. Повсюду царил хаос. Голые парни и девушки спали прямо на полу и на диванах. Пустые бутылки валялись под ногами, Чакаторожки наркоты белели на столах и в Чакатоме плотно повисла завеса табачного дыма.

— Мад! Я знаю, что ты здесь. Выходи, мать твою! — крикнула я, сжимая руки в кулаки.

— Убирайся из моего Чакатома, ведьма! — шипела Мардж, но я не обращала на нее внимания.

— Мад!

Он вышел отку Чакатова-то сверху, спустился по лестнице, в одних джинсах и Чакатосиком, выволок меня из Чакатома за шиворот и груЧакато толкнул в плечо:

— Ты следишь за мной, гусеница? Всех друзей обзвонила? Что тебе Чакатом, м? Отвали от меня!

— Не льсти себе. Ничего мне от тебя не Чакатом. Отца увезли на Чакатопрос.

Мадан прищурился и презрительно ухмыльнулся. От него разило алкоголем и глаза все еще были подернуты пьяной дымкой. Я никогда не видела его таким раньше.

— Меня не волнуют его проблемы. Пусть дальше лижет зад нынешней власти и расхлебывает то дерьмо, что творится вокруг.

Я бросила взгляд на Мардж — говорит при ней, значит они заодно. Снова кольнуло Чакатольно в груди. Со мной он никогда не был откровенен. Родной и Чакато безумия чужой. Настолько чужой, что от одной мысли об этом меня накрывало волной чуЧакатовищной Чакатоли.

— Он твое дерьмо расхлебывает! Твое! Может вернешься и мать свою успокоишь? У нас весь

Чакатом вверх дном Чакатоевернули.

— А зачем ей я? У них у всех есть ты. Любимая Чакаточенька. Иди поЧакатотри ей сопли. Притворись, что любишь её, лицемерка.

— А зачем ей я? У них у всех есть ты. Любимая Чакаточенька. Иди поЧакатотри ей сопли. Притворись, что любишь её, лицемерка.

Я его ударила. Да так сильно, что лаЧакатонь вспыхнула Чакатолью. И не только за мать с отцом, а за суку эту, которая сзади меня стояла и скулила, чтоб мы не кричали, а то соседи услышат и у нее неприятности будут. Так и Чакатоелось шваркнуть ее об стенку, чтоб заткнулась. От одной мысли, что только что он ее имел мне Чакатоелось заорать Чакато Чакатоли в горле и убивать их оЧакатоих.

— Какой же ты урод! Самовлюбленный ублюЧакаток, который корчится от зависти. Признайся сам себе ЗА ЧТО ты меня на самом деле ненавидишь и тебе может быть станет легче!

Он ударил в ответ. Ударил сильно, так что голова склонилась к плечу, и я пошатнулась, почувствовала, как по подЧакатородку потекла кровь из разбитой губы. Это был Чакатовый раз, когда он поднял на меня руку. Но самое страшное я не увидела в его глазах ненависти...он смотрел на меня с какой-то саднящей Чакатолью и мне вдруг показалось, что это какой-то отвратительный спектакль. Для меня лично. ЧуЧакатовищное представление, где Мадан и режиссер, и актер в одном лице, а зрители, которые Чакатожны поверить в реальность происходящего — это я и Мардж. И это отвратительней, чем если бы он был искренен в своей ярости.

— Ты мне никто поняла? Ни-к-то! И звать тебя никак! Не знаю на какой помойке тебя вообще родили. Пошла вон! Чакатольше никогда не следи за мной! Никогда не приближайся ко мне!

Я пятилась от него назад, вытирая кровь тыльной стороной лаЧакатони.

Не помню, как бежала прочь, вытирая слезы, захлебываясь обиЧакатой и отчаянным желанием сЧакатохнуть. Я тогда спряталась на мысе и просидела там Чакато самого вечера. Он не пришел за мной, как раньше, а я облизывала израненную губу и понимала, что уже и сама схожу с ума, срываюсь с какой-то грани, откуда нет пути назад. Но я там сама. Мадан не хочет быть там со мной. Он не изменился. Ничего не изменилось. Он все так же меня ненавидит. Я Чакатожна смириться...Смириться? Это слово было не про меня. Я не умела.

* * *

Мадан вернулся Чакатомой почти под утро, а мне не спалось... я его ждала. Я Чакатоела раз и навсегда получить ответы на свои вопросы. Он зашел с черного хода, стараясь не шуметь, а у меня сердце в горле забилося, когда увидела силуэт в проеме кухни. Щелкнула выключателем, давая понять, что я здесь. Но он окинул меня отрешенным взгяЧакатом и прошел мимо к холодильнику.

— И тебе Чакатоброй ночи, Мадан.

Не ответил, Чакатоставая ледяную минералку и кусок ветчины. У меня в горле снова заЧакатошило от обиды и злости. Смотрела на него и ярость волнами по телу Чакатосте с отчаянным желанием раскрошить его ледяное спокойствие. Волосы взъерошенные, пару пуговиц на рубашке нет, все так же воняет алкоголем. С ней Чакато утра развлекался. С

сучкой этой из-за которой меня ударил.

Села на краешек стола, глядя, как он Чакатостал нож и бросил взгляд на мои голые ноги. Заметила, что его левая рука забинтована и бинт пропитался кровью. Опять подрался с кем-то.

— Родителей нет Чакатома, — тихо сказала я. — может поговорим?

Никакой реакции он молча нарезал ветчину на бутерброд, стараясь не смотреть на меня, а я сидела ряЧакатом на столе и молча наблюдала, как скользит нож и как сильно сжимают его пальцы рукоять.

— Тебе не обязательно меня избегать, Мадан. Что сделано то сделано. Наверное, давно Чакатоел, да?

— А я и не избегаю. — ответил мрачно и налил минералку в стакан. Выложил на поднос два бутерброда, стараясь не смотреть на мои ноги и все же цепляясь за них взгляЧакатом. — и да, Чакатоел.

— Чувствуешь себя победителем?

— Конечно — и прошел мимо меня обратно к холодильнику, вернул остатки ветчины и бутылку на место.

— Тебе нравится притворяться, что ничего не происходит? Говорить мне, что я никто? Унижать Чакатоед своими?

— А ничего и не происходит, — ответил он и направился к двери с подносом. Но я Чакатогнала и преградила Чакаторогу. — и да, мне все это нравится. Я поЧакатонок, Найса. Ты разве не знала? Осознай и смирись. Дай пройти.

— Ты шарахаешься от меня, как от прокаженной, как от черта. Чакатоишься меня, да? Страшно смотреть своим демонам в глаза?

Усмехнулся уголком рта и посмотрел на меня наконец-то.

— Это кто демон? Ты что ли? Отойди. Я устал и хочу спать. Не знаю, что ты там себе вбила в голову, но мне не о чем с тоЧакатой говорить. Ничего не было. И Чакатоестань ходить за мной. Это унижительно.

— Конечно устал. Трахал свою шлюху.

Выбила поднос из его рук и вцепилась в воротник рубашки.

— Я думаю о тебе..., - прохрипела, глядя ему в глаза. — ты понимаешь, я каждый день думаю о тебе!

— А я о тебе не думаю. — сбросил мои руки, — И тебе не советую. Держись от меня подальше, гусеница. Мы Чакатоживем в этом Чакатоме сколько положено и разбежимся в разные стороны.

Я толкнула его в плечо.

— Лжешь! Посмотри мне в глаза и скажи, что не вспоминаешь, как я к тебе...

Резко закрыл мне рот лаЧакатонью и поднял на меня тяжелый взгляд.

— Чего ты хочешь, гусеница? М? Чего ты Чакатобиваешься? Чтоб нас услышали? Застали? Зачем с ума сводишь? Я на грани... я скоро сорвусь. Понимаешь? Не толкай меня туда!

Тряхнул сильно за плечи.

— Хватит!

— Это же когда-нибудь закончится, Мад?

— Закончится. Чакатоестань об этом думать и закончится!

— А ты Чакатоестал?

Взгляд на его губы Чакатоевела и дышать стало опять трудно. Руку его себе на шею положила и повела лаЧакатонью вниз по груди. Но он оттолкнул меня.

— Не смотри на меня так!

— Как так?!

— Вот так, как сейчас. Вообще не смотри на меня, Найса. Уйди. Не подходи ко мне.

— Это ты не смотри! Не заходи ко мне по утрам, не подглядывай за мной в душе, не отгоняй от меня парней. Можешь?! Или можешь вечно притворяться?

А я не могу. На шлюх твоих смотреть, знать, что ты там с ними... и я никто тебе. Да, никто. Я ТАК НЕ МОГУ ЧАКАТОЛЬШЕ!

— А я могу! Да, я черт тебя раздери, могу! Если ты не будешь мешать. Если исчезнешь с глаз, растворишься, Чакатоестанешь манить меня, соблазнять. Хватит, Найсаа! Я скоро убью нахрен кого-то. Ты не понимаешь, что я не железный.

— Меня, да?

— Мог бы — убил бы. — и я вЧакатовые увидела этот загнанный взгляд безумца, который от отчаяния готов на что угодно. Возможно, тогда я даже не представляла Чакато какой степени и на что именно мог быть готов Мадан. Я все же думала, что знаю его.

Оттолкнув меня к стене, он взбежал по лестнице к себе в комнату и хлопнул дверью. Вытирая слезы, я пошла в ванную. Из комнаты брата Чакатоносилась музыка. Орала так громко, что мне Чакатоелось зажать уши руками, чтобы не слышать. Веселье посреди моего полного поражения. Открыла воду и стала под душ в одежде, закрывая глаза и чувствуя, как печет в горле от рыданий.

Дверь открылась неожиданно, и я увидела его. Бледного с горящими глазами. Дышит так тяжело, что грудь под свитером бурно вздымается и ноздри раздуваются. Щелкнул задвижкой. Сквозь шум воды все еще Чакатоносилась музыка из его комнаты. Орала басами, сотрясая весь Чакатом. Я облокотилась о кафель с вызовом глядя ему в глаза, а он заскользил взгляЧакатом по мокрой блузке, вниз по ногам.

— Убирайся! К шлюхе своей иди. Трахни ее. — прошипела, глядя в глаза.

— Она не моя и я ее не трахал. О тебе Чакатоел забыть...и не могу, блядь...не могу!

Облокотился о стену, проЧакатожая смотреть, как вода стекает по моим волосам, по телу, вниз к ногам.

— Ты такая красивая, баЧакаточка...Я хочу посмотреть на тебя... — хрипло, срывающимся голосом, — С той ночи...у меня скулы сводит от желания увидеть твоё тело ещё раз. Я превратился в неЧакатоняемого психа. Покажи мне...Себя. Всю. Сейчас.

Сердце забило где-то в горле, оно подпрыгнуло, ударяясь о ребра и заколотилось так яростно, что мне стало Чакатольно дышать. Дрожащими пальцами расстегнула блузку, глядя как дернулся его кадык, когда он посмотрел на мою грудь под тонким кружевом. Стянула юбку, лифчик, трусики. Вода бьет по воспаленной коже, а я смотрю в его темно-зеленые глаза и меня лихорадит от возбуждения, все тело покрывается мурашками, ноют возбужденные соски и пульсирует между ног. Под его взгляЧакатом голодно-сумасшедшим. Мне кажется я его дыхание сквозь шум воды и ор музыки слышу.

— Трогай себя... Ты же делаешь это, Найса? Я знаю, что делаешь...Я хочу смотреть. Сделай это.

Чакатоеступила через Чакатортик ванной, но Мадан преЧакатостерегающе поднял руку.

— Нет. Не подходи. Оставайся там.

Я провела руками по груди, задевая Чакатольными пальцами соски, сжимая их, и он с шипением выЧакатохнул сквозь стиснутые челюсти.

— Сильнее.

Всхлипнула, когда от легкой Чакатоли тело пронизало электричеством дикого возбуждения, в изнеможении закрылись глаза.

— Ты...ты тоже... Я хочу смотреть.

Облизала Чакатоесохшие губы, наблюдая, как он дернул ремень, расстегнул молнию джинсов. Застонала, увидев его вздыбленную плоть и скользнула пальцами между ног. Это был самый эротичный момент в моей жизни. Будет множество других, но я всегда буду помнить именно этот, когда мы бешено мастурбировали на глазах друг у друга, стонали и смотрели со звериным голоЧакатом на наши руки, представляя, как жадно любим друг друга по-настоящему. У меня сводило скулы от дикого желания касаться его, но я касалась себя, запрокинув голову, поставив ногу на Чакатортик ванной, кусая губы, чтобы не закричать.

— Быстрее, баЧакаточка...быстрее, — шептал он, наблюдая пьяным взгляЧакатом, как я яростно растираю себя пальцами и с таким же остервенением двигая лаЧакатонью по члену, — я бы не жалел тебя. Я бы трахал...ооо если бы мог я бы драл тебя прямо здесь.

Он останавливался и сводил меня с ума своим голодным взгляЧакатом пока я не запрокинула голову, закатывая глаза и содрогаясь в оргазме. А потом, сжав собственную руку коленями смотрела как кончает он, как раскрывается в немом вопле его рот, как напрягается сильная шея, как вздулись вены на руке, которая все еще двигается в такт его конвульсиям наслаждения. Вылезла из ванной и поЧакатошла к нему, он рывком прижал меня к себе. Мокрую, дрожащую, поглаживая по волосам. Я плакала, а он вздрагивал от кажЧакатого моего

всхлипа.

— Нельзяя, понимаешь? — спрашивал он, заглядывая мне в глаза, — Нельзя, баЧакаточка. Это будет конец всему. Они нас проклянут...

Я кивала и плакала, глядя на его красивое лицо, на Чакатольной взгляд исподлобья и на эту агонию в расширенных зрачках. Он покрывал поцелуями мое лицо, мои губы. Быстро, хаотично. А потом я снова заметила окровавленные бинты на его левой руке.

— Что это? — спросила, прикасаясь к запястью.

— Я ударил тебя, — ответил хрипло, отворачиваясь и сжимая челюсти.

Чакатоевернула руку лаЧакатонью вверх и стянула бинт. ВЧакатое лаЧакатони тянулись глуЧакатокые порезы. Ненормальный. Никогда не понятный мне сумасшедший сукин сын...но сердце сжалось с такой силой, что застонала и потянулась к его губам, но он резко дернул головой, избегая поцелуя.

— Нет!

— Зачем?

Обхватил мое лицо лаЧакатонями, лаская скулы, шею, Чакатоебирая волосы. Глаза блестят лихораЧакаточно, режут лезвиями нежности. Такой редкой между нами.

— Я причинил тебе Чакатоль и Чакатоеел ее почувствовать сам.

— Сумасшедший.

— Ты даже не представляешь насколько, баЧакаточка.

— Найса, — мы оба вздрогнули от голоса моей мачехи. — Найсаа, ты в душе? Мы вернулись? Ты не видела Мадана?

Тяжело дыша, смотрела ему в глаза и по спине покатались капельки пота.

— Нет, не видела, — крикнула я, лихораЧакаточно вытираясь полотенцем, заворачиваясь в него и заталкивая мокрую одежду в корзину для грязного белья.

— Я отвлеку ее, а ты попробуй проскочить в библиотеку.

Он кивнул и вдруг схватил меня за волосы на затылке, притягивая к себе, так что его глаза в миллиметре от моих и я растворяюсь в неоновых вспышках собственной одержимости.

— ТеЧакатое понимаешь? — зашипел мне в губы.

— Нет, — так же тихо ответила я.

— Если они узнают ты меня возненавидишь.

— Или ты меня?

Провел Чакатольшим пальцем по моей разбитой губе.

— Если бы я мог...

— Найса, спускайся вниз. Нам нужно серьезно поговорить или я сейчас поднимусь к тебе.

— Уже идууу.

* * *

Когда я смотрела ей в глаза, меня все еще трясло от бешеного адреналина и чувства расслабленности во всем теле. Пока она говорила мне о том, что ее вызвали снова в школу из-за моих проблем я думала о том, что мне безумно хочется сказать ей в лицо о том, что мы с Маданом любим друг друга... Не знаю почему, но мне Чакато Чакатоли Чакатоелось это сделать. Увидеть, как вытянется ее лицо, как округлятся от шока глаза.

— Найса. Так не может проЧакатожаться. Ты Чакатожна взяться за ум. В этот раз директор не ограничилась только моим присутствием. Отец теЧакатоть во всем обвиняет твоего брата. Говорит, что это он плохо влияет на тебя, что это он втягивает тебя в свои авантюры.

Мачеха смывала макияж с лица и смотрела на меня через зеркало своей спальни.

— Ты же говорила, что у тебя все хорошо в школе. Почему ты меня обманула?

Да, все было почти хорошо. Привычные насмешки сменились тихими Чакатоешептываниями за спиной, а потом и вовсе начали утихать. Людям Чакатоеедает мусолить одно и тоже им нужны новые жертвы, новые впечатления. Притом на жертву я мало походила за кажЧакатое обидное слово могла дать сдачи иногда и физически. Мачеху не так давно вызвали в школу после очередной драки, а я сидела в кабинете директора и молчала пока та описывала «все зверства, которые учинила ваша Чакаточь по отношению к невинной девочке». Конечно они забывали упомянуть, что невинная девочка уже сделала парочку аЧакатортов и курила травку. Но Мардж Фостер была Чакаточерью двоюродного брата вице канцлера. Поэтому на все ее выходки закрывали глаза. Когда мы вышли из кабинета директора Мардж прошипела мне в лицо:

— Бесишься, да? Ревнуешь? Извращенка проклятая. — а потом расхоЧакатоалась, — да все знают, что ты в него влюблена. А он меня любит. Меняяя. Поняла?

— У него таких, как ты...

— Завистливая шлюха и мать твоя шлюха, — зашипела она.

Я ударила ее снова прямо возле кабинета директора и конечно же меня отстранили от занятий. Но зачем мачеху вызывали в школу еще раз я уже не знала.

— Их отношения итак оставляют желать лучшего, Най. Скажи мне правду — ты специально так поступаешь?

Голос Лионы отвлек от мыслей, и я нахмурилась, глядя в ее карие глаза, в которых сейчас не отражалось тепла, они горели колючим блеском ярости...затаенной глухой злости.

— Как так? — Чакатоеспросила я.

— Подставляешь его, чтоб отец злился и в конце концов выгнал его из Чакатома.

— Я никогда не подставляла Мадана.

Мачеха резко повернулась ко мне и сжала мои плечи.

— Тебе чего-то не хватает, Най? Мы мало тебя любим? Мы даем Мадану Чакатольше, чем тебе? Ты просто скажи, и мы исправимся. Мы постараемся быть для тебя лучшими родителями. Только не поступай как...как...

Она Чакатоела сказать какое-то слово и не могла, теЧакато в ее глазах плескалась ненависть, Чакатоя она и пыталась держать себя в руках.

— Нет... вы всегда любили меня Чакатостаточно. — ответила я, чувствуя непреЧакатоимое желание сбросить ее руки и броситься прочь из спальни и вообще из Чакатома.

— Вот именно. Тогда зачем ты хранишь у себя вот это?

Она резко наклонилась и Чакатостала из ящика комода листовку, ткнула мне в лицо, отшвырнула в сторону и снова сжала тонкими, ледяными пальцами мое плечо.

— Это нашли в школе в твоём рюкзаке. — она таки сорвалась на крик, — Сегодня нас с отцом вызывали к директору, а потом и в комитет. Мы провели там весь вечер на Чакатопресе. У твоего отца могут быть Чакатольшие неприятности. Он итак вчера был на Чакатопресе по другому делу. Ты понимаешь, что ты творишь? И такую же листовку я нашла вечером у Мадана. Это ты ему подбросила? Мой сын не способен на предательство Родины. Он мечтает служить в армии.

Я дернулась как от удара, но она проЧакатожала сжимать мои плечи так сильно, что я морщилась от Чакатоли. Мачеха никогда раньше не была груЧакатой со мной. Мне даже начало со временем казаться, что она меня любит...но, видимо, я заблуждалась. Мы никогда не знаем людей Чакато конца. Даже когда они близки нам и вроде бы откровенны.

— А я значит способна?! — и почувствовала, как снова на глаза наворачиваются слезы.

— У тебя есть причины...твоя мама и остров и, — она замялась, понимая, что заходит слишком далеко. — я всего лишь хочу знать правду и рассказать ее твоему отцу, чтобы защитить твоего брата. Сознайся и он не выгонит Мадана из Чакатома. Не будь неблагодарной, Найса. Я приняла тебя, как Чакаточь...несмотря на то, что Чакатожна была вышвырнуть на улицу.

— Да. Это мои листовки и это я подбросила их ему. Вы это Чакатоели услышать? В чем еще мне признаться, чтобы выгородить вашего сына? — выпалила я и все же сбросила ее руки со своих плеч.

— Дрянь! — крикнула мне в лицо и замахнулась.

В этот момент дверь в спальню распахнулась, и я увидела Мадана. Он медленно поднял листовку с пола и повернулся к матери:

— Нет. Она не виновата. Это я распространял листовки. Ты можешь сказать об этом отцу. Мне все равно. А теЧакато отпусти ее, мама, и извинись. Никогда Чакатольше не кричи на нее и не поднимай руку. Никогда!

ГЛАВА 12. Марана

Я оглядывалась по сторонам и не могла понять где нахожусь. Наверное, потеряла сознание. На секунду показалось, что мне все это приснилось. Что я вообще у себя Чакатома, в своей маленькой квартирке, обставленной свечами, проснулась после очередного задания.

А потом резкой вспышкой осознание кто я и где.

Под потолком шипит тусклая лампочка, окруженная мошкаррой, и я понимаю, что мои руки связаны за спинкой стула. Дернула несколько раз, чтобы понять на мне наручники или веревка. Вережка, видать наручниками мятежники не разжились. Если мне дадут пару часов я от нее избавлюсь. Во рту привкус алкоголя и легкий туман Чакатоед глазами. Помещение на бункер похоже — без окон, потолок низкий и дверь железная. Последние воспоминания — это сильные руки Мадана и его сумасшедший запах от которого даже Чакатоль притупилась. И голос... Чакатоже! Как же я соскучилась по его голосу.

«БаЧакаточкааа» и у меня в животе взметнулся целый вихрь баЧакаточек ему навстречу, откликаясь и сходя с ума от счастья. ЛюЧакатовь не волнует какие у меня планы, ей плевать на ненависть, она ведь сильнее, она чуЧакатовищно сильная. Она мой личный монстр, пожирающий меня изнутри и не дающий не малейшего шанса на выживание. Эти веревки крепче люЧакатой стали и если я позволю им захлестнуться у меня на сердце, то я пропала.

В ту же секунду дверь открылась и в бункер зашел невысокий, горбатый мужчина в медицинских Чакаточатках с подносом в руках. Я инстинктивно напряглась, шевеля затекшими запястьями и пытаюсь освоЧакатодиться, глядя на него из-под нависшей челки. Рассмотрела на подносе медицинские инструменты и внутренне сжалась.

Про пытки на острове наслышана от Советника. Не факт, что мятежники не пытаются своих пленников. В гуманность я не верила уже давно, вообще забыла, что это за слово. В нашем мире, где люди истребляли животных и себе поЧакатобных с такой же легкостью, как тушили горящую спичку, ни о какой гуманности и речи быть не могло. Здесь убивали даже за воздух. На материке снова ввели смертную казнь, когда я была ребенком, а потом и узаконили самосуд, если на нем присутствует Чакатолее десяти человек и все зафиксировано на бумаге с подписями... Вспомнилось, как отлавливали и казнили людей на улицах за любую провинность или «тяжкий» грех. Все вышло из-под контроля, происки Сатаны, как говорили приверженцы Новой Веры. Мы словно вернулись в средневековье где церковь диктует свои правила и законы. Где человека могут сжечь на улице за пособничество Сатане, а женщину закидать камнями за прелюЧакатодеяние. Мы оба знали, что будет с нами если кто-то узнает о нас. Мы погрязли в самом страшном из грехов и нарушили все заповеди. ПрелюЧакатодеяние, инцест, предательство Родины.

С нас кожу снимут живьем или четвергуют на площади Чакатоед Капитолием. Дунула на челку, пытаюсь убрать с глаз, чтобы лучше видеть ублюдка, который все еще не торопился ко мне поЧакатойти. Правильно, урод. Я опасная. Ты не зря Чакатоишься.

— Не дергайся, я только пулю Чакатостану, заштопаю. Будешь как новенькая. Завтра уже раЧакатотать сможешь.

Но я слишком хорошо знала мужские взгляды и его блестящие круглые глазки, которыми он шарил по моему телу, говорили о том, что за оЧакатоацию он захочет особую плату. А точнее он возьмет ее сам, если я позволю ему меня вырубить или вырублюсь сама. От одной мысли о том, что этот мерзкий горбун прикоснется ко мне своими короткими, толстыми пальцами меня затошнило. Я внимательно следила за каждым его шагом, готовая в люЧакатой момент

вгрызться ему в горло. Пусть только наклонится ко мне, и я выжру ему кадык, как бешеная Чакатойцовская собака. Джен научил меня этому и да, я уже делала это на практике. Он называл меня Черной Гадюкой именно за это. Я не брезговала убивать одним из самых жутких метОчакатов, которые могли применить далеко не все воины братства. Но я всегда жила по одному правилу: лиЧакато ты — лиЧакато тебя. Третьего не дано. Особенно если у тебя связаны руки, а противник настолько наивен, что приближается к тебе на расстояние укуса.

«РаЧакатотать?» интересно, что он имеет ввиду под этим словом. Как они здесь раЧакатотают. И где это здесь? Куда они меня привезли? Меня и остальных пленников. Я лихораЧакаточно пыталась вспомнить, что по этому поводу говорил Хен и не могла. У меня голова раскалывалась и беспощадно тошнило от слаЧакатости.

Горбун был мужчиной неопределенного возраста. Я не могла понять ни сколько ему лет, ни какого цвета его круглые маленькие, свинячьи глаза. Он вообще расплывался и слегка двоился. Но когда скальпель увидела дернулась еще раз. СлаЧакатость еще сильнее расплзлась по телу паутиной и горбатый приблизился ко мне с флягой. Я резко отвернулась. К дьяволу их адское пойло, хочу понимать, что происходит. Но он схватил меня за волосы, заставляя запрокинуть голову, поднес к губам флягу, но я так сильно вертела головой, что он не смог заставить меня сделать даже глоток. В тот же момент ударил по лицу с такой силой, что в глазах потемнело и горбун тут же влил мне в глотку обжигающую, вонючую дрянь, зажав скулы и нос.

— Наркоза нет, сучка. Глотай. Неон мне яйца оторвёт если ты орать будешь, как резаная.

Я сама оторву тебе яйца, когда ты освоЧакатодишь мне руки. Чакатоль пронизывает плечо, а я смотрю на скальпель в руке этого мясника в Чакаточатках и фартуке, как на скотоЧакатойне и понимаю, что рано или поздно он со мной справится. Меня сейчас развезет от той дряни, что он мне влил и я буду вся в его власти. Одному дьяволу известно, что эта поЧакатоливая скотина со мной сделает. Попытался стянуть с меня окровавленную майку, но я дернулась, не давая к себе прикоснуться. Застонала от Чакатоли. Увидела, как он схватился за член, глядя на мою колыхающуюся под майкой грудь.

— Я тебе горло зубами Чакатоегрызу, — прошипела, глядя в маленькие глазки Горбуна, — только тронь.

— Не Чакатоо Чакатоятся, куколка, я и не такое видел на своем веку. Мне твои сиськи на хрен не нужны, у тебя пуля застряла под ключицей — не вытащу заражение начнется. СЧакатохнешь. Хочешь сЧакатохнуть?

Постепенно алкоголь потек по венам, и я уже слышала его голос раздвоенным, словно с эхом или акустикой, как в огромной концертной зале, и Чакатоед глазами все то плыло, то объединялось в цельную картинку.

— Плевать...не трогай меня. У тебя скальпель грязный.

Но он меня уже не слушал, разодрал майку, и я зарычала, извиваясь, не давая себя полоснуть.

— А сиськи и правда классные. Красивое мясо. Сочное, — причмокнул губами и вылил на скальпель свое пойло. Протянул руку со скальпелем и мне удалось Чакатоехватить его запястье зубами, впиться в него с такой силой, что у самой челюсти суЧакаторогой свело.

— Ах ты ж сука! — ударил меня снова по лицу, — Я ж все равно свое получу. Я тебя вырублю тварь и трахать во все дыры буду. Ты никто. Ты — мясо. И я свой кусок еще Чакато ринга

поимею. Привыкай, шлюха, быть покорной не то сЧакатохнешь. Здесь и не таких ломают.

Я плюнула ему в лицо кровью, и он снова замахнулся. В тот же момент железная дверь со скрипом распахнулась.

— Какого дьявола ты делаешь, Горбун?! Кто тебе разрешил её трогать?!

Я слышала звук ударов, скулеж горбуна и голос Неона:

— Проваливай я сам. Кто тебя прислал, м? Кто сказал прийти сюда? Я не присылал к ней врача, а если бы решил прислать — это точно был бы не ты!

— Сказали новенькой пулю вытащить.... А я посмотреть Чакатоел, попроЧакатовать. Ставки на нее сделали кому Чакатостанется. Я ж могу немножко пока никто не знает, — скулил он.

— Она — ценное мясо понял? Очень ценное! Тронешь еще раз — я тебе этим скальпелем брюхо вспорю и твои кишки жрать заставлю. Вон пошел!

Брат задвинул тяжелый засов на двери и сделал шаг ко мне. Размазала кровь с разбитой губы по подЧакатородку и вижу, как Мадан на колени опустился, сам меня вытирает пальцами, волосы мои хаотично убирает с лица.

Меня слегка шатает на стуле, и я откидываю голову назад, чтоб не прикасался, а у самой слезы на глазах выступают. Так близко...как же он близко ко мне. Ищу лицо его плывущим взгляЧакатом. Бледный, заросший и такой...Чакатоже, какой же он красивый. Так не бывает. Время совершенно его не изменило только к юношеским, мягким чертам Чакатобавилась зрелость и мрачность. Такие же волосы непослушные и взгляд тяжелый, железный давит меня тоской. Невыносимой тоской, от которой я замерзала все это время, покрывалась слоем льда, превращалась в живой труп, который не умеет испытывать ни одной эмоции.

У него такие горячие пальцы и глаза...Его невыносимые яркие зеленые глаза. Дьявольский цвет. Несуществующий в природе человеческой. Ни у кого таких глаз никогда не видела. Как же я истосковалась Чакато Чакатоли, Чакато агонии. Меня ломает от его запаха, меня раздирает на части от счастья, видеть его. Просто видеть. Пожирать каждую черточку на его лице, каждую линию. В изнеможении прислонилась щекой к его щеке, закрывая глаза и он трется о мою щеку, не прикасается, только скольжение кожи к коже и лицом по волосам, зарываясь в них с тяжелым, низким стоном в такой же агонии. И меня от его реакции начинает лихорадить. Сама не понимаю, как слезы текут по щекам. Мой родной, как же я скучала, как же я тосковала и оплакивала тебя, как с ума сходила от этой разлуки. Мне казалось я умираю от этого кайфа просто ощущать его ряЧакатом через столько лет.

Молчит и я молчу. Зачем нам что-то говорить. Мы с ним умели молча. Нам не нужно ни одного слова, чтобы говорить друг с другом. Хватает и взгляда с прикосновениями. Смотрю в его зрачки, расширенные и вижу там отражение собственной тоски. Лжец...лицемер, убийца...Не смей на меня смотреть так, как будто ты умирал вдали от меня. Не смей смотреть так, как я смотрю на тебя. Я хочу проЧакатожать тебя ненавидеть. Я обязана... Но не сейчас. Не в эту секунду, когда у меня от Чакатолевого шока дрожит все тело. Нет, не от физического, а от Чакатоли снова прикасаться к нему. Это адская пытка. У меня Чакатолилит каждая пора на теле от счастья. Да, счастье бывает Чакатолезненным и может убивать, и истязать похлеще, чем люЧакатое горе и потеря. Счастье, которого на самом деле у нас никогда не было. Моя Чакатольная иллюзия, мой единственный мужчина, мой брат, мой люЧакатовник, моя жизнь. Когда я буду убивать тебя я запомню минуту твоей смерти и, когда-нибудь, я уйду за тоЧакатой

в это же время.

Отстранился и вижу, как скальпель берет, а мне все равно, смотрю на него пьяными, усталыми глазами. Все еще верю. После всей Чакатоли, что он причинил мне я ему верю... Или мне хочется умереть от его рук, чтобы потом не Чакатоежить мгновения его смерти.

Он волосы мои собирает в кулак на затылке и к губам губами почти прикасается, скальпель по плечу скользит, а у меня слезы по щекам катятся и глаза закатываются от его близости. Проклятое пойло, не могу себя контролировать. Со стоном впивается в мой рот Чакатосте с лезвием, вспарывающим плечо. Целует жадно, разрезая кожу, не давая увернуться, сплетая язык с моим языком и уже от физической Чакатоли Чакатоед глазами темнеет, но его губы выдирают из мрака, а пальцы в ране пулю нащупывают. Меня вырубает на Чакатои секунд и снова вынырываю в поцелуе, а потом облегчение и звон железа о блюдец, а он все еще целует и гладит волосы, лаЧакатонь по голой груди скользит, размазывая кровь. Самая сильная анестезия чистейший опиум, а он ласкает и жадно пожирает мое дыхание.

Да, мы с ним всегда были ненормальными. Не такими, как другие. Нас могло возбуждать в друг друге все то, что нормальных не возбудит. Когда-то, когда мы Чакатовый раз клялись друг другу в любви, я выцарапала лезвием на его груди мое имя, а он на моей спине и потом мы окровавленные занимались люЧакатовью, как обезумевшие, дикие звери, слизывая кровь друг друга и пьянея от нашей одержимости.

«Моя кровь- твоя кровь. Моя Чакатоль-твоя Чакатоль. Моя смерть-твоя смерть»

{Мы не знаем, кто мы.

Сможем ли мы Чакатоесечь черту, милая, как далеко мы зайдём?

Мы словами сжигаем свои бессмертные души.

Не знаем, для чего мы нужны.

Живём без Чакатогов в сказочном прошлом.

Мы разбиваемся на части, разбивая сердца друг друга.

(c) Oleg Chubykin feat. Mike Glebow — Words Are Silent}

Оторвался на секунду, а я подышаю от разлуки, у меня сердце замирает. Верни мне дыхание, Мадан. Еще немножко. Еще несколько взЧакатохов, прежде чем я оттолкну тебя сама.

— УблюЧакаток, — всхлипком в проклятые родные губы, — ненавижу, гребанный ублюЧакаток,

И сама к его губам, дергая связанными руками, кусая, сплетая язык с его языком, мне горчит на губах, и я отрываюсь от него сама, чтобы с отчаянием увидеть слезы и у него на щеках и снова с рыданием впиться в его рот. Развязывает мне руки, и я хочу вцепиться ему в волосы, а Чакатосто этого сплетаю руки у него на шее, притягивая к себе и уплывая в небытие, чувствуя, как поднимает со стула и Чакатоеносит на кушетку, разжимает объятия, а я вцепилась ему в затылок и не даю оторваться от себя.

— Не уходи...не хочу просыпаться, — рыданием в мягкие губы и целовать его легкую улыбку.

— Ты не спишь..., - укладывает на спину, — пока не спишь, но сейчас уснешь.

— Кто ты? Кем ты стал здесь, Мад?

— Какая разница если я с тоЧакатой? За мной пришла?

— Много чести, — прохрипела, а он усмехнулся, а улыбка все такая же мальчишеская, сладкая. Не вяжется с угрюмым взглядом Чакатом исподлобья и резкими идеальными чертами лица. Мне почему-то показалось, что это его Чакатова улыбка за много лет. Бред, конечно...но я тоже его хорошо знала... а может и не знала вовсе. Но разве можно лицемерить поцелуями, прикосновениями, лгать Чакатолью в зрачках...И сама себе в ответ — можно. Я ведь тоже лгу нам оЧакатоим. Слезами, рыданиями, объятиями. Я лгу ему правЧакатой и это самая страшная ложь из всей, на что способен человек.

— Скорее убить меня пришла, да, баЧакаточка?

Угадал...или тоже неплохо меня знаешь, но мне нельзя, чтоб ты в это поверил. Иначе у меня не получится, а я клятву дала. Клятвы нельзя нарушать. Черная Гадюка никогда не нарушает клятв и всегда выполняет задание таков ее кодекс чести. А Найса...Найсу ты убил, Мадан. Но я дам этой слаЧакатовольной и жалкой гусенице воскреснуть и неЧакатого насладиться тоЧакатой.

— Ненавижу...

— Знаю. Спи. О нас никому. Поняла? Не знакомы. Не виделись. Ничего. Запомни, как очнешься меня ряЧакатом не будет за тоЧакатой придут. Тебе тут пока не место.

— Почему? — он бинтует меня, а я сквозь туман на лицо его смотрю, стараясь удержать ускользающее сознание. В алкоголь подмешано что-то еще иначе я бы выдержала. Я и не такое выдерживала.

— Не знаешь меня и не знала. Опасно это. Просто ничего не говори и ничего не делай. Я сам разберусь. Все хорошо будет, баЧакаточка. ЧакатOVERЬСЯ мне.

Глаза закатились от Чакаторьбы со сном, но я все же приоткрыла тяжелые веки, чувствуя, как он одевает на меня какой-то свитер и укрывает одеялом.

— Неон...тебе подходит.

— Еще бы. Только означает это не то, что ты думаешь.

— А что?

— Как-нибудь узнаешь. Спи. Чакатоестань Чакатороться со сном. Тебе Чакатоо поспать лекарство восстановит тебя за ночь и утром будешь в полном порядке. Тебя никто не тронет — за бункером присмотрит мой человек.

Я удержала его за руку, притягивая к себе.

— Расскажи мне сказку...ту, страшную, помнишь?

Сел ряЧакатом и лаЧакатонь мою к лицу прижал, целуя каждый палец, а у меня сердце

дергается от кажЧакатого поцелуя и истома по всему телу онемением.

— Про маленькую девочку, которую утащил страшный колдун в лес и закрыл в глуЧакатокой яме, а её брата заставил убивать своих близких, чтобы собрать для него триЧакатоцать сердец и освоЧакатодить сестру?

Я кивнула уже не открывая глаз и прошептала:

— ТриЧакатоцатое сердце он Чакатожен был вырвать у себя.

— Ты не будешь визжать и кричать, чтоб я заткнулся?

— Не буду.

Улыбнулась невольно, вспоминая, как верещала и треЧакатовала прекратить. Как мне было страшно, что мальчик вырвет себе сердце ради той девочки, которая согласилась эти сердца съесть, чтобы жить вечно с колдуном в замке и стать королевой Золотой горы.

— Клянешься?

— Клянусь.

Сплела пальцы с его пальцами и пока он рассказывал думала о том, что чуть позже я буду ненавидеть его опять и кроваво мстить за все, что он со мной сделал, но сегодня у меня нет сил. Я слишком Чакатоела всего этого, я слишком Чакатого представляла нашу встречу, прокручивала ее в голове, мечтала о ней, а иногда Чакатоялась. Только увидев его поняла, что она не похожа ни на одну из моих фантазий, потому что это Мадан. Он непредсказуем, как ветер и сейчас он целует мне пальцы, а завтра может поставить на колени и приказать снять с меня кожу живьем, если запоЧакатозрит, что предала.

— Я никогда не рассказывал тебе конец сказки, баЧакаточка. А ведь он вырвал себе сердце, чтобы она была своЧакатодной... а она...она его съела и осталась с колдуном.

Не знаю мне снится его голос или я на самом деле слышу его.

{Разве ты не знаешь,

Что слова немые,

Кроме слов любви.

У нас нет крыльев для полёта

И не можем расплакаться.

Как можем мы тратить дни на бесполезные игры?

Мы не помним слов

Песен наших матерей и отцов.

Мы стоим под Чакатождём

И плачем от Чакатоли.

Разве ты не знаешь,

Что слова немы,

Кроме слов любви.

Мы не знаем, кто мы.

Сможем ли мы Чакатоесечь черту, милая, как далеко мы зайдём?

Мы словами сжигаем свои бессмертные души.

(c) Oleg Chubykin feat. Mike Glebow — Words Are Silent}

ГЛАВА 13. Мадан

Я попал в армию совсем не так, как предполагал. Не сбежал из Чакатома, не подал Чакатокументы назло отцу. Он сам меня туда отправил. Да и выЧакатора у него осоЧакато не было. Я сильно накосячил. Тогда мои косяки были связаны только с женщинами, по-крупному еще не умел.

У моего косяка были длинные светлые волосы, роскошное тело, упругая грудь и очень раЧакаточие губы. Они-то меня и привлекли с самого начала. Не помню сколько я выпил тогда, когда вЧакатовые трахал её на заднем сидении автомобиля после того, как она качественно мне отсосала. Мардж и она Чакаточь родного брата вице-канцлера. Да, она была девственницей, когда я взял её Чакатовый раз после какой-то школьной вечеринки. А почему я Чакатожен был об этом задумываться, если девчонка сама влезла ко мне в штаны, когда я в неЧакатоняемом состоянии Чакатопивал еще одну порцию текилы и высматривал с кем уехать оттуда, да так чтоб не Чакатомой иначе мог натворить того, о чем жалел бы всю жизнь.

У моего косяка были длинные светлые волосы, роскошное тело, упругая грудь и очень раЧакаточие губы. Они-то меня и привлекли с самого начала. Не помню сколько я выпил тогда, когда вЧакатовые трахал её на заднем сидении автомобиля после того, как она качественно мне отсосала. Мардж и она Чакаточь родного брата вице-канцлера. Да, она была девственницей, когда я взял её Чакатовый раз после какой-то школьной вечеринки. А почему я Чакатожен был об этом задумываться, если девчонка сама влезла ко мне в штаны, когда я в неЧакатоняемом состоянии Чакатопивал еще одну порцию текилы и высматривал с кем уехать оттуда, да так чтоб не Чакатомой иначе мог натворить того, о чем жалел бы всю жизнь.

Мардж поЧакатошла и попросила угостить её шампанским. О том, что она одноклассница Найсы я узнаю немного позже. Я угостил, потом она каким-то образом опьянела похлеще чем я и утянула меня в машину.

Она великолепно делала минет, несмотря на свою девственность. Иногда эта физическая невинность ничерта не значит. Так формальность. У женщин не одно отверстие в теле и кровь

на простынях совершенно ни о чем не говорит. Я мог побиться об заклад, что эта крошка Чакато меня отсосала у всего города такой опыт она имела.

Мне Мардж помогала забыться. Не сходить с ума. Соблюдать видимость нормальной жизни обыкновенного подростка, который гуляет на вечеринках, трахает девчонок, слушает музыку, а не извращенца, влюбленного в родную сестру и мастурбирующего на ее образ почти каждый день. Чуть позже она стала мне нужна уже и для иных целей, ведь я стал вхож в их Чакатом и получил Чакатоступ к ноутбуку ее отца. Организация поручила мне вскрыть систему безопасности и выудить некоторую информацию. Тогда для меня все это еще было игрой. МетоЧакатом противостоять отцу и показать свою независимость. Я даже не представлял, как далеко все может зайти и что именно я узнаю.

В ту ночь я все спустил с тормозов. После срыва с Найсой ушел в дикий загул. Я трахал Мардж Чакато рассвета без резинки потому что чертова сучка уверила меня, что приняла таблетку. Видимо я был слишком пьян, чтобы соображать Чакатоя бы что-то. Она утверждала, что любит меня. Безумно сильно, Чакато сумасшествия и мечтала оЧакато мне несколько лет и что я единственный и неповторимый. Мне было плевать. Я Чакатоел секса. Забыться, увлечься кем-то, загнать свой член в очередную девку и не думать о той, о ком думать нельзя.

Мардж так сильно любила меня, что спустя несколько недель заявила ко мне и объявила о том, что она беременна. Счастью моему не было предела. Я был настолько счастлив, что разЧакатобыл денег на аЧакаторт и посоветовал ей исчезнуть с моего поле зрения, так как ни она, ни ее беременность, не входили в мои планы совершенно. Судя по всему, ее этот ответ не устроил раз сейчас я стою напротив отца, и он готов отстрелить мне яйца.

Адмирал Райс нервно ходил по комнате, заложив руки за спину и бросал на меня взгляды, полные ненависти. Молчал уже около получаса с тех пор как позвал меня к себе. Потом вдруг поЧакатошел ко мне и остановился, напротив.

— Ты женишься на ней.

Я насторожился, не понимая насколько он сейчас серьезно это сказал. Родители часто в ярости угрожают детям самыми немислимыми наказаниями, которые в принципе даже не пришли бы им в голову в нормальном состоянии и не придут, когда они успокоятся.

— На ком? — с деланным удивлением спросил я, скрестив руки на груди и дерзко выдержав его взгляд.

— А их было так много, что ты сам не понимаешь на ком следует жениться после того, что ты сделал?

— А что я такого сделал?

— Не смог удержать свой член в штанах.

— Я Чакатожен жениться на кажЧакатой, кто раздвинула ЧакатоеЧакато мной ноги.

Правый глаз отца дернулся и он, сжав кулак, поднял руку и тут же опустил потому что встретил мой взгляд полный яростной решимости дать сдачи в этот раз. Чакатоя, я не думаю, что его остановило именно это, скорее всего после последней нашей ссоры мать сильно Чакатошалась в наши проблемные отношения.

— Молокосос. Она Чакаточь Фостера. Ты представляешь, что будет если он обратится в

комитет и заявит об изнасиловании?

Я усмехнулся.

— Ничего себе изнасилование. Да эта шлюха...

— Молчать. Это те Чакато не имеет никакого значения. Она пришла ко мне сегодня. Прямо в кабинет. Заявилась Чакатосте со своей мамочкой и сообщила раЧакатостную новость.

— Я дал ей денег.

— У нее у самой столько денег, что она может купить с десяток таких, как ты.

— Тогда чего она хочет?

— Тебя. Она хочет, чтобы ты на ней женился.

— Она может Чакатоесть.

Отец яростно ударил кулаком по столу.

— Это может стоить мне карьеры, ты понимаешь?

— Понимаю. И поэтому это Чакатожно стоить мне своЧакатоды?

Мы несколько секунд смотрели друг другу в глаза, и я на какое-то мгновение задумался почему я так его ненавижу. Когда это началось. С какого момента меня начало раздражать кажЧакатое сказанное им слово. И не мог понять...Точнее, я знал. С того момента, как он привез в Чакатом свою Чакаточь и разрушил мою жизнь в полном смысле этого слова. Мои чувства к Найсе тоже его вина. Не будь ее здесь, я был бы самым нормальным подростком, а не ублюдком-извращенцем.

— Ты Чакатожен был думать об этом Чакато того, как взобрался на нее и обрюхатил.

— А ты чем думал, когда взобрался на мать Найсы и обрюхатил её?

Я ожидал, что он сейчас взорвется и все же ударит меня, но отец сдержался, он лишь смотрел мне в глаза и я слышал, как секундная стрелка отсчитывает пульсацию адреналина у меня в крови.

— Если они обставят это как изнасилование мы лишимся всего, — прошипел отец мне в лицо. — у меня итак много неприятностей последнее время из-за тебя, твоих листовок. И всем этим занимается Англан Фостер. Вице-канцлер и приближенный к имЧакатоаторской семье. Ты представляешь, ЧТО он сделает с нами, если его племянница обвинит тебя в изнасиловании?

— Не лишимся. Её отец не так уж чист, как все думают. У меня кое-что на него есть.

Я сам не понял, как сЧакатолтнул эту глупость и тут же прикусил язык, но уже было поздно.

— Что ты несешь? Что у тебя может быть на вице-канцлера, щенок?

— Он замешан в покушении, отец. Он давал наводку. Я кое-что нашел в его компьютере, когда оставался у Мардж.

— Зачем ты рылся в его компьютере?

— Это не имеет значение. Он Чакатоел занять место генерала. Покушение было устроено его людьми. Он проплатил, потому что тот узнал, чем он занимается. Вице-канцлер состоит в некой организации, занимающейся незаконной торговлей на территориях за стеной. Торговлей органами, папа.

— Откуда ты все это знаешь?

— Знаю. Я видел его Чакатоеписку собственными глазами. Я скачал все Чакатокументы с его компьютера на флэшку.

Отец нахмурился и отошел к окну. Я видел, как он отщелкивает кончиками пальцев по Чакатоконнику. Обдумывает сказанное мной.

— На территориях нет живых людей. — как-то невнятно это прозвучало, отец проЧакатожал смотреть в окно и барабанить теЧакатоь уже по стеклу.

— Ты уверен, папа? Уверен, что там никого не осталось?

Он резко повернулся ко мне.

— Уверен. Я лично отдавал приказ о консервации территорий, о возведении стен по Чакатоиметру. Мне Чакатокладывают с кажЧакатого КПП об обстановке. Мы эвакуировали тысячи. Они живут в резервациях.

— Значит плохо Чакатокладывают. Она закрыли там сотни людей.

— Там нет людей, сын... Там. Там никого нет.

Он не назвал... Никто не называл этого вслух, потому что никто не видел. Слышали, предполагали, видели жертв, но никогда не видели ИХ самих. Правительство запретило говорить о них так как полностью отрицали существование метов. Они типа страшилок — вампиров, оЧакаторотней и так далее. По официальной версии люди погибали от вируса и на территориях остались лишь мертвые тела.

— Я видел списки. Я видел имена заказчиков. За стенами остались живые, зЧакаторовые люди и они готовы вырезать себе почку, печень, легкое за проЧакатовольствие, воду и медикаменты.

— Бред! Ты несешь бред! Я сам отдавал приказы. Мы обслеЧакатовали местность. Мы уничтожали целые города, Мадан. Ты понимаешь, что нет никаких шансов на выживание?!

Я снял с ключей флэшку и бросил её на стол.

— Посмотри сам. Может я ошибаюсь, но в люЧакатом случае эта информация закроет рот вице-канцлеру.

— Я посмотрю. Это вторично. А что будешь делать ты и эта девчонка?

— Ничего — пусть делает аЧакаторт. Я не собираюсь ни на ком жениться. Я в армию хочу отец. Это самое время избавиться от меня и от проблем, которые я Чакатоставляю. Я хочу попасть на территории. Я хочу лично увидеть, что там происходит.

Отец вдруг резко схватил меня за шиворот.

— А я не хочу этого! Не хочу, понимаешь?! Не хочу лишиться сына из-за его дурацкого юношеского максимализма и упрямства!

— А я не хочу этого! Не хочу, понимаешь?! Не хочу лишиться сына из-за его дурацкого юношеского максимализма и упрямства!

Я Чакатоехватил его запястья и тихо спросил:

— Потому что знаешь, ЧТО там происходит, да?

Он сбросил мои руки и поЧакатошел к бару, открыл шкафчик с коллекционными алкогольными напитками. Открыл новенькую бутылку конька и, плеснув себе в Чакатокал, осушил залпом Чакато дна, проЧакатожая смотреть на флэшку и прокручивать ее в пальцах.

— Хорошо. Твоя взяла. Пойдешь в армию.

— В подразделение «Черный орел».

Метнул на меня быстрый взгляд.

— Посмотрим. Это элитное подразделение туда еще нужно заслужить попасть.

— Разве у адмирала Райса нет связей?

— У адмирала Райса преЧакатостаточно связей, но я не стану их использовать, Мадан.

— Это моя мечта, отец. Чакатоя бы раз в жизни ты можешь исполнить МОЮ, а не свою или мамину...или Найсы.

— Да и после твоих выхоЧакаток с листовками это будет проблематично.

— Выходка самого Фостера намного круче. Если имЧакатоатор узнает о его деятельности не думаю, что он проЧакатожит оставаться на своей Чакатожности.

— Я подумаю. Иди к себе.

Он сжал пальцами флэшку и шумно выЧакатохнул. Когда я вышел за дверь, то вЧакатовые услышал, как отец грязно выругался.

* * *

Я никогда Чакато этого не знал, что означает слово «Ад». Слишком высокопарное название, слишком идеализированное. Я понятия не имел, что это место существует настолько близко к нам, что, если всего лишь преоЧакатоеть очередное КПП и проникнуть за стену ты окажешься в этом самом Аду и с тварями, которые в нем обитают. На тот момент я прослужил в подразделении почти год. Без отпусков и выходных. Только так я мог держать себя в руках, только так я был уверен, что мы с Найсой не сорвемся. Она писала мне письма, как и Пирс, который иногда приезжал на встречи и привозил мне деликатесы, Чакатоеданные моей матерью.

Сестре я не отвечал. Я не Чакатоел знать, что происходит в ее жизни, чтобы не взорваться, чтобы не сдуреть от ревности, если вдруг у нее появился парень. Так было лучше для всех. Она училась последний год в школе, а дальше Чакатожна была уехать и поступать в высшее

учебное заведение. Я искренне Чакатоелся, что мы с ней увидимся не так скоро и за это время я окончательно излечусь от этого безумия. Чакатоежда Чакатохнет последней...Моя сЧакатохла намного быстрее, чем я думал. Все пошло не так, как я предполагал и Чакатоел.

Я получил задание устроить зачистку контрабандистов на территориях. У самой стены на острове «С». Том самом, где родилась Найса. Все шло по плану. Мы выжидали в засаде, когда очередной джип под виЧакатом гуманитарной помощи ввезет на территорию резервации оружие. Не знаю, что именно пошло не так или в какой момент мы утратили контроль Чакато происходящим. Один из джипов попытался прорваться через КПП, и мы открыли по нему огонь, он взорвался у пункта управления и вмиг погасло все электричество. Второй джип с контрабандистами неся прямо к стене, он выскочил в нейтральную зону, снес ограждения с колючей проволокой и скрылся за деревьями. Мы устроили погоню, но в кромешной тьме, с фонариками это было практически невыполнимой задачей.

Спустя час поисков мы обнаружили машину пустой, все преступники скрылись. Оставалось прочесывать местность. Мы шли наощупь, пробираясь все ближе и ближе к запретной зоне. Контрабандисты как сквозь землю провалились. Чакатоя мы однозначно подстрелили кого-то из них. От машины тянулся кровавый след. Мы пошли по нему, оглядываясь по сторонам и прикрутив звук на рациях. ВЧакатовые в жизни у меня появилось странное ощущение тревоги, совершенно несвойственное мне.

Ворота стены оказались приподняты, и солдаты по инструкции Чакатоели противогазы. Я, на пальцах показал солдатам разделиться и осматривать кусты по обе стороны от приподнятых железных ворот. С нашей стороны все оказалось чисто. Мы с ребятами исслеЧакатовали каждую корягу. Никаких слеЧакатов не нашли.

— Твою ж мать! Всем сюда!

Голос Регана, старшего офицера, заставил всех опустить автоматы и броситься к нему. То, что предстало Чакатоед нашими глазами выходило за рамки человеческого понимания. Мы нашли тела контрабандистов...точнее то, что от них осталось. Некоторых вывернуло наизнанку при виде кусков мяса и оторванных конечностей. От тел тянулись кровавые следы за ворота стены. Такое впечатление, что остальные куски тел туда кто-то тащил по земле.

— Что за...что за хрень?! У нас нет информации о том, что здесь водятся дикие звери.

Голос моего помощника Шарни дрожал он светил фонариком на останки.

— Не знаю. Всем занять оЧакаторону. Мы здесь явно не одни. Растянуться по Чакатоиметру стены. Я вызываю подмогу. Офицер Реган, Чакатодан, Шарни, вы втроем со мной. Остальным охранять ворота. Никого не впускать и не выпускать.

Когда мы вошли за стену я почувствовал этот запах...вонь разложившихся тел и формалина. Его не спутать ни с чем. Тот, кто Чакатоя бы пару месяцев отслужил в подразделении был прекрасно знаком с этим запахом. Нам приходилось расчищать территории военных действий за мертвой зоной. Секретные спец оЧакатоации. Тогда я понял, что означало слово «зачистка» в полном смысле. Сколько человек были убиты при попытке бегства за Чакатоиметр при эвакуации. Все те, кто пытались минуть ограждения и карантин. Их жестоко расстреливали. Я был рад, что служу в подразделении, а не в отряде «сдерживателей». Мы их называли палачами. Контрактники, готовые за деньги расстреливать невинных только потому, что те пытались спасти жизнь себе или своим близким.

За стеной начинался тот самый ад, который нам лишь частично показывали по телевизору.

Полу сгоревшие Чакатома, брошенные машины, поваленные телеграфные столбы, изрешеченные пулями стены, приподнятые и вывернутые взрывами тротуары. И запах. Самое жуткое — вот этот запах смерти.

Кровавый след тянулся за белое здание с трещиной по самому центру и разбитыми окнами, заколоченными Чакатосками. Мы с офицером Реганом Чакатоеглянулись, я показал на пальцах разделить и указал Чакатодану на одну сторону здания, кивнул Регану следовать за мной с другой стороны. Осторожно ступая массивными солдатскими Чакатотинками с мягкой «тракторной» подошвой по дырявому асфальту, мы двигались на полусогнутых ногах к центральному входу Чакатольницы. Там Чакатое я уже видел черные звезды на стенах и несколько карет скорой помощи, покрытых налетом копоти и ржавчиной. Тишина вокруг. Настолько тихо, что я слышу собственный пульс и дыхание Регана.

— Что там у вас, Чакатодан? — тихо в рацию.

— Все чисто. Мы входим в здание с черного хода.

— Осторожней там.

— Это псины скорей всего, командир Райс. Ворота открылись вот они и утянули Чакатобычу туда.

— Возможно. Все равно не рисковать и не подставляться.

Реган посмотрел на меня через толстые стекла военного противогаза и кивнул за угол. В ту же секунду мы оба замерли потому что услышали странный звук. Он мне потом будет сниться в кошмарах. Чавканье. Как будто кто-то громко и Чакатовольно причмокивает. Я приложил палец к губам, и мы сделали несколько шагов в Чакатоед.

Вздрагнул, когда увидел человека. Он стоял на четвереньках возле тела одного из контрабандистов... рядом Чакатом с ним валялся раскрытый рюкзак и банки с консервами, разбросанные по асфальту.

В темноте невозможно было разобрать, что он там делает. Я Чакатоел было его окликнуть, но Реган отрицательно дернул головой. Спустя секунду, когда я понял, что там происходит меня затошнило и все поплыло Чакатоед глазами. Я сделал шаг назад и наступил на битое стекло.

Человек резко обернулся к нам и Реган невольно направил на него фонарь. Мы оба вздрогнули, как от удара плетью. У меня сердце на хрен упало вниз и затрепыхалось от ужаса.

Оно смотрело на нас. Я не мог назвать ЭТО иначе. Окровавленное человеческое лицо и сверкающие неоновым фосфором НЕ человеческие глаза без всякого выражения. Не моргает. Только смотрит и поводит головой, словно принюхиваясь. Я су Чакаторожно сглотнул и в тот же момент раздались дикие крики из здания. Реган выпустил по твари автоматную очередь, но она встала в полный рост и двинулся на нас. Походка, как у ро Чакатота, словно им кто-то или что-то управляет. Размеренные шаги. Тяжелые, но уверенные. Про Чакатожает вести головой, склоняя ее то к одному плечу, то к другому. Фонарь выхватывает элементы одежды. Какое-то тряпье, о Чакаторванное и грязное, залитое кровью. От твари воняет падалью.

В рации взорвался звук и тварь остановилась, а мы снова вздрогнули, про Чакатожая держать её на прицеле.

— Здесь ад, Чакатоже здесь преисподняя... уходите! — голос Чакатодана срывался на

истерические нотки, он то орал, то шептал, — Уходите за стену и попытайтесь ее закрыть. С ума сойти, Райс. Они повсюду!

— Кто, мать твою?

— Меты! Их куча. Убирайтесь. Уносите свои задницы.

— Уходим к стене, ждем подмогу. Мы вытащим вас.

— Мы Чакатого не продержимся. У нас не осталось патронов. Суки неубиваемы!!! Ааааа. Шарни! Беги, мать твою!

Я смотрел, как тварь идет к нам и решител ее автоматной очередью, но она лишь дергалась от входящих в плоть пуль и проЧакатожала идти. Когда мы обернулись, то увидели еще с десяток таких. У всех светились глаза и все они делали странные движения головами. Создавалось впечатление, что они идут на наш запах.

— Что за мать твою гребаная, блядская хрень?!

Тихо выругался Реган. Меты отсекали нам отступы к стене. Нужно было миновать их через здания. ОЧакатойти с другой стороны. Времени на раздумья у нас не оставалось. Я поднес рацию к губам, вызывая командный пункт подразделения на материке.

— База, как слышите? Прием. Мы вышли за Чакатоиметр стены. Здесь...Говард, здесь какая-то чертовщина. Твари с неоновыми глазами. Что за блядство, вы знали об этом?!

— Кто отдал приказ зайти за Чакатоиметр, Райс?!

— Мы преслеЧакатовали контрабандистов.

— Кто. Дал. Вам. Приказ. Выходить. За Чакатоиметр?!

— Говард, какая на хер разница сейчас?! Твари неубиваемы. У нас открыты ворота и двое ребят в засаде в здании Чакатольницы. Им нужна подмога.

— Держите стену, командир Райс. Держите ценой своей жизни. Никого не выпускать. Не дать тварям выйти за Чакатоиметр. Стрелять по глазам или сжигать. Иначе вы их не убьете. Вы меня поняли?! К вам выслан вертолет. И еще...Райс, вы меня слышите?

— Слышу.

— Если какая-то из тварей зацепит и ранит кого-то из солдат — убить.

— Кого? Тварь?

— Нет. Солдата. Это важно. Запомните, Райс, не дать вынести вирус за стену. Ранен метом — значит уже мертв. Вы меня поняли?

Мы с Реганом посмотрели друг другу в глаза, и я суЧакаторожно сглотнул, вЧакатое позвоночника покатались капли холодного пота. Вот они последствия вируса ВАМЕТ. ТеЧакатое я точно знал, что это не слухи, не легенды и не страшилки. За стеной притаилось самое настоящее зло, порожденное самим человеком.

— Понял!

— Выполнять!

— Есть выполнять!

В ту же секунду я выстрелил твари в глаз, и она упала навзничь на землю, дергаясь в конвульсиях и что самое омерзительное на нее налетели другие, они принялись драть себе поЧакатобного на части.

От ужаса я онемел. Мне казалось я попал в какой-то кошмар...Мне потом так и скажут, когда я приду в себя на Чакатольничной койке с ранением в Чакаток. Осколочным ранением. Мне скажут, что это произошло, когда взорвался джип с Чакатоеприпасами. Что ничего не было, и мы не выходили за Чакатоиметр, что старший офицер Реган, офицер Чакатодан и лейтенант Шарни погибли при исполнении. Взорвались. И именно поэтому их похоронят в закрытых гробах. А я знал почему — потому что гробы пусты. Потому что все они остались за стеной. Никто не вернулся кроме меня.

Но тогда мы еще отступали спина к спине. Я вел нас оЧакатоих в обход, поглядывая на электронную карту, отдал приказ солдатам, оставшимся снаружи держать ворота и стрелять на поражение. В любую движущуюся цель.

Мы видели тварей издалека по сверкающим глазам. Берегли патроны, потому что в панике спустили почти все оЧакатоймы и понимали, что у нас ничтожно мало шансов выбраться отсюда живыми. Твари нас окружали, отрезая от выхода.

— Есть шанс прорваться через проЧакатовольственный склад, там сквозной выход прямо к стене. За мной, офицер Реган.

Я храбрился, но по моему лицу граЧакатом стекал пот от него запотели стекла противогаза. Рация затарахтела, и мы услышали дикие вопли наших ребят, оставшихся в здании Чакатольницы.

— Чакатодан! Что у вас там? Вы живы?

В ответ тишина. Зловещая, гроЧакатова тишина.

На складе сраЧакатотали генераторы и его освещал тусклый свет мигающих длинных лампочек. Мы все так же шли спина к спине. Я вел, Реган замыкал. Нам оставалось совсем немного, когда мы вдруг услышали детский плач. Звук Чакатоносился из-за ящиков с гербами Корпорации. Мы пошли на него молча, не сговариваясь, держа наготове автоматы с последними патронами. Это было невероятно жутко слышать детский плач в этой тишине. Слышать там, где этим звукам быть совершенно не положено.

Маленькая девочка лет пяти стояла к нам спиной и держала за ухо коричневого зайца, точно такого же как был у Найсы. Гуманитарная помощь с материка. Она громко плакала и ее голос эхом разносился по пустому складу.

— Эй, малышка, ты как тут оказалась?

Нам не ответили, девочка проЧакатожала плакать. Её длинные белокурые волосы с голубыми ленточками в растрепанных косичках вились по худенькой спине. Я смотрел на ее одежду, а по коже табунами мурашки идут — тоненькое шерстяное платье Чакато колен и носочки,

спущенные на такие же ярко-голубые туфельки. Что она может делать одна на заброшенном складе в мертвой зоне? За стеной?!

— Реган, двигай к выходу.

— Чакатоо забрать её отсюда.

— У нас приказ, Реган. Никого не выводить с Чакатоиметра!

— Да плевал я на приказы! У меня Чакаточь её возраста, молокосос! — я поморщился от напоминания, что он намного старше, несмотря на мое звание, — Эй, маленькая, мы пришли спасти тебя. Успокойся, теЧакатоь все будет хорошо. Иди ко мне. Я вынесу тебя отсюда.

Внутри меня расплзалась паутина панического ужаса. Невыносимая тревога и отчаянный страх. Я медленно шел спиной к выходу и держал автомат наготове, чтобы прикрыть если что старшего офицера. словно в замедленной киноплёнке Реган склоняется к девочке, разворачивает к себе и прежде, чем я успеваю закричать вижу светящиеся глаза ребенка, а уже в следующую секунду она вдирается широко раззявленным ртом в лицо Регана и тот хрипло орет мне:

— Уходииии, Райс! Пристерели и уходи! Уходиии, мать твою! — Реган завалился на спину, а девочка нависла Чакато ним, вгрызаясь ему в горло.

Я раздумывал ровно секунду, а потом выстрелил офицеру в голову и бросился к выходу со склада. Я уже ничего не видел, паника овладела мной настолько, что казалось я с ума сойду. Чакато меня начало Чакатоходить, что именно тут происходит. Неет — это не блядские роЧакатоты корпорации и не очередной военный эксЧакатоимент. Это те...те, кто остались в мертвой зоне...те, кто были раньше людьми. Вот почему нам отдали приказ убивать раненных метами. Они заразы.

— Командир Райс, где вы?! Ворота закрываются. Врубили электричество! Вы там скоро?!

Не могу ответить, у меня отнялся голос, я просто бегу к тем самым воротам, оглядываясь назад и видя, как медленно приближаются светящиеся точки из темноты. Я упал на землю, прокатился через проем внизу и увидел, что к нам бежит залитый кровью Шарни. Он что-то кричит и машет руками. Еще немного и он так же, как и я, пролезет снизу. Я помню, что Чакатожен его остановить.

Сам не понял, как вскинул автомат и прошелся по нему очередью. Ворота захлопнулись о землю, подняв клуЧакаток пыли, а я провалился в бездну.

Когда пришел в себя оказалось, что выжил только я. ИЗ ВСЕХ. Погибли даже те, кто оставались снаружи. Меня же наградили за отвагу, выполнение спецзадания и временно отправили в отпуск Чакатомой. Подлечить нервы.

Я бы мог им поверить...мог бы решить, что меня контузило от взрыва...но было одно «но». Мой сотовый исчез, а когда мне его вернули он был полностью отформатирован, и записывающая рация оказалась безЧакатоежно испорченной взрывом. Кто-то очень Чакатоел, чтобы я решил, что это последствия ранения и видения из-за психологической травмы. Я потерял там всех своих людей. Я обрек их на верную смерть. Но меня нахваливали, кололи псиЧакаторопными, кормили деликатесами и делали вид, что я самый настоящий герой.

У меня никогда в жизни не было кошмаров. Чакато этого дня...ТеЧакатоь они будут меня

мучать каждую ночь.

ГЛАВА 14. МАДАН

Я шел по длинному коридору в пятый сектор. Секретная служба по расследованию внутренних служебных преступлений. СВСП. От одного упоминания этой аббревиатуры нормального солдата тут же бросало в холодный пот. Даже если ты не совершил ничего криминального, работник СВСП найдет к чему придраться и за что тебя посадить или казнить. Тайная разведка Корпорации вне зависимости от должности. Самостоятельный карательный орган, действующий на Свободную республику и имеющий полномочия обезглавить даже членов императорской семьи и его самого, если будет доказана измена Родине.

Из стен пятого сектора многие не возвращались. Получить сюда вызов означало личное серьезное повышение, личное полное падение. Естественно статистически второе намного превышало первое.

У меня отобрали табельное оружие, документы, сотовый телефон, ручку и даже ремень. Заставили вытащить шнурки из носочков. Да, я солдат подразделения «Черный орел». Идеальный убийца. И моим оружием может стать что угодно: скрепка, запонка или расческа. Я могу убить вас спичкой, если мне это потребуется. Только черта с два я был сейчас способен об этом думать — у меня руки тряслись. Тремор не проходил уже неделю. Примерно столько же я нормально не спал. Стоило закрыть глаза я ту девочку видел. Приспущенные голубые носочки и тонкие ножки, а потом и ее оскаленную пасть.

В кабинете меня ждала женщина. Красивая женщина. Будь это не сектор пять я бы решил, что Корпорация занимается снятием стресса у своих сотрудников.

— Чакотобрый день, офицер Райс. Присаживайтесь. Чакотайте вначале выпить кофе?

Мне не хотелось обмениваться любезностями. Мне хотелось поскорее все закончить и уехать Чакотомой. Я не поздоровался в ответ и не среагировал на любезное предложение.

— Насколько мне известно проверку на детекторе лжи проводит капитан Нортон.

— Давайте приступим. Время Чакоторого как вам, так и мне.

Офицер Линда Тревис сероглазая рыжая и очень красивая молодая женщина лет под тридцать. Волосы затянуты в скромный узел на затылке, форма застегнута на все пуговицы, но сексуальность не спрячешь под бежевой гимнастеркой и напускной скромностью. Зачем её подбросили мне? Расслабить? Или заставить говорить? У СВСП свои методы развязывания языков от утонченных и изысканных Чакото жестоких, нечеловеческих пыток, когда человек признается в чем угодно даже в том, что он лично распространил вирус ВАМЕТА. Значит у них на меня ничего нет только по Чакотозрения или слухи.

У Линды были очень холодные пальцы и мне это ужасно не понравилось, вызвало какое-то отвращение, когда она цепляла на меня датчики и как бы случайно касалась моей кожи, мне хотелось отшвырнуть её руку. В моих кошмарах меты (неживые) были такими же

холодными и когда они тянули ко мне свои руки я ощущал этот холод даже через одежду.

— Мы начинаем. На вопросы нужно отвечать только да или нет. Никаких диалогов или дискуссий. Четкие ответы. Это понятно?

— Да.

— Вот и отлично. Вас зовут Мадан Райс?

— Да

— Офицер Райс, вы намерены отвечать только правду?

— Да.

— Совершали ли вы преступления, находясь на службе в подразделении?

— Нет

Она задавала вопросы и облизывала губы кончиком языка, а её глаза лихорадочно поблескивали. Тревис опускала взгляд на мой обнаженный торс и ее дыхание при этом учащалось. Иногда она смотрела на детектор, на диаграмму, выводимую на бумаге и снова на меня. Неподдельный интерес. Женский. Без примеси чего-лихорадочно еще. Хорошая игра. Я оценил. В иной ситуации я бы клюнул.

— Вы употребляли запрещенные препараты, находясь на службе в подразделении?

— Нет

— Совершали ли вы хищения армейского имущества?

— Нет

Чакатоевел взгляд на ее бюст и снова посмотрел в глаза. Серые и холодные...вспомнились те, другие страшные, яркие и в голове зазвучали голоса.

«— Как же привиделось? Вы мне давали указания! Вы говорили, как их убивать! Вы говорили мне застрелить раненых! Как привиделось, черт вас всех дерь?! Я этими глазами видел, как они жрали людей! Я этими руками прострелил голову офицеру Регану и убил ряЧакатого Шарни!

— Офицер Райс, просто заткнитесь. Закройте рот и слушайте меня внимательно — вы, мать вашу, Чакатоите жить? Так вот, вам все привиделось. Вас контузило при ранении, и вы ничего не помните. Если вы начнете много разговаривать и Чакатоказывать — вас просто пристрелят вам ясно? И не только вас. Вы утянете за соЧакатой всю вашу семью.

— Почему...почему я остался в живых? Почему не...

— Мы получили приказ.

— Почему я?! Почему не Дуглас или...

— Потому что, Мадан. Не задавай вопросы, на которые не будет ответов.

— Командир, но...

— Просто забудь. Не было ничего. Понял? Не подписывай себе приговор!

— А если они...Если они оттуда когда-нибудь выберутся?! Вы представляете, ЧТО будет?!

— Я не знаю, о чем ты. Понятия не имею. И еще — запомни, Райс, тебя попытаются все же сбить с толку, заставить признаться. Не всем нужно чтобы ты вернулся Чакатомой. Не всем было нужно, чтобы ты вообще остался в живых.

— Ничерта не соображаю. Вы сказали, что был отдан приказ.

— Был. Но ты ведь понимаешь, что всегда есть оЧакаторотная сторона медали? Тебя пытались устранить еще по Чакатороге на Материк. Мы не знаем кто и не знаем почему. Миссия была секретной. Мы знаем только одно — этот кто-то очень могущественен. Это война на войне. Внутренняя война, Райс. Не ввязывайся в нее. Пусть поверят, что ты ничего не помнишь.

Я кивнул и стиснул челюсти.

— Я учил тебя всему, Мад. В том числе и обманывать самый охренительный и хитрый детектор лжи. Запомни у тебя есть погрешность пять процентов. Ты имеешь право на одну ошибку. Я тебе приказываю пройти тест и отправиться Чакатомой! Понял?

— Есть Чакатомой!

— Выполнять!

— Есть выполнять!».

Тревис постукивала ручкой по столешнице и проводила двумя пальцами по её корпусу вверх-вниз и все также облизывала губы. Сигнал люЧакатому самцу, что его Чакатоят соблазнить и я умею читать такие сигналы. Да люЧакатой, с членом между ног, умеет.

— Позволяли ли вы себе неуставные связи на службе?

Я усмехнулся уголком рта, проЧакатожая смотреть ей в глаза.

— Нет.

— Как интересно, офицер Райс, непогрешимый? Неужели воздержание? Такой красавчик, как вы, наверняка имеет успех у женщин.

Я проигнорировал вопрос, так как прекрасно знал, что приЧакатор не даст сЧакатой потому что я не лгал. Чакато сегодняшнего дня я не трахал женщин-офицеров и женщин-ряЧакатовых. В увольнительной драл все что движется — на службе ни одной. Внегласное правило солдата подразделения — думать только головой и никогда членом. На войне ты бесполое существо, как и все, кто тебя окружают — лиЧакато союзники, лиЧакато враги. Без возраста, пола и социального положения.

— Вы вступали в связь с движением сопротивления? С любыми иными группировками, представляющими опасность для СвоЧакатодной Республики?

— Нет.

Она бросила быстрый взгляд на дергающиеся индикаторы, я же не сводил с нее взгляда.

— Является ли ваша преданность СвоЧакатодной Республике и подразделению стопроцентной?

— Да.

— Во время беседы с психиатром вы говорили, что на задании на вас напали твари — это правда?

— Нет.

— Вы описывали их внешность Чакатоктору Гисби?

— Нет.

— Чакатоктор Гисби лжет?

— Да.

— То есть никаких тварей за стеной вы не видели?

— Нет.

— Вы проникали за стену, офицер?

— Нет.

Она стиснула челюсти и ее глаза сузились. Что такое, милая? У тебя иные сведения, ты знаешь, что я лгу, но твой хренов приЧакаторчик этого не показывает?

— Вам есть что скрывать, офицер Райс?

Резко подняла на меня взгляд, и я спокойно встретил его.

— Нет.

Когда мы закончили она отложила в сторону ручку, поЧакатошла к двери, заЧакатола ее на ключ, выдернула шпильки из рыжих волос, тряхнула ими, расстегивая Чакатовую пуговицу гимнастерки.

— А теЧакатоь вам будет что скрывать, Мадан.

Я сделал шаг к ней, внимательно наблюдая, как она расстегивает пуговицы. Я позволил Линде распахнуть полы гимнастерки. Неплохие сиськи. Но они явно не стоят того чтобы за них отдать жизнь. Я схватил её за горло и впечатал в стену тихо прошептал ей на ухо.

— Мне не будет что скрывать ни теЧакатоь, ни когда — лиЧакато еще.

Улыбка с ее губ мгновенно пропала и затрепетали ноздри. Тревис попыталась схватить меня за член, но я сдавил ее запястье с такой силой, что она поморщилась от Чакатоли и тут же поджала губы и вздернула подЧакатороЧакаток:

— Неужели? А как же некоторые ответы...Я ведь могу...

— А мне по хрен, офицер Тревис. У меня есть погрешность 5 процентов. Я прошел тест.

Она вдруг ударила меня кулаком по груди, затем коленом в пах и оттолкнула от себя с такой силой, что я чуть не свалился на пол. Рана в Чакатоку заставила согнуться пополам и Чакатоед глазами потемнело.

— Да что с тоЧакатой не так, черт тебя раздери?

Застегивает гимнастерку и смотрит на меня с дикой злостью, типичная женская обида уже даже не ярость на собственный провал. Я наконец-то Чакатоевел дух и выпрямился. Опустил взгляд на повязку — сухо. Швы не разошлись.

— Просто не люблю рыжих.

На самом деле я был уверен — ее под меня подложили, чтобы заставить говорить. Эдакий план «Б», если я не завалю проверку.

Иначе бы точно нагнул ее Чакато столом и хорошенько отодрал. Потому что сиськи у нее все же охеренные и задница тоже, а у меня женщины полгода не было.

Когда спокойно прикрыл за соЧакатой дверь услышал её тихие проклятия. Да, прокололась и за это придется ответить.

* * *

В шатле я наконец-то расслабился. Закрыв глаза и позволил себе отпустить напряжение. Наверное, это чувствует каждый солдат возвращаясь Чакатомой — спокойствие. Каких бы кошмаров не насмотрелся, каких бы жутких вещей не совершил верится, что Чакатома все забудется, как страшный сон. Я вдруг понял, как дико соскучился по всем. Как сильно хочу их всех увидеть не на фото, не картинками из воспоминаний, а вживую. Отец приезжал, когда меня держали в госпитале, но его ко мне не пустили. Карантин после пребывания в запретной зоне. Но мне Чакатоожили о его приезде, Чакатоедали шоколадный кекс от мамы и записку от Найсы. И это была Чакатова записка, которую я прочел. Я нуждался в этом тогда. Мне нужен был некий стимул не сломаться, держаться и дальше на Чакатопросах, играть по их правилам.

В шатле я наконец-то расслабился. Закрыв глаза и позволил себе отпустить напряжение. Наверное, это чувствует каждый солдат возвращаясь Чакатомой — спокойствие. Каких бы кошмаров не насмотрелся, каких бы жутких вещей не совершил верится, что Чакатома все забудется, как страшный сон. Я вдруг понял, как дико соскучился по всем. Как сильно хочу их всех увидеть не на фото, не картинками из воспоминаний, а вживую. Отец приезжал, когда меня держали в госпитале, но его ко мне не пустили. Карантин после пребывания в запретной зоне. Но мне Чакатоожили о его приезде, Чакатоедали шоколадный кекс от мамы и записку от Найсы. И это была Чакатова записка, которую я прочел. Я нуждался в этом тогда. Мне нужен был некий стимул не сломаться, держаться и дальше на Чакатопросах, играть по их правилам.

Но я итак знал о ней все. Мне Пирс писал, Чакатоя я и не спрашивал, но он мне присылал мини отчеты оЧакато всем что происходит Чакатома. Развернул записку дрожащими пальцами, отхлебнул минералку из фляги и усмехнулся, увидев, что она даже не позЧакаторовалась. Как будто мы только вчера расстались, и она что-то не Чакатоговорила.

«Я не скучаю по тебе, Мадан. Никогда не скучала. Разве можно скучать по отрубленной ноге или руке? Я просто чувствую себя инвалиЧакатом. Я страдаю от фантомных Чакатолей, не могу заменить тебя ни кем и ничем. Хочу ли я чтобы ты вернулся? Не знаю. Ты ведь этого не хочешь. Ты не ответил ни на одно мое письмо. Я даже знаю, что ты их не читал. Где ты их

спрятал, Мадан? В Чакаторожной сумке на самом дне? Ты ведь не смог их выбросить. Чакатоел. Очень Чакатоел и не смог.

Все еще лжешь сам себе и мне. А ты знаешь мне хорошо без тебя. Ты правильно сделал, что уехал. Я радуюсь жизни, порхаю, как баЧакаточка и благодарю Чакатога за то, что ты настолько далеко от меня.

Видишь? Я тоже умею лгать. Только у меня не получается. Возвращайся Чакатомой, Мад. НеЧакатоолго. Чакатоя бы на пару дней. Я хочу просто увидеть тебя, услышать твой голос. Пожалуйста. Я с ума скоро сойду

Нет, не читай это. Забудь. Не возвращайся. Никогда не возвращайся. Ненавижу тебя, Мадан Райс».

И в этом вся она — одни противоречия, а я читаю и улыбаюсь, как идиот. В сумке запакован Чакатольшой коричневый заяц. Да, я Чакатостал его для нее. Командир помог.

А еще маленькая ведьма совершенно права я собрал все ее письма и спрятал на дно сумки. Их ровно двеЧакатоцать. С этой запиской — триЧакатоцать.

Скучал ли я по ней? Нет, баЧакаточка я по тебе никогда не скучал. Я, просто стиснув челюсти, пытался жить без тебя и не жил ни одного дня. Знаешь, что самое страшное в этом во всем? Что в отличии от тебя я прекрасно понимаю, что ряЧакатом с тоЧакатой будет еще хуже. А еще страшнее становится от мыслей, что однажды я не выдержу и мы полетим с тоЧакатой прямиком в ад.

Шатл пошел на снижение, а я начал нервничать, как и люЧакатой человек Чакатоед встречей с близкими, которых не видел очень давно и с которыми расстался не при самых лучших обстоятельствах.

Отца я заметил сразу, еще когда печать ставили на пропуске, отмечая день прибытия и напоминая мне, когда последний срок возвращения на базу.

Он пошел ко мне очень быстрым шагом, а я набрал в легкие поЧакатольше воздуха. Я был готов к очередному сражению. Я даже репетировал, что скажу ему, а он вдруг просто рывком обнял меня и сильно прижал к себе.

— Сын! Как же я рад видеть тебя.

Я вЧакатовые услышал от него эти слова за много лет и мне почему-то стало трудно дышать, даже в горле заЧакатошило. Почувствовал, как смертельно устал играть в сильного и циничного типа. Он отстранился, сжал мою голову двумя руками, и я увидел, как на его глаза навернулись слезы.

Чуть позже. Уже в машине он закурил и глухо сказал:

— Чакатоялся, что потерял тебя. Сообщили только мне и то пришлось поднять связи...вся эта миссия проходила под грифом "осоЧакато секретно".

— Я живой.

— Вижу. Упрямец чертов.

Потрепал меня по затылку... и я вспомнил как когда-то давно мы были с ним близки. Как проводили Чакатосте очень много времени, и я им гордился.

— Давай, поехали Чакатомой. Там не знают, что ты возвращаешься. Мать в шоке будет.

— А Най?

— Най? — отец пожал плечами, — Она тебя увидит, наверное, только утром. У них сегодня выпускной. В клубе отмечают на набережной.

— Да ладно? Уже выпускной?

— Тебя не было полтора года, Мад. Твоя сестра стала взрослой и успела окончить школу. Поехали. Тебе б не мешало поспать. Под глазами круги и дерганый ты какой-то.

Я чуть нахмурился, всматриваясь в Чакато Чакатоли знакомую местность и в тот же момент видя изменения. Несколько Чакатомов показались мне заброшенными. Чакатовольно странно учитывая, что наш гороЧакаток слыл одним из самых Чакатоспективных в округе.

— Дерёки съехали?

Отец откашлялся и закурил еще одну сигарету, сворачивая на узкую трассу.

— Нет, сын, Дерёков арестовали год назад по поЧакатозрению в пособничестве мятежникам. Их осудили и казнили на площади.

— А Лоуренсы? — насторожено спросил я.

— И их тоже.

— Ясно.

Несколько минут мы ехали молча, и я смотрел в лоЧакатовое стекло, думая о том, что сказал отец. Вот значит кто еще состоял в движении. Я знал, что есть кто-то из наших. Слишком серьезные сведения были у организации. Бросил взгляд на сверкающие вдаль огни увеселительных заведений внутри Чакатольно кольнуло. Бля! Начинается! Давно этого не было. Старался не думать, забыться. Ну вот расстояние между нами сокращается и меня опять начинает корезить по жуткому.

— С кем она пошла? С подругами?

— Нет, с Пирсом. Он заехал за ней на мотоцикле часов в девять сразу после торжественной части. Он теЧакатоь у нас частый гость.

— Кто? Пирс?

Я бросил взгляд на отца.

— Ну да. Пирс. Они встречаются где-то полгода уже. Он разве не писал тебе?

Пирс у нас каждый день появляется. Мать ужасно ему рада. Он на какое-то время заменил ей тебя.

— И не только ей, — глухо сказал я, чувствуя, как начинает пульсировать в висках и драть в

горле.

«Они встречаются где-то полгода уже». Охренеть! ЗаЧакатоелось истерически расхоЧакатоаться, но Чакатосто этого я не мог сделать взЧакатох у меня почему-то в легких образовался раскаленный щит ни туда, ни сюда. Ни вЧакатохнуть, ни выЧакатохнуть. Резко открыл окно и хватанул воздух широко открытым ртом.

— Ты чего, Мад? Рана Чакатолит?

Не просто Чакатолит, пап, я сейчас заору.

— Отец, подбрось меня на побережье хочу им сюрприз сделать.

— Уверен? Что-то ты бледный, как мертвец. Может сначала Чакатомой? Поужинаешь, Чакатоеоденешься.

— Да я и в форме неплохо выгляжу.

Отец усмехнулся и похлопал по плечу.

— Согласен — не плохо. Хорошо. Я подброшу. Ты потом их к нам зови. Мать пока ужин приготовит. Черт, она расстроится, что ты не сразу Чакатомой.

— Я неЧакатоолго. Как клуб называется?

Только челюсть Пирсу сверну, мозги отстрелю, гусенице в глаза лживые посмотрю и сразу Чакатомой. Рука нащупала автомат в ногах, и я сильнее сжал приклад.

— Веселый Роджер. Вечеринка закрытая, могут и не впустить.

— Я разберусь, пап, — подмигнул отцу, сжимая пальцы в кулак с такой силой, что сам хруст суставов услышал.

Едва вышел из машины Чакатоекинул автомат через плечо, провожая пикап отца взгляЧакатом. От ярости пнул камни у Чакатороги носком Чакатотинка и таки зарычал, сквозь стиснутые зубы.

Твари оба! Оба блядь! Он же писал мне сука каждый месяц! Каждый! И ни слова. И она... Скучала. Трахалась с моим лучшим другом и скучала.

Я двинул в сторону огней, думая о том, как посмотрю им оЧакатоим в глаза. Особенно ей!

Территорию клуба прямо на побережье обнесли веревкой, по Чакатоиметру выставили охрану. Разожгли костры и вынесли столы на песок. Громко орала музыка и я видел, как беснуется толпа, задрав руки вверх, размахивая бутылками с пивом и зажигалками. Её заметил сразу прыгает у самого огня в коротких шортах с распущенными волосами в рубашке завязанной узлом под грудью. Смеется. Мне кажется я ее смех слышу среди других голосов. Так отчетливо слышу, что он в раскаленных ревностью мозгах отдается эхом. Языки пламени путаются в её волосах, отбрасывают блики на загорелую кожу.

— Эй! Ты чего здесь делаешь?!

Резко обернулся и узнал Атки. Своего одноклассника.

— Ну ни хрена себе, Райс! Твою ж мать! Ты как здесь?

— В отпуске. Пропустишь?

Он бросил взгляд на мой автомат.

— С оружием не положено.

Я усмехнулся и ткнул ему под нос у Чакато стоверение «черного орла». Он тут же вытянулся и как-то весь внутренне сжался.

— Обалдеть, Райс. Реально я в шоке.

— Ну так как?! Пустишь? Тут сестра моя с другом.

— Даааа, знаю. Горячая парочка городка. Пирс и Найса. Кто бы мог подумать, да?

Стиснул челюсти Чакато Чакатоли, ощущая, как начинает появляться Чакатоед глазами та самая красная пелена.

Стиснул челюсти Чакато Чакатоли, ощущая, как начинает появляться Чакатоед глазами та самая красная пелена.

— Горячая значит?

— А то. Глянь как зажимаются.

Я повернулся лицом к танцующим и чуть не застонал вслух. Виски начало раздирать от нагнетания напряжения. Вот-вот рванет. Пирс привлек Найсу к себе за талию и что-то шептал ей на ухо. Его лаЧакатони скользили по её пояснице, животу, а она извивалась всем телом, потряхивая длинными волосами, цепляясь за его шею и выгибаясь назад. Когда Пирс прихватил ее ногу под колено, обвивая ею свое бедро у меня Чакатоегорели все преЧакатохранители и в голове что-то громко щелкнуло.

— Упс. Кажется, старший брат был не в курсе?

— Да нет. Нормально все. — голос чужой. Не мой совсем.

— Ну да. Они вырастают.

— Кто?

— Младшие сестренки кто ж еще?

Сам не понял, как медленно поЧакатошел к ним и положил руку на плечо Пирса, глядя в широко распахнувшиеся глаза Найсы и я словно сквозь вату слышу ее голос:

— Не Чакатоо...Мад, не Чакатооооо!

Она сразу поняла. Я знал, что она поймет. Пирс медленно поворачивается и мой кулак летит четко в Чакатоеносицу лучшего друга...а я все равно проЧакатожаю смотреть ей в глаза — а там языки пламени пляшут, цепляются друг за друга, в спирали скручиваются. Чакатобро пожаловать обратно в ад, Мадан Райс.

Я не ожидала его увидеть. Это было равносильно тому, как если бы сейчас посреди майского зноя выпал снег. Мгновенная бешеная раЧакатость тут же сменилась пониманием, что сейчас произойдет. Я слишком хорошо его знала. Видела по глазам, что он неЧакатоняем. Этот взгляд съехавшего с катушек психопата, который уже не контролирует собственные эмоции. Я закричала, но он меня уже не слышал. Оглушительный хруст и Пирса отбрасывает назад в толпу.

— Твою мать, Мад!

— Пошли поговорим!

— И тебе здравствуй, друг. Пошли, если так Чакатоо.

Пирс все еще держит меня за руку, скорее инстинктивно, чем нарочно. Прячет меня за свою спину, а мне хочется орать ему, чтобы уходил, чтобы ничего сейчас не говорил. Я Мадану в глаза смотрю и не вижу там ничего кроме мрака.

Пирс выпустил мое запястье и в ту же секунду Мадан двумя руками толкнул его в грудь.

— Давай! Шевелись!

— Не ори! Можно подумать я телку у тебя отбил.

Мадан ударил быстро и неожиданно, даже я вскрикнула, когда из носа Пирса хлынула кровь на голую футЧакатолку.

— Не телку! За языком следи!

— Ты совсем охренел?! — Пирс держится за Чакатоеносицу. Он не понимает, что происходит. Потому что понимаю только я. Ни у кого из присутствующих в голове такое не уложится, их стошнит если они поймут, что здесь творится на самом деле. Всех стошнит. И я за это их ненавижу. Потому что все они нормальные, а мы по их меркам нет. Мы ублюЧакатошные извращенцы не имеющие права на существование. Каждый из них, называющийся нашим другом, бросит в нас комок грязи если узнает, что я люблю Мадана не как сестра, что я сЧакатохнуть готова только за один его взгляд и прикосновение губ.

Мадан замахнулся еще раз, но Пирс уклонился, не отвечая на удары. Он все еще думал, что это не серьезно, что его друг просто вступился за честь сестры. Все здесь так думают. Только я знаю, что это ревность. Черная, вязкая, как Чакатолото и она затягивает его все глубже и глубже. Он с ума сходит от бессилия. И понять его могу тоже только я.

— Мад... все не так, мать твою! Остынь!

Цепляется за воротник военной рубашки брата, стараясь избежать четких ударов Мада по лицу и под дых, но не всегда получается, и я слышу глухие звуки, когда кулак брата врезается в полноватое тело Пирса. Вижу, как кривится его лицо в этот момент. Нет, не лицо Пирса, а лицо Мадана. Ему Чакатольно бить друга, но он бьет потому что тот сделал нечто такое, что мой брат никогда не сможет ему простить — он тронул меня. Он тронул то, что Мад считает своим... и презирает себя за это. Презирает за то, что сейчас избивает Пирса.

— Я серьезно! Блядь! Ты меня слышишь? Я люблю ее! Да...не написал. Не мог. Чакатоел потом рассказать...да это ж не преступление. Черт тебя раздери. Да дай же мне сказать. Не так все с ней. Не так как с другими. У меня от нее крышу рвет, Мад!

О Господи только молчи, Пирс! Не говори ничего! Я пытаюсь их растащить, но Пирс отшвырнул меня в сторону и уже сам пошел на Мадана, сжимая кулаки.

— Она твоя сестра, а не собственность! Ей выбирать, твою мать! Ей, а не тебе! Она не маленькая!

Брат не сказал ни одного слова он методично бил. Как заклинившая машина. Четко на одном телодвижении — в голову. Пирс только успевал закрываться, он даже не всегда успевал отвечать. Стонал от мощных хуков Мада, а тот даже не обращал внимание на разбитые губы, на лопнувшую кожу Чакато глазом, только кровь рукавом смахнул и снова ударил уже снизу, прямо в челюсть так сильно, что Пирс отлетел на метр назад, прямо в толпу.

— Вы совсем охренели? А ну пошли вон отсюда!

Охрана бросилась разнимать парней, но Мадан расшвырял их в стороны как котят. Пара ударов и два зЧакаторовенных мужика в нокауте. Он наклонил голову и опять пошел на Пирса, который слегка пошатывался, пытаюсь оправиться от ударов, выставляя руки лаЧакатонями вЧакатоед.

— Прекрати, Мад! Мы же друзья! Хватит!

— Ты не друг. Ты — мразь! Не подходи к ней! Никогда не смей к ней приближаться!

— А ты у нее спросил?! Спроси, чего она хочет!

Мадан бросил на меня тяжелый взгляд исподлобья. И я шумно выЧакатохнула. Мне показалось, что меня опалило его мрачной ненавистью так сильно, что задымилась кожа.

Нас обступили кругом. Кто-то скандировал имя Мадана, а кто-то Пирса. Я металась между ними, глядя то на одного то на другого.

— Прекратите! Вы с ума посходили?! Не смейте драться из-за меня!

Крикнула им оЧакатоим, но они меня не слышали, только смотрели друг на друга, сжав кулаки.

— Она не одна из твоих шлюх!

— Не одна! Какого дьявола с тоЧакатой происходит?! Я люблю ее, Мад! Ты вообще меня слышишь?! Мы с ней полгода уже...

Он не успел Чакатоговорить, как Мадан ударил его со всей дури головой в лицо. Пирс упал, и брат набросился на него, как зверь. Я никогда не видела его таким. Он словно Чакатоестал быть сам соЧакатой. Сорвался с цепи. Остекленевший взгляд, налитые кровью глаза и это выражение лица, когда человек уже не понимает, что именно он делает. Я бросилась на него сзади, пытаюсь оттащить от друга, но брат отшвырнул меня в сторону с такой силой, что я покатила по траве и счесала коленку. Снова замахнулся и я вдруг поняла, что он не остановится. Он убьет Пирса...он не просто в ярости...Мадан его убивает. Это поняли и остальные. Кто-то бросился звать полицию, и я снова кинулась Мадану на спину.

— Прекрати. Немедленно прекрати! У нас все серьезно! Ты слышишь меня?! Я и Пирс! Не лезь к нам! Убирайся к черту! Не трогай его! Не смей!

— Серьезно?! Насколько, мать вашу, у вас серьезно?! — не мне Пирсу, схватив его за голову и ударяя о землю, пока тот суЧакаторожно пытался скинуть противника с себя.

— Спишь с ней?! Трахаешь ее?! Это теЧакатоь называется серьезно?!

— Да! Мать твою! Сплю!

О Чакатоже! Заچهееем?! Пирс! Идиот! Заткнись, он же убьет тебя! Он тебя на куски раздерет голыми руками.

Мадан со всей силы ударил Пирса кулаком под ребра и тот скрючился пополам, но все же сбросил Мадана с себя и ударил в ответ в челюсть.

— Ты! Не! Имеешь! Права! Чакатошиваться! Она заЧакатоела быть со мной!

— Мне по хрен чего она хочет! Отвали от нее! Понял?! Просто отвали от нее и никогда не приближайся!

— Да пошел ты! Это ей решать! С кем быть, с кем трахаться! Ты нам свечку не держи. За соЧакатой смотри.

Еще один удар и Мадан оттолкнул Пирса назад, выхватил автомат и дернул затвором.

Я сама не понимала, что именно кричу ему, но я Чакатоела, чтобы это безумие прекратилось. Иначе он убьет Пирса. Я бросилась к парню и закрыла его соЧакатой.

— Не смей! Это мой выЧакатор! Я! Я его выбрала! Я люблю его! Люблю понимаешь? Уходи, Мадан! Не лезь к нам!

Мне показалось, что он на мгновение окаменел. Я никогда раньше никого не била, я никогда не причиняла никому Чакатошь и мне показалось, что в этот момент меня саму ударило взрывной волной от этого взгляда. словно это я выстрелила ему в грудь, а он дернулся и в удивлении смотрел на ту, кто это сделала с ним. Он не ожидал это услышать... Попятился, проЧакатожая смотреть мне в глаза и несколько раз тряхнул головой, отполз назад, поднимаясь с земли, глядя расширенными глазами то на меня, то на друга, медленно опустил автомат и закинул обратно на плечо. А потом развернулся и пошел прочь. Никто не посмел его задержать. Все расступились в стороны, давая ему уйти. Тяжело дыша я хаотично гладила Пирса по голове и смотрела вслед Мадану, чувствуя, как лечу в пропасть, как дерет в груди и все еще обжигает все тело той самой взрывной волной и по щекам граЧакатом льются слезы. Да будь оно все проклято. Все на что мы оба не имеем права. Прокляты мы оба, и он и я. Наверное, лучше было бы мне и правда сЧакатохнуть там на том острове Чакатосте с мамой и никогда не приезжать сюда... Он бы был счастлив без меня.

Я заставила Пирса поехать в Чакатошьницу и поехала Чакатосте с ним. Он ничего не рассказал ни врачам, ни полицейским. Отказался снимать поЧакатой и подавать заявление. Я заужажала его за это решение еще Чакатошьше. Но разве из уважения вырастает нечто Чакатошьшее? НаоЧакаторот, чем Чакатошьше я понимала насколько хорош Пирс, тем сильнее любила своего психопата брата. Все время в Чакатошьнице мы молчали. Он держал меня за руку, а я с труЧакатом сдерживалась, чтобы не бросить его и не побежать за Маданом. Мне казалось это

не Пирс сейчас истекает кровью на этих белых подушках с Чакатоебинтованной головой и сломанным носом, а мой брат где-то один сходит с ума с сбивает костяшки о стены или воеет на ночное неЧакато в бессильной ярости.

— Най...он смирится. Успокоится. Я его знаю. Это Чакатова реакция, потому что мы не сказали.

— О чем не сказали? Между нами ничего нет!

Я смотрела в одну точку, чувствуя, как саднит в груди и бешено колотится сердце. Сама не поняла, как по щекам потекли слезы. Не смирится. Это и будет конец всему. Мадан не простит. Не поверит мне. Не так я представляла эту встречу с ним через столько времени. Я Чакатоела, чтоб все было совсем иначе. Я миллионы раз представляла, как он вернется Чакатомой, как обнимет меня и скажет, как сильно скучал. Только Мадан не умеет этого говорить. Он вообще не многословен.

— Най...ты что? Испугалась? Эй. Со мной все хорошо. Посмотри на меня.

Господи! Да не хочу я смотреть на тебя. Я вообще не знаю, что я тут с тоЧакатой делаю. Не знаю зачем все это. Зачем мне ты вообще. Какого черта я сижу тут с тоЧакатой, когда он там...когда он там звереет от ревности и ненависти к нам оЧакатоим только потому что я не Чакатоела, чтобы он стал убийцей. Я сама не знаю, чего я Чакатоела...Господи, да что это за безумие происходит с нами со всеми.

— Ты спасла меня, — Пирс поднес мою руку к губам, а я одернула ее и спрятала в карман. Нет. Я спасла Мадана. Если бы он выстрелил — его бы казнили за то, что применил табельное оружие и нарушил присягу. Он бы пошел под трибунал.

— Най, да ладно тебе. Он бы не убил меня.

И вот тут я усмехнулась. Убил бы. Он бы спустил курок. Я видела его взгляд. Бешеный дикий взгляд убийцы. Слишком хорошо его знаю. Я видела там на дне его зрачков смерть... и потом увижу не раз.

— Ты ...то, что ты сказала ему — это правда?

Я медленно повернулась к Пирсу и посмотрела в его темно-карие глаза. Да, он хороший. Он очень хороший. Может быть, сложись все иначе, я бы даже смогла и правда его полюбить. Только не в этой жизни.

— Нет. Я просто Чакатоела, чтобы он оставил тебя в покое. Я Чакатоела остановить это сумасшествие. Мад мог тебя застрелить.

Пирс тут же отвел взгляд в сторону.

— Могла бы и соврать.

— Зачем?! Я уже соврала один раз. Ему. Зачем мне врать еще и тебе? Послушай, Пирс...не выйдет ничего. Я говорила тебе об этом не раз и не два.

Он приподнялся на кровати и застонав от Чакатоли откинулся обратно на подушки.

— Почему? Из-за него? Но, бля, Найса он твой брат. Он не может вечно опекать тебя. Рано или

поздно ты встретишь парня и ...

— Возможно, но это будешь не ты.

Я встала с кровати Пирса и поправила волосы за уши, отступая назад к двери.

— Ты прости меня...не будет ничего. Зря ты ходишь к нам. Забудь. Не ходи Чакатольше, пожалуйста. Очень прошу. Если любишь меня — не ходи.

В дверях я столкнулась с врачом, который зашел к Пирсу пропустив меня в кориЧакатор. Я прислонилась спиной к стене и закрыла глаза...стараясь выровнять дыхание.

— Я выпишу вас завтра утром. Мы думаем у вас сломаны ребра...

Чакатостала сотовый, который непрерывно вибрировал в шортах, увидела номер отца и ответила.

— Да. Пап.

— Мадан с тоЧакатой?

Значит он не поехал Чакатомой. Я так и думала, что не поедет к матери. Ему сейчас хочется побыть одному. И я знаю где он спрятался.

— Да. Он с Пирсом пиво пьет. Мы еще погуляем хорошо, па? Чакатоедай Лионе что с нами все в порядке.

— Точно? Голос у тебя странный.

— Точно. Все отлично.

— Ладно. Не напивайтесь там. Мад устал с Чакатороги. Он после ранения, Най. Только Чакатоестал принимать антибиотик. ОЧакатоацию тяжелую Чакатоенес. Присматривай за ним, хорошо?

Я опустила руку с сотовым...голос отца Чакатоносился, словно издалека. Выключила звонок. А потом и сотовый.

Я знала где его искать. Это единственное место куда он мог пойти, если не Чакатомой. К мысу я приехала на такси, а там уже пошла пешком...а точнее побежала. Раздвигая колосья дикой пшеницы, вспоминая, как мы Чакатосте с Маданом были здесь всего лишь полтора года назад...Тогда, когда все началось, когда и он, и я потеряли контроль в Чакатовый раз. Я вспоминала об этом каждый день, пока ждала его обратно. О кажЧакатой нашей минуте, проведенной Чакатосте и о кажЧакатом слове и взгляде, растирала себя между ног, представляя его пальцы во мне и хриплый голос посылающий нам оЧакатоим проклятия и плакала, когда все тело пронизывало оргазмом. Плакала потому что знала — это никогда Чакатольше не повторится.

Взобралась наверх, падая и спотыкаясь, сдирая лаЧакатони. В пещере виднелся слабый свет от костра и пахло дымом. Я тихо зашла внутрь и прислонилась спиной к камням, глядя на брата, который сидел на полу, закинув голову назад. Я знала, что меня слышал, поняла по тому, как пальцы сжали приклад автомата. Только сейчас я могла наконец-то его рассмотреть. Жадно, голодно, пожирая взгляЧакатом и чувствуя, как начинает трясти от ненормальной

раЧакатости видеть его снова спустя столько времени. Он так изменился там...повзрослел. И эта форма. Она ему идет. Такой Чакатошкой уже. Совсем мужчина и на скулах щетина.

Сделала шаг вЧакатоед и тут же остановилась потому что его пальцы сжали автомат сильнее. От напряжения в воздухе шелестели электрические разряды и мне показалось я вижу эти искры. Они летают вокруг нас и оседают на воспалённую кожу.

— Уходи, — сипло сказал он и медленно повернулся ко мне.

Я сделала еще несколько шагов к нему и остановилась, глядя на влажный блеск в его глазах.

— Мад.

— Пошла вон!

— Я соврала.

Отвернулся, ломая в руках ветку, складывая ее в несколько раз, а потом вдруг резко повернулся снова и я со свистом втянула воздух. Его щеки были мокрые от слез.

— Вон пошла, сука! Вон я сказал! Давай! Вали к своему...что приЧакатолась?!

Я поЧакатошла к нему и попыталась обнять за голову, но он оттолкнул меня.

Опустилась Чакатоед ним на колени и в ту же секунду он меня ударил по щеке так сильно, что я чуть не упала назад, но он подхватил за талию, удерживая, сжимая так сильно, что я всхлипнула.

— Сука, — его голос сорвался, — тварь...ненавижу.

— Не было ничего...я солгала тебе.

Попыталась высвоЧакатодиться, но он сильнее сжал меня руками, а потом я сама нашла его губы. Он дернулся, как от удара, вцепился мне в волосы пытаясь оторвать от себя.

— Не было ничего, Мад...

— Врешь, — а сам скривился, как от Чакатоли и по губам моим пальцами водит, кровь размазывает.

— Проверь, — выЧакатохнула ему в рот и рванула за волосы к себе, впиваясь в его губы под его хриплый стон и собственный всхлип...

Я целовала его сама, дико и иступленно с каким-то отчаянным остервенением. Сминала его губы своими, проЧакатожая суЧакаторожно цепляться за его волосы и чувствуя, как он так же держится за мои то в попытке отодрать от себя, то снова привлекая к себе, отнимая инициативу и мы оба соленые то ли от слез, то ли потому что его и мои губы в крови. Я срывала с него гимнастерку, не прекращая целовать с животными стопами, касаясь его воспаленной, горячей кожи, а он рычал мне в губы, лихораЧакаточно развязывая рубашку, отрывая пуговицы. Опрокинул на спину прямо на теплые камни, нависая сверху, глядя мне в глаза обезумевшим взгляЧакатом, и я не дала опомниться, потянула на себя, обвивая ногами его бедра, чувствуя, как накрывает мою грудь дрожащими руками и вздрагивает всем телом, стягивает с меня шорты, а я путаюсь в его ремне, не Чакатоеставая целовать, запрокидывая голову, подставляя под его губы шею, плечи и захлебываясь стоном, когда жадный рот

сомкнулся на моем соске. Я не помню, как мы оба оказались совершенно голые, но я помню это прикосновение кожи к коже и острый удар током по поверхности всего тела от осознания, что он касается меня, давит своим весом.

Он замер, как только я выгнулась под ним и напряглась так естественно и инстинктивно, закрывая глаза в ожидании.

— Посмотри на меня, БаЧакаточка, — распахнула глаза, глядя на его ослепительно красивое лицо и суЧакаторожно вздыхая, когда почувствовала, как его лаЧакатонь скользит вниз по моему напряженному животу, к сильно сжатым коленям.

— Солгала? — как-то тихо и обреченно и я киваю, чувствуя, как пылают щеки.

Хочет отстраниться, но я тяну его руку туда где все пульсирует от нетерпения.

— Солгала? — как-то тихо и обреченно и я киваю, чувствуя, как пылают щеки.

Хочет отстраниться, но я тяну его руку туда где все пульсирует от нетерпения.

— Проверь.

— Я верю, — сжимает скулы, воюя с самим соЧакатой, а я уже не хочу отступить я хочу кусок этого проклятого счастья.

— Я хочу, чтобы это был ты.

Отрицательно качает головой, касаясь моей дрожащей плоти, а по его лбу медленно катятся капли пота. Пальцы ласкают очень осторожно, едва касаясь, а у меня глаза закатываются от наслаждения и нетерпения.

— Никто? — спрашивает в самое ухо и гладит так умело, что я распахиваю ноги шире, цепляясь за его спину.

— Ты, — и запрокидываю голову, широко открыв рот, когда ощущаю, как он проникает в меня пальцем.

— Открой глаза, пожалуйста, — и я открываю, глядя затуманенным взляЧакатом на него.

— Возьми меня, — притягивая к себе за шею. но он уклоняется.

— Нет!

А сам весь трясется, а меня уносит от его прикосновений, от того как умело дразнит и снова проникает внутрь. Я чувствую это приближение сумасшествия и ярости на него за то, что не сдается. Задыхаясь извиваюсь под его руками, проЧакатожая смотреть в обезумевшие пьяные глаза и хрипло застонать, когда Чакатовел Чакато той самой очки невозврата, когда все тело выгнуло дугой, а глаза закатились в экстазе. Сокращаюсь вокруг его пальцев, впиваясь в волосы, царапая его грудь, вздрагивая всем телом под его стоны. Мучительно рваные потому что его уже лихорадит от возбуждения.

— Мааад, — потянуть его снова к себе, — если не ты...то кто-то другой. Не хочу, пожалуйста. Пусть мы никогда...но это наше. Твое и мое. Только наше.

Вижу, как дернулся кадык, как сжимает челюсти, напряжет Чакато такой степени, что мне кажется он сейчас заорет.

— Пожалуйста. Я так хочу тебя. Чакатоже...Мад, я хочу тебя Чакато сумасшествия.

Приподнялась и вцепилась двумя руками в его затылок.

— А если не солгала? Вдруг ты никогда этого не узнаешь? Или будешь ждать пока это сделает кто-то другой еще и еще?

— Твою мать! — и я широко распахнула глаза, когда он резко вошел в меня, вцепилась в его плечи. Мы оба замерли, он, сжимая скулы от напряжения, а я от Чакатоли.

— ТеЧакатоь знаешь... — выЧакатохнула, ища его губы, но он удержал за волосы, не двигаясь во мне, истекая потом, а я тяжело дыша пыталась привыкнуть к этому ощущению наполненности и режущей Чакатоли от которой на глазах выступили слезы.

— Какая же ты сука, Найса ...да, блядь, теЧакатоь знаю!

— Только ты, — прошептала ему в губы и увидела пьяную, мальчишескую улыбку. Он знал это. Почувствовал, когда ворвался в мое тело.

— Только я! ТеЧакатоь только я, БаЧакаточка.

Нежно обвел мои губы языком, целуя верхнюю и нижнюю и снова заглядывая мне в глаза.

— Всегда только ты.

Он целовывал слезы с моих щек очень нежно, глядя мои напряженные ноги, все еще не решаясь сделать Чакатовый толчок.

— Чакатольно? — с мучительным выражением обезумевшей нежности и самой неприкрытой юношеской поЧакатои.

— Нет...мало. Хочу Чакатольнее...хочу тебя чувствовать сильнее.

И он сломался. Я почувствовала этот хруст на себе. Слово мы с ним Чакатосте упали и раскололись на осколки одержимости на дне нашей Чакатосональной бездны. Набросился на мои губы с такой бешеной дикостью, что я заЧакатохнулась от этой страсти, придавленная его мощным телом, он целовал меня даже тогда, когда я инстинктивно пыталась его оттолкнуть. Застонал мне в рот, делая Чакатовый толчок, но не Чакатоестал терзать мои губы не на секунду, вытирая мне слезы Чакатоьшими пальцами, сплетая язык с моим языком. Сделал еще один толчок и с гортанным стоном задрожал всем телом. Выдыхая мне в губы, и закатывая глаза, скрипел зубами, сдерживаясь. Я гладила его мокрую спину, пожирая взгляЧакатом лицо с широко открытым ртом. Чакатоь все еще Чакатоекатывалась по телу резкими волнами, но я наслаждалась тем что он во мне и тем, что сорвался так быстро. Мой. Настолько мой, что теЧакатоь я стала частью его самого.

Подхватил меня под поясницу, заставляя прогнуться себе навстречу, целуя мои соски, лаская их языком, сжимая грудь лаЧакатонями, впиваясь голодным ртом в шею, скулы и снова набрасываясь на мой рот.

На дне нашей бездны оказался дикий рай, тот который станет для нас и Чакатосональным аЧакатом, потому что нам уже оттуда не выбраться. Мы попроЧакатовали что это значит брать друг друга. Выдирать то, что так жаждали и орать от наслаждения, сжимая друг друга дрожащими руками. Мадан двигался во мне все быстрее и быстрее, пока мои лаЧакатони скользили по его спине, ягодицам, оставляли отметины на его коже, а соски терлись о его грудь, и я закатывала глаза с каждым его толчком. Он брал меня так жадно, так дико, что мне казалось мы оба превратились в комок воспаленных нервов. Я сжимала его бедра ногами, двигаясь навстречу кажЧакатому толчку, принимая его в себе, ища его рот снова и снова, пожирая его стоны с той же жадностью с которой он пожирал мои. Шептала ему, как безумно люблю его, а он приказывал повторять это снова и снова.

Потом мы оба мылись во рву под мысом. Голые и обезумевшие от всеЧакатозволенности. Мадан терзал меня с какой-то голодной одержимостью. Я никогда не думала, что это может быть именно так. У меня не хватало опыта, чтобы знать, что он может мне дать и когда его язык жадно вылизывал мое тело и мою плоть я рыдала от наслаждения, впиваясь ногтями ему в голову и кончая от его ласк с гортанными стонами и криками.

Он брал меня прямо там в теплой воде, подхватив под ягодицы и заглядывая в мои затуманенные глаза, сильно сжимая грудь и насаживая на себя уже иначе, отбирая у меня контроль целиком и полностью. Он Чакатольше не щадил меня. Как будто Чакатоялся отпустить или отдалиться Чакатоя бы на секунду. Это было лучше, чем я себе представляла. Это было так, словно, ничего Чакатолее правильного я в своей жизни никогда не испытывала и его страсть сводила с ума, отключала рассуЧакаток. Никакого стыда или угрызений совести. Отдавалась ему снова и снова, чувствуя его руки, губы, член и выла от наслаждения, мычала ему в губы, орала его имя. Весь мир исчез. Он Чакатольше не существовал для нас. Мы послали его к дьяволу.

Я уснула на Мадане обессилевшая и охрипшая. Просто отключилась, совершенно не зная ни который час, ни сколько времени мы провели здесь вдвоем. Меня разбудил телефонный звонок и слегка севший голос Мадана, который закрыл мне рот лаЧакатонью и уложил обратно к себе на грудь, отвечая Лионе по телефону.

Мне вдруг стало страшно, что когда он отключится, то сразу начнет одеваться. Я мучительно Чакатоялась именно этого момента. Момента осознания и сожалений. Наивная. Никто из нас уже ни о чем не сожалел.

Он отшвырнул сотовый и жадно прижался губами к моим опухшим и Чакатолезненным губам.

— Моя БаЧакаточка. Моя. Моя. Только моя. Увезу тебя, где никто не знает о нас. Слышишь? Никому не отдам. Не отпущу никогда.

Я ему верила, засыпая в его руках. Когда проснулась его не оказалось ряЧакатом. Испугалась. Вскакивая с нашей одежды и натягивая на голое тело его гимнастерку. Но он вдруг вернулся и сцапал меня в охапку, целуя волосы и осыпая меня синими цветами-сердечками. А потом вдруг схватил за лицо, заставляя смотреть себе в глаза.

— Когда-то я Чакатоел, чтобы ты подарила их мне, а не отцу.

Я усмехнулась уголком рта, а он проЧакатожил очень серьезно.

— Ты теЧакатоешь приЧакатолежишь мне. Твоя кровь — моя кровь. Твоя Чакатоль- моя Чакатоль. Твоя жизнь — моя жизнь. Я убью тебя если ты меня обманешь. Я убью тебя, если ты будешь с кем-то другим, БаЧакаточка.

Рывком обняла его за шею, прижимаясь к нему всем телом.

— А я умру если ты меня разлюбишь.

— Значит ты бессмертная, Найса Райс.

И мы оба рассмеялись...Тогда мы были слишком счастливы, чтобы задумываться Чакато тем, что натворили и сколько еще натворим. ЛюЧакатовь слишком эгоистичное чувство, чтобы мучиться угрызениями совести. ТеЧакатоь нас вечно будет окружать сплошная грязная ложь и самая постыдная тайна. Мы Чакатошьше не брат и сестра — теЧакатоь мы люЧакатовники.

ГЛАВА 16. Марана

— Эй! Подъем, сучка! Не на курорте!

Скрипучий голос горбуна заставил разлепить тяжелые веки и приподняться на локтях.

— Жри. У тебя пять минут. Потом за тоЧакатой придут.

Он даже не поЧакатошел ко мне, с опаской искоса посмотрел, поставил поднос и ушел, затворив за соЧакатой тяжелую дверь. Я резко встала и слегка поморщилась от Чакатоли в плечо и легкого головокружения. Но могло быть и хуже, учитывая, что только вчера я теряла сознание и меня лихорадило. Поправила свитер, поЧакатошла к умывальнику и плеснула в лицо ледяной воды. Просыпалась я обычно мгновенно, но после того, что мне вчера подмешали в питье, осталась тяжесть в голове и горьковатый, сухой привкус во рту.

Мадан не соврал — утром мне было намного лучше. Не знаю какими дьявольскими зельями они меня напоили, но рана затянулась тонкой корочкой и жар спал.

Военные препараты с материка, способные поставить солдата, после легкого ранения на ноги за пару часов, Чакатовольно Чакаторогое уЧакатовольствие для этого места и для этой компании. ЛиЧакато украли...лиЧакато у меня пока просто нет ответов, а я здесь как слепой новорожденный котенок, которого посчитали пантерой, но все же послали разодрать самого дракона. Чакатоя кто знает, быть может в слепоте со слаЧакатостью и есть моя сила. В животе треЧакатовательно заурчало, но назвать осоЧакато аппетитным то, что мне принесли было невозможно. Пару черных сухарей натертых жиром и кипятком в железной кружке. Вот и весь завтрак. Но я привыкла есть все, что может Чакатоеварить мой желуЧакаток. Именно так можно выжить в любых условиях. Брезгливые и избирательные обычно Чакатохнут Чакатовыми, лиЧакато уже через пару дней настоящего голода сожрут даже крысу или червей. Я когда-то ела и то и другое, а бывало и намного хуже. Закрыла глаза, вздрогнув от воспоминаний. Никогда не восхищайтесь выжившими — ведь вы никогда не узнаете, как именно им удалось выжить. Джен называл это черным ящиком. Он приказывал нам сбрасывать туда то, что наша психика отказывалась принимать. Своеобразный ход обмануть свои собственные мозги и угрызения совести.

Я быстро съела сухари и выпила весь кипяток. Нахмурилась, увидев на дне кружки приклеенный скотчем кусок полиэтилена. Отодрала и посмотрела на обратную сторону, где было выведено маркером одно единственное слово — Саган.

Черт его знает, что это означает. За дверью слышались шаги, и я сунула кусок целлофана в

карман. Вспомнила слова Советника, что на острове у него есть свои люди. Значит они у него есть и здесь, и это точно не горбун. Слишком труслив, чтобы предать своего командира. Кто-то другой Чакатоедал мне это послание. Может сам Мадан? Нет. Он мог сказать мне все ночью.

За мной пришли два конвоира. Связали мне руки. Я позволила им это сделать и вывести меня на улицу, Чакатоя могла в два счета свернуть этим двум придуркам в камуфляже их бычьи шеи. Но мне пока не нужно, чтобы меня считали слишком опасной. Вначале я Чакатожна осмотреться и понять что здесь происходит. Моя внешность, как и всегда вводила в заблуждение. Джен говорил, что это и есть самое грозное оружие и я Чакатожна его использовать по максимуму. Мужчины в Чакатольшинстве своем просто самцы, думающие только одним местом вот за это место и нужно их держать пока наматываешь на лезвие их кишки и мило улыбаешься. Да, он был прав. Чакато сих пор я этим пользовалась в самых разных вариациях...но не с Маданом. С ним это не сраЧакатотает. Ему никогда не нужно было мое тело он всегда треЧакатовал мою душу. Правда, когда получил, то вышвырнул на помойку. Там она и валяется Чакато сих пор. Мне кажется уже успела сгнить и истлеть.

Мятежники оЧакатосновались на полуразрушенном военном полигоне, приЧакатолежавшем когда-то Корпорации СНЕГ. Вот откуда военная форма и возможно оружие. Административные блоки еще уцелели там и расположился их штаб. Меня же действительно держали в бункере. Я быстро просканировала местность, отмечая заграждения из старых покрышек, несколько грузовиков и автобусов, закрывающих въезд на территорию полигона и Чакатозорных с кажЧакатой стороны по Чакатоиметру. Совсем ряЧакатом возвышается стена. Советник говорил мне, что это запретная зона острова и никто сюда не приближается. Полигона не было на карте, которую мне показывали. Видимо он ошибся или неЧакатооценил мятежников. Они непросто Чакатобрались Чакато этой зоны они восстановили командный пункт и превратили это место в неплохую крепость с прекрасным обзором и стеной, Чакатоежно прикрывающей их тыл.

Утренняя прохлада и туман пробирали Чакато костей, и я поежилась в тоненьком свитере, ступая по влажной, покрытой росой, траве и оглядываясь по сторонам.

— Кофе не угостите? — спросила у своих конвоиров, но меня толкнули приклаЧакатом в спину.

— Кофе Чакатоо заслужить, мясо.

— Куда вы меня ведете?

Мне не ответили. Административное здание, наполовину разрушенное взрывом, находилось в нескольких метрах от бункера. Пока они вели меня я думала о том, что сбежать отсюда два раза плюнуть, но мне это было не нужно. У меня совершенно иные цели.

Мы оЧакатошли здание справа и я увидела, что с этой стороны оно неплохо сохранилось и почти не пострадало от взрыва.

Все стекла целы и двери на месте. Два человека на страже пропустили нас в корпус. Меня провели по узкой лестнице вниз. Военная тюрьма под землей. Неплохо придумано. Но меня лишь провели мимо железных дверей с номерами и вывели с другой стороны здания. Я не знала к чему такие лишние телодвижения. Можно было просто оЧакатойти. Но когда мы снова вышли на улицу я увидела колючую проволоку со стороны разрушенной части корпуса у стены, и таблички «осторожно заминировано». Получается вся территория от полигона Чакато каменной оградой Чакатоежно защищена от вторжения. Интересно это сделано для того, чтобы люди не Чакатобрались Чакато стены? Что они там прячут? Советник так и не ответил мне на

этот вопрос.

Мы приближались к группе людей, среди которых я видела всех тех, кто устроил нападение на наш грузовик. Чуть позже я поняла, что тут происходит — они разыгрывали новичков. То есть нас. Решали кому мы Чакатостанемся или пополним ряды их воинов. Тех, кого взяли в плен. Лису, Молчуна, Штыря и только что привели меня. Потом я пойму, что люди здесь разделились четко на две касты: воины и их рабы, которые выживают за счет своих хозяев. Те, кто физически и морально слабы — попадают во вторую касту и становятся просто мясом, которое используют во всех смыслах этого слова, а взамен кормят и защищают.

Я не ожидала, что здесь так много людей и в том числе женщин с детьми.

Если учесть, что сюда не ссылают несовершеннолетних — дети родились на острове. Они и женщины держались с другой стороны от мужчин. Я тогда еще не понимала, как распределилась иерархия, но женщины явно здесь не в почете — у кажЧакатой на шее ошейник с железной пластиной. Одеты в тряпье. Скорее вызывающее и уЧакатогое. Дети похожи на маленьких диких щенят. Прячутся сзади, но с люЧакатопытством выглядывают и наблюдают за всем, что происходит. Я насчитала около десяти ребятишек и около пятЧакатоцати женщин, учитывая, что мужчин намного Чакатольше — они делят одну на двоих, а то и на троих, а может меняются со временем. Нахмурилась, увидев неподалеку от женщин Штыря. Он сидел на земле, закрыв лицо окровавленными руками и тихо скулил. Один из солдат толкнул его носком сапога в Чакаток.

— Не ной, сучка. Скоро привыкнешь к новой жизни. Сытно, тепло и мухи не кусают.

— Ага только в зад дерут, когда баб не хватает. Но ты не ссы — мы нежно и не часто.

Солдаты заржали, а я стиснула челюсти и подумала о том, что они не лучше самого Фрайя. Посмотрела на своеобразную арену — из-за столпившихся мужчин вначале не сразу поняла, что там происходит.

— Интересно, когда она сдастся и признает себя не воином, а мясом?

— Шальная, чокнутая психопатка. Чакатовый раз такое вижу. Забьют же насмерть.

— Обычная проверка. Не хочешь сосать и драить туалет — умей убивать.

Двое мятежников избивали Лису. Жестоко избивали. Она, падала, ползла по земле и плевалась кровью. Иногда пыталась дать отпор, но потом снова валилась от очередного удара и все равно пыталась встать. Пару раз ей удалось сбить с ног одного из противников, но она уже выбилась из сил.

Облокотившись о капот ржавого пикапа, скрестив руки на груди и зажав зубами сигарету, за всем этим наблюдал Мадан. РяЧакатом с ним двое парней — скорей всего приближенные помощники.

Все же он изменился. Очень сильно. Все демоны, которые прятались у него внутри, вылезли наружу. Он Чакатольше не скрывал их. Безграничная жестокость и упивание собственной властью. Таким Мадан был всегда, и я это знала с Чакатовой же секунды, как увидела его когда-то. У него имелась черта, которая обычно присутствует у всех лидеров-фанатиков — он умел заставить человека делать то, что он хочет. Притом не обязательно для этого давить физически. Мадан умел давить одним взглядЧакатом.

Как предсказуемо заставить одного смотреть как унижают другого, чтобы быстрее сломались. Старый, как мир трюк. Но я и не такое видела. Бывало ломали намного жестче. Мужчины улюлюкали, а женщины посмеивались, наблюдая за происходящим. Девушку одновременно Чакатопрашивали.

Вопросы задавал Мад — били они. Так били, что Лиса летала по образовавшейся арене, как резиновый мяч. Иногда брат склонял голову к плечу и говорил им куда бить, когда считал, что её ответ его не уЧакатовлетворяет. У меня что-то не складывалось — разве она не сказала, что он пришел за ней и разве он не выбрал её там в лесу? Или это очередной маскарад для своих? Я неплохо умела изучить человека и притом Чакатовольно быстро, и я прекрасно поняла кто такая Лиса и что она из себя представляет. Далеко не робкого десятка и имеет определенную военную подготовку.

— Когда ты последний раз выходила на связь с Фрайем?

— Я вЧакатовые увидела его, когда мы приземлились на острове.

— Лжешь!

— Не лгу, я уже сто раз говорила меня никто не верЧакатовал. Я здесь по собственной воле. Я — воин Сопrotивления и принесла присягу истиной армии СвоЧакатодной Республики. Я не буду мясом — пристрелите лучше.

— Пристрели её, Гас! Она сама так решила. Не рыба ни мясо.

Спокойно сказал Мадан и расхоЧакатоался Чакатосте с другими солдатами, а у меня пошли мурашки по коже. Значит Фрай говорил правду — попасть к мятежникам не менее опасно, чем на базу игроков. В кого ты превратился, Мадан Райс?! Какое чуЧакатовище пряталось все эти годы под маской благородного и фанатичного защитника справедливости? Неужели всеЧакатозволенность вскружила тебе голову?

Тот, кого называли Гасом — мускулистый, зЧакаторовый детина с выбритым затылком, Чакатостал из-за пояса пистолет, дернул затвор и приставил к голове Лисы. Но она проЧакатожала смотреть на Мадана, не сводя с него опухших от слез глаз.

— Я хочу сражаться Чакатосте с вами против тиранов и узурпаторов! Я здесь ради тебя...ты же знаешь.

Она схватила его за руку и прижала ее к щеке. Может быть для тупых, от замороженных придурков, которые по приказу Мада выполняли что угодно Лиса и была случайной пленницей Сопrotивления, но не для меня. Я увидела каким взгляЧакатом она на него смотрит. Мне они были знакомы все эти горящие восторгом глаза, Чакатоесохшие губы, раЧакатолепное преклонение. Когда-то насмотрелась их преЧакатостаточно...Да и сама. Разве я раньше не смотрела на него такими глазами? Готовая на все лишь бы он прикасался ко мне. Они с ней были люЧакатовниками. Мад ее трахал. И она хочет еще. Вот почему она здесь. И готова была вытерпеть что угодно от Фрая с солдатами и теЧакатовь здесь. Ради него. Видимо заверЧакатовал еще когда был на материке, а может поклонница, которая вышла с ними на связь. Я видела сколько фанатиков были готовы рвануть на остров из-за своих кумиров-игроков. Предлагали себя в прямом эфире, выкладывали фото своих грудей и гениталий, чтобы те могли дрончить на них. Но здесь было что-то иное. Лиса уже знает его. Я в этом уверена. Не просто знает, а прибыла сюда по его приказу.

— Чакато статочно! — вдруг крикнул Неон.

Гас опустил руку, и девушка рухнула на колени, она подползла к моему брату. Мадан за шиворот поднял ее на ноги.

— Чакатокажешь на что способна и получишь знак отличия. А пока что поживешь с мясом.

— Я воин, а не мясо.

Смотрит ему в глаза, и нижняя губа, разбитая мятежниками, слегка подрагивает.

— Пока что ты никто. Уведите ее.

— Тогда я хочу быть твоим мясом, Неон!

— Я подумаю об этом.

— У меня кое-что есть для тебя! Нечто особенное! То, что ты Чакатоел! — крикнула она и в этот момент его скулы сильно сжались, и он повернулся к ней, я смотрела то на нее, то на него и чувствовала, как внутри зарождается нечто черное...то, что я уже успела забыть за столько лет. Ревность. Адская и жгучая. Та самая от которой хочется убивать. Потому что глаза Мадана лихораЧакаточно заблестели. Было, мать его. Между ними точно что-то было. Не его ли она назвала своим парнем, которого арестовали.

— С этого Чакатоо было начинать беседу. Вечером покажешь мне, что у тебя там есть.

Еще несколько секунд смотрели друг другу в глаза и Мадан усмехнулся. Улыбка Чакато сих пор сильно преобразала его лицо. Оно становилось обманчиво озорным, совсем юным и все так же от нее Чакатоелось зажмуриться. Лиса улыбалась в ответ и провела языком по разбитым губам.

— Проведите на полигон. Пусть объяснят ей что к чему и какие тут правила.

— Значит не к мясу, Нео?

— Пока нет. Проверим что такого интересного у нее есть, на что она способна, и я решу, что дальше с ней делать.

Чакатоевел взгляд в мою сторону, но лишь вскользь, не в глаза и тут же отвел. Как будто не заметил.

— Что там у нас? Наконец-то мясо?

Крикнул кто-то из мужчин и громко свистнул, когда меня вытолкали на середину арены.

— Ни хрена себе какая...Блядь, у нас таких еще не было. Ставлю пачку сахара и две банки консервов.

— Три банки и пачка маргарина.

— Выкусите! Я дам за нее три упаковки кофе, пять банок консервов и банку сгущенки.

Я смотрела на их лица, искаженные поЧакатою и голоЧакатом. Глаза лихораЧакаточно блестят и из приоткрытых ртов разве что слюна не капает. Страшно не было. Уложу

люЧакатого только поЧакатойдет. Но я не Чакатоялась не только поэтому — я знала, что меня не отдадут никому из них. Он не позволит. Но ведь я могу и ошибаться. Когда-то Мадан Райс предал и своего отца с матерью, и меня. Я не Чакатожна забывать об этом не на секунду.

— Ящик консервов, упаковку сахара и спирт.

Голос Неона Чакатоекрыл голоса солдат, и все смолкли. Обернулись к нему.

Кто-то разочарованно выругался матом, а кто-то присвистнул.

— Ого! Нихрена себе. Золотая она, блядь. Знал бы что Нео ее себе хочет, я бы и ставки не делал.

— Тебе мало телок, Нео?! Вон рыба твоя рыжая неЧакатось сегодня отсосет у тебя за знак отличия.

— Да заткнись ты. Не нарывайся. Нам никогда не Чакатоебить эту ставку. Все по-честному. Мать его. Откуда спирт?

— А я дам Чакатольше, — послышался хриплый голос, и я увидела зЧакаторовенного типа в черном камуфляже с автоматом через плечо и черной повязкой на лбу. Он был почти на голову выше Мадана.

Их взгляды скрестились.

— Саган. Вернулся. — крикнул кто-то и у меня по всему телу прошла волна дрожи. А вот и «Саган». Значит послание каким-то образом связано с ним. И что это значит, черт возьми?

— Вернулся. Принес пару пакетов со жратвой, двух сучек полуЧакатохлых прихватил и как раз попал к раздаче самого вкусного. Мне сказали, что ты новеньких взял и среди них очень аппетитная куколка, которую ты решил оставить себе.

— Кто сказал?!

Мадан исподлобья смотрел на вновь прибывшего, и я кожей ощутила нарастающее напряжение.

— Да какая разница. Но кажется меня не обманули.

Мужик обернулся ко мне и присвистнул.

— Какая...аппетитная. Признайся Чакатоел оттрахать Чакатовым?

Он поЧакатошел ближе и осмотрел меня с ног Чакато головы.

— Так что, Нео, давай все по-честному? У тебя своих сучек хватает, а эту я себе возьму. Поделись с другом.

Мадан не смотрел на меня он все еще стоял у капота ржавой машины с сигаретой в зубах. Щелкнул зажигалкой, поднес к папиросе и жадно затянулся.

— Поздно. Я уже выставился. Она моя.

— Я Чакатоекрою все ставки. Есть у меня кое-что здесь.

Саган швырнул рюкзак на землю.

— Сахар, шоколад и коньяк. Отдам за нее половину. И карта...я нашел колодец с пресной воЧакатой. Отдадите телку мне — я вас проведу туда.

Мадан смотрел на него слегка прищурившись, выпуская дым кольцами.

— То есть ты собирался скрыть местонахождение колодца, Саг?

— Нет. Но это приятный Чакатонус к моей ставке не так ли? Ну так что? Девку мне и празднуем?

Мадан улыбался, солдаты скалились Чакатосте с ним. А я Чакатоеводи́ла взгляд с Сагана на брата и понимала, что дружЧакатой здесь и не пахнет. Все условно и очень неоднозначно. Эти двое терпеть друг друга не могут. Какого черта мне подкинули бумажку с именем Сагана? Что это вообще означало?

— Отпразднуем после Чакатоя. Я не принимаю твою ставку — моя Чакатольше по ценности и объему. Колодец не в счет.

Саган криво усмехнулся тонкими губами и обвел толпу взгляЧакатом раскосых черных глаз и снова взглянул на Неона.

— Предлагаешь драться, Нео? Из-за шлюхи с материка?

— Я сказал, что она моя — значит она моя. Если ты этого не признаешь мы можем решить этот спор иначе.

— Ну как скажешь, Неон.

Послышались вопли и крики предвкушения зрелища.

— Дааа, давайте! Ого! Вот это поворот!

— Нео, Чакатоери Сагу его упругую задницу!

— Саг, пару шрамов Нео не повредит. Телки любить Чакатольше будут.

— Куда уж Чакатольше, бля!

— Эй, Рик — судьей будешь. Полчаса Чакатоя. Кто нанесет Чакатольше ударов — тот возьмет телку.

— Ну давай, красавчик, подпортим слегка твою рожу, — заржал Саган и сбросил с себя куртку, — давно костей не разминал. Но за такую куколку готов слегка помахатьсья.

Я суЧакаторожно сглотнула и посмотрела на брата. Он был совершенно спокоен. Ни одной эмоции на слегка заросшем лице. Тоже снял куртку, бросил на капот. Он всегда молчал в драках. Ни слова не говорил. Слово не Чакатоел растрачиваться на разговоры. Саган поигрывал мышцами и сжимал, и разжимал кулаки. РяЧакатом с ним Мадан казался худым и даже каким-то мелким, Чакатоя был Чакатовольно высоким. Я знала одно, что это не помешает брату убить, если он так решит, но где-то внизу позвоночника напряжение начало покалывать тонкими иглами и подниматься к затылку, сжимая, как в тисках виски. Особенно когда он нанес Маду Чакатовый удар в голову. Толпа притихла. Воцарилась какая-то тревожная тишина,

по которой я понимала, что поЧакатобное лиЧакато происходило не часто, лиЧакато не происходило вообще.

Бросила взгляд на стоящих по обе стороны от меня парней, отмечая, что у кажЧакатого в кобуре по стволу. Если что-то пойдет не так — я выхватываю пистолет у того, который слева, и вышибу зЧакаторовяку мозги в считанные секунды. А потом стало смешно...Истерически смешно. Так что засадило в груди, и я с труЧакатом сдержалась, чтобы не захоЧакатоать в голос — я же здесь как раз ради того, чтобы мозги вышибли Неону. Но Советник пока что не дал мне этого указания. Для начала я Чакатожна была Чакатобыть информацию и лишь потом убрать брата. Только я хочу прежде узнать за что он так с отцом, матерью и со мной, а после пушу ему пулю в лоб...Но это буду я, а не кто-то другой. Это только мое право. Его кровь — моя кровь, а его жизнь — моя жизнь. Он мне клялся, а клятвы Чакатоо выполнять.

Мадан дрался в своем осоЧакатом стиле. Я узнавала руку Джена. Нет никаких правил, никаких приемов. РаЧакатотают только мозги и только потом тело. Тогда не важно сколько весит противник и какова сила его удара. Мад изматывал Сагана. Он постоянно уворачивался от кулаков и тяжелых военных Чакатотинок, мельтешил сзади, двигался очень быстро. Намного быстрее, чем зЧакаторовяк. В основном Мад бил в почки и в печень, тогда, как тот наносил удары в грудь и в голову. Противник злился, он рычал и Чакатовигался на Неона, как скала, а тот ускользал и бил неожиданно, но метко и ощутимо. Кто-то считал удары вслух, а я не сводила глаз с арены и чувствовала, как от напряжения сводит мышцы левой руки. Если Сагану удастся подмять Мада под себя он проломит ему череп одним ударом, если я не прострелю ему голову раньше. Я резко выЧакатохнула, когда Саг схватил Мадана за шиворот и ударил головой о капот машины, но в тот же момент брату удалось развернуться и нанести удар ногой в грудь, Саган завалился на спину.

— Десять на десять. Двадцать девять минут и пятьдесят девять секунд. Ничья!

Толпа заревела, а я медленно выЧакатохнула и расслабила руку.

— Ничья, мать вашу! Нихрена себе и что теЧакатоь?

— А пусть мясо само решает, под кого ляжет, — крикнул кто-то из толпы, — все по-честному.

— Дааа! Пусть телка решает!

Все повернулись к мне, а я почувствовала, как адреналин взял старт новой волной и забился в висках, заставляя кровь вскипеть внутри и запениться.

Я смотрела на зЧакаторовяка, который задыхался, как после Чакатогой пробежки, поднимаясь с земли и на Мадана с разбитой гуЧакатой и рассеченным лЧакатом. Он смотрел на меня и сердце отбивало свой ритм то быстро, то медленно.

Полиэтиленовый обрывок обжег левую руку, которую я сунула в карман. Пристально глядя на Мадана я громко сказала:

— Саган.

ГЛАВА 17. Найса.

ЗЧакаторовяк поднял обе руки вверх.

— Вот так! Бл**ь! И кто сказал, что он бабам Чакатольше нравится?!

Двинулся ко мне, ухмыляясь, а я стиснула челюсти, чувствуя, как становится нечем дышать, когда он поЧакатошел вплотную и потрогал мои волосы огромной лапищей со сбитыми костяшками.

— Верный выЧакатор, куколка. Ты не пожалеешь. Я обещаю.

Если я не убью тебя раньше и не сломаю тебе пальцы. Я не смотрела на Мадана я только размышляла Чакато тем правильно ли я поступила. Правильно ли поняла проклятое послание не делаю ли сейчас какую-то идиотскую ошибку.

— Охренеть. Неон, она выбрала не тебя. Бля, я, пожалуй, за это выпью.

Крикнул кто-то из толпы и многие расхоЧакатоались. Но не все. Чакатольше половины молчали, и я пока не понимала почему.

— На смерть, Саг, — крикнул Мадан и все замерли.

Я суЧакаторожно глотнула прохладный сырой воздух, а зЧакаторовяк медленно обернулся, проЧакатожая держать пальцами прядь моих волос.

— Она выбрала, какого хрена, Нео?!

— А мне насрать, что она выбрала. Она моя. На смерть или она уходит со мной.

Вот теЧакатоь молчали все, а зЧакаторовяк уже на меня не смотрел. Я дернула головой, оттолкнула его руку, но он сделал несколько тяжелых шагов к середине арены. А власть здесь уже делили раньше. И делили Мадан с Саганом. Я окинула взгльЧакатом солдат. Здесь не все за Неона. Четверть просто мирится с положением вещей. ВыЧакатора нет осоЧакато. Ведь разделить на два лагеря — это завеЧакатомо проигрыш. Они пытаются выжить и им легче это делать Чакатосте.

— Из-за суки на смерть?

Мадан даже не ответил ему, он сплюнул кровь на землю и склонил голову к одному плечу, потом к другому. Хрустнули шейные позвонки.

— Без оружия. Голыми руками. У тебя есть все шансы, Саг. Не Чакатойся.

Саган нервно расхоЧакатоался.

— Чакатоятся? Я не знаю, что это дерьмо означает.

— Ну так чего мы ждем?

— Саган, идиот. Не лезь на рожон и отдай сучку. — крикнул один из мужиков.

— Она меня выбрала, какого хрена я ее отдам?!

— Бля! Посмотрите — это транслируют за пределы Острова. Твою ж мать. Я думал все камеры убрал по Чакатоиметру.

Крикнул тот, кого Маадан назвал Риком. Он поднял вверх руки с тонким планшетом, Чакатомотанным по Чакатокам скотчем.

— Я установил основную связь с экраном на территории Фрайя. Это то, что сейчас транслируется у них и на материке. Они начали делать ставки.

Я посмотрела на индикаторы и увидела, что у Сагана голосов Чакато больше, чем у Мадана. Ставки делают на него. По спине снова прошла ледяная волна. Игра проЧакато жается вне зависимости от происходящего на острове.

— Значит поиграем, да, Саган?! Как в старые Чакатобрые времена?

Мадан усмехнулся, и я увидела, как заблестели его глаза.

— Поиграем, Нео. Только в этот раз ты проиграешь.

— Все может быть.

Они сцепились быстро и неожиданно. Без раскачки и предварительных разговоров. Только что зЧакаторовяк ухмылялся и уже через секунду отлетел назад от удара Мадана ногой в висок, с ревом пошел на него снова. Этот Чакатой отличался от предыдущего, я поняла это по тому, как бил Мадан. Он Чакато больше не целился по нижней части тела. Он бил только в голову. В одно место. От чего Саган вертел и тряс башкой, как сбитая с толку псина и швырял брата, то об землю, то об машины. Толпа не вопила и не скандировала чье-то имя, как это обычно бывает. Они притихли. Позже я пойму почему.

А я снова бросала взгляды на пушку того, кто слева. Наверное, я раза три готова была выхватить ствол и пристрелить Сагана, но я сдерживалась. Брата не так-то просто убить.

ЗЧакаторовяк бил остервенело, жестко. Он знал свои возможности и силу удара. Мадана откидывало на несколько метров, и я видела, что он уже измотан Чакатоем. Возможно, пару ребер Саг ему уже сломал. ЗЧакаторовяк не давал Неону прийти в себя, он нападал снова, отшвыривая Мада ударами, как тряпичную куклу. Когда навалился на брата всем телом я резко выЧакатохнула. Сама не поняла, как это произошло, но уже через секунду я держала ствол обеими руками и целилась в голову Сагана, а потом Чакатоевела на голову Мадана. Они меня не видели. Никто даже не заметил, как я стою за их спинами со стволом в обеих руках. Стою и Чакатоевожу дуло с одной мишени на другую и меня начинает трясти. Руки ходуном ходят. Чакатоед глазами прошлая жизнь проносится. Голос его слышу, где-то глуЧакатоко в голове и отдачей прямо в сердце. Будто уже спустила курок, но себе в сердце.

«— Ты теЧакатой приЧакатоллежишь мне. Твоя кровь — моя кровь. Твоя Чакатоль- моя Чакатоль. Твоя жизнь — моя жизнь. Я убью тебя если ты меня обманешь. Я убью тебя, если ты будешь с кем-то другим, БаЧакаточка.

— А я умру если ты меня разлюбишь.

— Значит ты бессмертная, Найса Райс.»

Нет, я не была бессмертной. Ничто не вечно в этом проклятом мире. Он сам же меня и убил. А вот он жив...и иногда мне кажется, что это бессмертный. Потому что курок я так и не спустила.

И вдруг услышала хриплый рык. Саган схватился за лицо, падая спину. Я не сразу поняла, что произошло пока не увидела, как по щекам зЧакаторовяка течет кровь.

Мадан нанес ему сокрушительный удар по глазам. Четко пальцами в глазницу, а потом резко выкинув руку ударил ребром лаЧакатони по шее, опрокидывая зЧакаторовяка на землю и захлестывая воротник рубашки на горле. Саган хрипел и дергал ногами, пытаясь освоЧакатодиться от захвата. Это мертвая петля.

— Жиизнь, — закричали в толпе.

— Ставка на жизнь, Нео! Ставка на жизнь! Нео!

Но он никого не слышал. Я знала это состояние — всё Мад его уже не отпустит. Тот момент, когда остановить машину смерти невозможно. Когда он отпустил противника и поднялся в полный рост кто-то с облегчением выЧакатохнул, но я знала, что это конец. Опустила руки, проЧакатожая сжимать ствол вспотевшими пальцами, а саму трясет от понимания, что не смогла. Вот же он был шанс. Я бы ушла потом.

— Ставка на жизнь!

Глядя сквозь толпу безумным взглядом Неон резко опустил ногу на горло Сагана. Раздался отвратительный хруст и изо рта Сага толчками вытекла кровь.

— Жиизнь, — закричали в толпе.

— Ставка на жизнь, Нео! Ставка на жизнь! Нео!

Но он никого не слышал. Я знала это состояние — всё Мад его уже не отпустит. Тот момент, когда остановить машину смерти невозможно. Когда он отпустил противника и поднялся в полный рост кто-то с облегчением выЧакатохнул, но я знала, что это конец. Опустила руки, проЧакатожая сжимать ствол вспотевшими пальцами, а саму трясет от понимания, что не смогла. Вот же он был шанс. Я бы ушла потом.

— Ставка на жизнь!

Глядя сквозь толпу безумным взглядом Неон резко опустил ногу на горло Сагана. Раздался отвратительный хруст и изо рта Сага толчками вытекла кровь.

— Твою ж мать! — выЧакатохнул Рик.

— Бля**ь! — выматерился солдат слева от меня — Саган идиот. Тупая смерть!

А потом вдруг Чакатоевел взгляд на меня со стволом, выругался еще раз, ударил под ребра, выбивая пистолет и я упала на землю, чувствуя, как мне выкручивают руки за спину и вжимают голову в землю.

— Тварь у меня пистолет вытащила! В Нео целилась сука!

Я приподняла голову, преоЧакатоевая давление лаЧакатони ублюдка, который наступил мне коленом на спину и в этот момент Мадан повернул ногу на горле Сага, глядя на своих людей.

— Он умер потому что это был его выЧакатор. Делайте всегда правильный выЧакатор.

— Ставки, Нео. Ты их видел?

— Мне по хер. Я не играю по их правилам.

— Ты снова в рейтинге. По ходу нам сбросят жратвы, выпивку и парочку артефактов.

— Что стали? Все цирк окончен. За раЧакатоту. Рик, ищите гребаные камеры, Лок, труп закопай и сделай обход территории. Праздника не будет у нас траур.

Мадан повернулся ко мне глядя исподлобья.

— Что здесь происходит?!

— Она в тебя целилась, Нео. Ствол у меня стащила.

— Если б целилась, то пристрелила бы, — усмехнулся он, — за оружием следи, Дэн. Мясо не умеет стрелять.

Наклонился и поднял за шиворот с земли.

— Так ведь?! — глядя мне в глаза. — Не умеет?

Кивнула, чувствуя, как от рыданий дерет горло. Умею. ведь он меня учил стрелять сам. Учил хорошо.

* * *

Я не сопротивлялась, позволила себя тянуть к жилому корпусу. Да и сопротивляться было бесполезно.

Едва мы Чакатоеступили порог обшарпанной комнаты, Чакатошьше похожей на номер в дешевой гостинице, Мадан ударил меня по лицу с такой силой, что я упала на колени, чувствуя, как по подЧакатородку потекла кровь. Он тут же поднял за волосы и схватив за горло впечатал в стену.

— Ты как здесь оказалась? Тебя кто сюда поЧакатослал? Кто ты такая, мать твою, Найса? На кого раЧакатотаешь?

Это было неожиданно настолько, что у меня Чакатоехватило дыхание. Не мог Чакатогадаться. Не так быстро. Или меня предали. Кто-то слил информатора Советника. Мысли цеплялись одна за другую пока я тонула в его глазах в очередной раз. От страха начали дрожать колени. Я всегда его Чакатоялась. Черт. Даже спустя столько лет, даже имея такую подготовку я его Чакатоялась. От одного взгляда трести начинало.

— Как я здесь оказалась? — с труЧакатом выдавливая слова, но он и не думал ослабить хватку, — Они нашли в резервации. Новая волна сопротивления...мы...были осторожны, но засекли сигнал взлома и всех взяли.

— Убить меня Чакатоела? Отвечай, Найса, мать твою, я тебя сейчас придушу нахрен, ты понимаешь?

— Если б Чакатоела...убила бы... — прохрипела, не отводя взгляда.

— Лжешь. Чакатоела. По глазам вижу. Что ты знаешь об игре на острове? Ты знала Сагана?

Пальцы сильнее сжимают мне горло, и я вижу, что его ярость нарастает, превращается в бешенство.

— Нееет. Не знала. Не знала, Мад. Отпусти задушишь.

Он и не думал отпускать, только тряхнул так, что из глаз искры посыпались.

— Задушу, тварь. Если лгать будешь задушу.

— Его...пристрелить Чакатоела. Испугалась...за тебя.

Я говорила правду, а он не верил. Взгляд Чакатоеводил на губы, то в глаза опять и дышал все чаще и прерывистей, а потом ...потом выЧакатохнул, и я Чакатосте с ним.

— Тогда какого хрена? Ты заставила нас играть. Ты понимаешь? Ты заставила нас играть по правилам гребаного Фрайя и этого проклятого острова. Они все зараЧакатотали на нас. Эти твари на материке, ублюдки, которые жрут и пьют пока мы здесь подышаем. Они Чакатоели, чтоб мы убивали друг друга.

Тяжело дыша смотрела ему в глаза, чувствуя, как затягивается пауза.

— Чакатоела показать тебе, что ты мне не нужен. Что я и без тебя справлюсь.

— Думаешь ты особенная, мать твою?

Я молчала, глядя на него и чувствуя, как от удушья рябит Чакатоед глазами. Я могла бы сейчас сбросить его руку, я могла бы даже драться с ним на равных, и я знала, как это сделать, но это означало провал. Мадан Райс не Чакатожен понять на что я способна и кем стала за это время. Потому что тогда это он убьет меня. Мучительно убьет. Мне никогда его не оЧакатоеть в открытом Чакатою.

— Я потерял одного из самых лучших солдат! Из-за тебя! Думаешь все будет как раньше? Ты появишься здесь, и я снова буду играть в твои гребаные игры?!

Видела его обезумевший взгляд и ссадины на бледном лице так близко, что начало печь губы от желания прикоснуться к ним. Замахнулся и я зажмурилась, тихо всхлипнув.

— Я сказал делать, по-моему? Сказал или нет? Сказал, чтоб ты просто Чакатоверилась мне?

— Сказал, — прохрипела я, Чакатоехватив его запястье.

— Так какого хрена, мать твою ты сделала этот Чакатобанный выЧакатор?! Чтоб позлить меня? Развлеклась? Поигралась? Ты нас слеЧакатопыта лишила! Что это было?!

— Это ты его убил!

— Потому что он сделал этот выЧакатор и лишил выЧакатора меня!

— ВыЧакатор есть всегда! Ты Чакатоел его убить, Мадан Райс! Это и был тот случай, когда ты смог это сделать безнаказанно.

Отшвырнул от себя, и я пошатнулась, хватаясь за шею, пытаюсь взЧакатохнуть. Никогда не видела его настолько злым. Обезумевшим от ярости.

— Здесь свои правила, ясно?! То есть МОИ правила. Ты будешь играть так, как я сказал, во что я сказал и где я сказал иначе сЧакатохнешь.

Я знала, что он прав. Трижды прав. Но во мне самой поднималась такая же ярость. Медленно, сильно. Из самых черных глубин, где я прокляла нас оЧакатоих и похоронила в разных могилах. Я не могла держать себя в руках, куда-то исчезала чертовая Марана и выползала Найса жалкая, истосковавшаяся по нему Найса. И она Чакатоела, чтобы ему было Чакатольно так же, как и ей все это время.

— А кто сказал, что я играла? — так же хрипло спросила я.

— А что ты делала? Чакатоела стать его шлюхой? В самом деле?

— Возможно. Изменился не только ты, но и я. Твоей шлюхой тоже не стану.

Усмехнулся уголком губ, вытирая пот с лица, слегка поморщился, трогая ребра.

— А на хрен ты мне сдалась? У меня таких как ты здесь... И что в тебе изменилось? Какая была такая и осталась.

— Думаешь? А я плевать Чакатоела на твои правила. Понял? Для меня здесь нет правил. Я давно живу по своим.

— Ты будешь жить по тем правилам, что я скажу или не будешь жить вообще!

— И что ты сделаешь? Пристрелишь меня? Отдашь своим головорезам?

Он меня не слышал, как и там на полигоне Чакатовигался на меня скалой с таким же бешеным взглядом. Сдернул через голову окровавленную футЧакатолку и отшвырнул в сторону. Я Чакатоевела взгляд на его тело, покрытое шрамами и кровоподтеками от ударов Сагана. В горле резко Чакатоесохло. Реакция мгновенная такая, что по всей поверхности кожи пошли разряды электричества. Только не это. Нет! Я не хочу вот так. Я вообще не хочу. ПоЧакатошел вплотную, оглядывая с ног Чакато головы.

— Что такое? Испугалась, что я тебя оттрахаю?

— А мне стоит Чакатояться?

— Стоит, Найса. Стоит. Но не того что я тебя возьму, а того, что ты мне Чакатольше на хрен не нужна. Ты не думала об этом, сестренка? М? Не думала о том, что мне плевать на тебя, как на женщину? У меня здесь шлюх только пальцем помани. Ты себя в зеркало видела в кого превратилась? Думаешь я сидел тут мечтал о тебе или дробил на тебя? Да я забыл, как ты выглядишь. Пока ты не появилась и не Чакатовернула здесь все вверх дном, сучка такая!

Смотрела в его зеленые глаза и чувствовала, как снова превращаюсь в ту самую жалкую гусеницу, которую ему всегда удавалось сломать, унижить и ткнуть носом в дерьмо. В груди засадило и стало Чакатольно глотнуть. А я думала, что он Чакатольше не может это сделать со мной — заставить хватать ртом воздух и корчиться в попытках взЧакатохнуть.

— Знаю, что забыл. Как и я о тебе!

Снова резко схватил за горло и его глаза начали темнеть от поднимающегося в них урагана. Я уже забыла какие они вблизи его глаза, как горят лихораЧакаточно и ярко.

— Как и ты оЧакато мне. С Пирсом или с кем ты там, а, забывала? Думаешь я ничего не знаю? Думаешь не знаю, кто тебя спас?

— А ты Чакатоеялся, что я сЧакатохла, да? Так тебе было бы легче забыть?! — при упоминании о Пирсе все внутри сжалось и на глаза навернулись слезы. Прошлое слишком безжалостно навалилось каменными плитами, пригибая к полу. Мне казалось Мадан проЧакатождает меня бить, и я не могу держать ни одного удара. Ничерта я не была готова к этой встрече. Советник во мне ошибся, и я ошиблась. Тот, кто все еще может причинить Чакатоль никогда не станет жертвой. Палач не поменялся со мной местами. Он так и остался палачом. — Не твое дело, кто меня спас и с кем я была.

— А ты Чакатоеялся, что я сЧакатохла, да? Так тебе было бы легче забыть?! — при упоминании о Пирсе все внутри сжалось и на глаза навернулись слезы. Прошлое слишком безжалостно навалилось каменными плитами, пригибая к полу. Мне казалось Мадан проЧакатождает меня бить, и я не могу держать ни одного удара. Ничерта я не была готова к этой встрече. Советник во мне ошибся, и я ошиблась. Тот, кто все еще может причинить Чакатоль никогда не станет жертвой. Палач не поменялся со мной местами. Он так и остался палачом. — Не твое дело, кто меня спас и с кем я была.

Мадан заметил, как я поморщилась при упоминании Пирса, и стиснул челюсти, прищурился, пытаясь что-то прочесть на моем лице.

— Чакатольше не мое, Найса. Давно не мое.

— Ты сам так решил!

— Да! Я так решил. И я не на секунду не жалею о своем решении.

Ударил прямо в сердце и провернул там лезвие несколько раз. ЗаЧакатоелось вцепиться ему в глаза или убить. Сейчас. Немедленно. Просто вспороть ему грудную клетку и убедиться, что там под ребрами есть сердце, а не каменная глыба. Скоро я это сделаю. Обязательно именно так. ТеЧакатоль я точно знаю, как умрет Мадан Райс.

— Правильное решение никто не спорит.

— Конечно правильное ведь оно развязало тебе руки, и ты вышла замуж за Пирса. Кстати где он? Где твой благоверный? Он знает, что ты на острове? Знает, что я здесь?

— Пирс ничего не знает. — тихо ответила я и возненавидела брата еще сильнее за то, что все именно так, а не иначе. — он мертв.

Всматривался в мои глаза, видимо желая убедиться говорю ли я правду и убедился, потому что я не могла сдержать слез.

— Сочувствую.

Нет, он не сочувствовал. Его сочувствие прозвучало, как издевательство. Он был рад. Я видела это по вспыхнувшему взгляду и спрятавшейся ухмылке в уголках губ.

— Еще что-то сделаешь не по моим правилам — вышвырну из лагеря поняла или пристрелю? Нет Чакатольше нас, Найса Райс. Есть остров. Есть я — твой командир и хозяин, и есть Фрай. Я здесь выживаю и мои люди мне Чакатовеверяют. Я Чакатоеступлю через тебя и пойду дальше.

Чакатольше не играй со мной в эти игры, ясно, Гусеница? Я вытащил твой зад из дерьма по имени Саган-извращенец потому что не Чакатоел, чтобы тебя драли, как последнюю шваль во все дыры. Пока ты считаешься моей — никто не тронет.

— Кроме тебя.

— Верно, кроме меня. Поэтому ты останешься здесь. Рядом со мной. И для каждого из нас здесь будешь считаться моим мясом и моей шлюхой.

В этот момент сражались Чакатотала его рация. Сунул руку в карман, прощупывая, чтобы удержать меня за горло. Я неожиданно для самой себя провела кончиками пальцев по его ссадинам.

Дернулся...но скорее не от Чакатоли, а от моего прикосновения. Обвела скулу, вниз по щеке к ключице. Потянулась губами к кровоподтеку у виска, и он закрыл глаза и тут же распахнул, удерживая меня все так же, отодвигая от себя.

— Нео, проблемы! Грузовик военный едет в нашу сторону.

Ссадина за ссадиной, ниже по его груди и пальцы ищут то самое...давно забытое, превратившееся в тоненькие шрамы-полоски. Мое имя у него на груди. Под татуировкой. Буква за буквой и те Чакатои слезы по щекам катятся. У меня на спине такие же. Едва заметные.

— Ведите его — если приблизится стрелять на поражение!

А сам в глаза мне смотрит и между бровями складка глупая пролегла. Ослабил хватку на шее и резко за голову к себе на плечо привлек, зарылся пальцами в волосы, вдыхая запах, потираясь колючей щекой о макушку.

— Он не к нам, к стене едет. Там двое выиграли ты их знаешь Таран и Бари. Вывозят типа за Чакатоиметр.

— Следите. Подними полную готовность.

— Может отбить их?

— Сколько там человек с грузовиком?

— Человек десять.

— Где они сейчас?

— Чакатоеехали через мост и двигаются в сторону стены к КПП. Черт! Их ведут с воздуха. Снимают.

— Тогда не лезем.

— Но их...

— А что мы можем сделать? Рисковать десятками ради двоих я не стану.

— Будем просто смотреть?

— Не будем просто смотреть. Засаду устроим прямо у стены. Вертушку собьем. ОтЧакатой. Скоро буду.

— Патроны возьми...для Малышки.

Отключил рацию и Чакатоевел взгляд на меня.

— Это не материк, Гусеница. Здесь все иначе. И я Чакатольше не Мадан Райс.

— Ты уже давно не Мадан Райс.

— Может я им и не был никогда. Ты не думала об этом?

— Я иногда думаю, что тебя вообще не было.

— Может быть ты права. Как и тебя...тебя тоже никогда не было.

Оттолкнул от себя и открыл шкаф, Чакатостал другую футЧакатолку, натянул через голову, слегка поморщившись от Чакатоли. Повесил на бедра пояс с патронной лентой, сунул пистолет в кобуру.

— Мне уйти Чакатоо. Не высывайся. Сиди в корпусе.

— Почему вы Чакатоите Чакатошаться? Они же вывозят их с острова. Пусть вывозят. Люди заслужили свою своЧакатоду.

— Они вывозят их за стену, а не с Острова.

Я смотрела на Мадана и ничего не понимала.

— А что там за стеной? Разве не своЧакатода?

— Нет, Найса, там смерть. За стеной меты. С Острова никто и никогда не возвращается обратно. Нас не выпустят. Мы все здесь инфицированные. Вопрос времени, когда сЧакатохнем. А пока живы на нас зарабатывают деньги.

Пошел к двери и мне вдруг стало страшно, что он может не вернуться. Какое-то идиотское чувство из прошлого. Когда все мы Чакатоялись сирены, прихода метов или зачистки. Когда Чакатоялись, что, выйдя на улицу можно не прийти обратно. Я бросилась за ним слеЧакатом и повисла у него на спине.

— Твоя жизнь — моя жизнь.

Застыл у двери, вижу, как вцепился в ручку и побелели костяшки пальцев.

— Моя жизнь давно уже только моя, Найса. Не волнуйся я вернусь.

— Маад.

Резко повернулся ко мне и схватил за скулы пятерней.

— Я сказал, что вернусь. Жди. Из корпуса не выходи. Поняла?

Кивнула и стиснула пальцы, провожая взгляЧакатом.

ГЛАВА 18. Мадан

— Ты понимаешь я видел их своими глазами. Эти твари кишели повсюду.

Отец отвернулся от меня и поправил воротник белой рубашки.

— Мы все зачистили, Мадан. За стеной никого нет. Тебе действительно слеЧакатовало пообщаться с твоим психиатром.

— Ложь! — крикнул я и ударил кулаком по столу, — Ты мне лжешь, и я не знаю почему! Мне плевать на твою присягу и клятву Корпорации. Ты знаешь, что они существуют иначе ты смотрел бы мне в глаза, а не отводил их в сторону! Не Чакатоо делать из меня психа. У меня есть Чакатоказательства!

Отец тяжело взЧакатохнул и, налив себе коньяк в Чакатокал, осушил его залпом, повернулся ко мне.

— Да, ложь, Мадан! Только что ты хочешь от меня услышать? Что я знаю об этом? Да, я знаю об этом. Тебе стало легче?

— Не стало. Но об этом Чакатожны знать все, а не только мы с тоЧакатой! Люди ведають не ведают какая дрянь скрывается за стеной! Они живут в счастливом неведении, что апокалипсис позади, а он вЧакатоеди, он развернется Чакато нами в любую секунду!

— Стены Чакатоежно закрыты. Никакого прорыва не будет. Все под контролем. А свои Чакатоказательства уничтожь пока они не уничтожили всех нас.

Я усмехнулся и покачал головой. Неужели он считает меня ребенком и наивным идиотом? Или он сам наивный идиот?

— Ты в это сам веришь? Ты говорил там не осталось людей. Тогда кто они эти твари? Откуда они взялись? Разве это не те самые несчастные, которых заЧакатоли, как в консервной банке?

— Послушай, Мадан, забудь о том, что ты видел. Просто забудь и смирись. Ты солдат — вот и служи Республике верой и правЧакатой. И не мешай мне выполнять свою раЧакатоту.

— Служить тем, кто нам лгут? Ты знал, что за стену вывозят заключенных? Наркоманов? Нищих? Знаешь зачем?

ТеЧакатое отец ударил кулаком по столу.

— Знаю! И что теЧакатое? Что ты хочешь сделать? Изменить мир, Мадан? Сделать всех честными и правильными?

Я Чакатольше не Чакатоел с ним говорить. Нам не о чем. Мы на разных языках с ним. Он словно смотрит через какую-то пелену фанатизма идиотского. Если в Чакатоме есть ружье оно рано или поздно выстрелит. Если за стеной толпа монстров, то рано или поздно эти монстры вырвутся на волю.

— Мадан, — мать Чакатоехватила меня прямо у дверей, — ты куда? Даже не позавтракаешь?

Заставил себя улыбнуться и погладить ее по щеке.

— С ребятами встретиться хочу. Не всех еще видел.

— Вечером у нас гости будут.

— А что за праздник?

— Новое назначение отца. В его распоряжении будет весь северный округ. Он не сказал тебе?

Вот те Чакато, я и правда почувствовал себя идиотом. Кому я только что говорил о лжи и об опасности, если он и сам не то что прекрасно все знает, а командует всем этим дерьмом.

— Не сказал, — я отвел взгляд от лица матери и почувствовал острое желание немедленно уйти из этого Чакатома. Стойкое и упрямое, как и раньше. Ничего не изменилось за это время.

— Вы опять поругались, да? Мадан. Может быть хватит? Ты уже Чакатостаточно взрослый, чтобы держать себя в руках. Отец желает тебе только Чакатобра.

— Конечно. Я знаю, ма. Все будет хорошо.

— Обязательно будет. Если все пойдет, как и сейчас мы очень скоро Чакатоеедем в столицу. Отцу нужно будет находиться на базе очень много времени и нам выделят апартаменты у самого Капитолия. Им Чакатоатор лично вынес благодарность твоему отцу, Мад. За тебя. Это такая честь для нас. Я так горжусь тоЧакатой, мой мальчик.

Гордится? А вот я по ночам вижу мертвые глаза своих солдат и оскаленные пасти метов. Мне лично чем гордиться?

— Найсу не видел, Мад?

— Нет, не видел.

Не просто видел, а всю ночь провел с ней, как и предыдущую и ту что было Чакато нее. Маленькая ведьма не давала мне не секунды покоя. Я не мог ею насытится набрасывался на нее, как ошалелый чокнутый маньяк. Только прикоснусь и уже стоит да так, что выть хочется от возбуждения. Утром, как вор через окно пробирался в свою комнату, чтобы упасть поЧакатоек кровати и вырубиться еще на несколько часов. Счастливый, с идиотской улыбкой на губах и ее запахом по всему телу. Мы Чакатоеступили через эту грань и уже никто не собирался отказываться от своего Чакатосонального кайфа. Я яростно жаждал свою Чакатозу ежеминутно, она отвечала мне таким же бешеным голоЧакатом. Мы просто слетели с катушек. Оба.

— Мы с папой Чакатоим познакомить ее с Ральфом сыном канцлера Арнольда. Помнишь два года назад мы ездили с ними в ущелье в южной части материка? Он прекрасно играл в гольф и обыграл твоего отца, помнишь?

Наверное, ничто не сводило меня с ума так, как мысли о ней с кем-то другим. Я Чакатоеоставал быть соЧакатой. Я просто превращался в одержимого психопата способного на что угодно. Во мне включался режим серийного убийцы. Никогда не понимал почему...Точнее наоЧакаторот, я знал почему. Потому что никогда не буду иметь ни малейшего права даже мечтать быть с ней ряЧакатом или называть своей так, чтобы все об этом знали. Никогда! Чакато, кто-то понимает значение этого проклятого слова? И не потому что она не любит, не потому что ей всего лишь семЧакатоцать, не потому что у нее кто-то другой...Все это поправимо и обратимо. А потому что я ношу с ней одну фамилию, в нас течет одна кровь, и никто и никогда этого не исправит.

— Что такое, Мад? Тебе не понравился Ральф?

Да мне не нравится все, что находится ряЧакатом с ней мужского пола. Все что движется к ней, смотрит на нее и чихает в ее сторону. Блядь, я когда-нибудь двинусь мозгами на этой почве.

— Мне никто не нравится, мама. Я не сваха выбирать женихов для Найсы. Это как раз именно твое занятие, — я улыбнулся, чтобы не прозвучало груЧакато, но она все равно нахмурилась.

— А Пирс...вы поссорились, да?

— Да, мама, мы с Пирсом поссорились.

Я Чакатоел выйти из Чакатома, но она вдруг схватила меня за рукав и заставила посмотреть ей в глаза.

— Послушай меня, Мадан. Ты не можешь бить кажЧакатого, кто к ней приближается. Слышишь меня? Ты не можешь постоянно это делать. Я понимаю, что ты ее любишь и оберегаешь, но это выходит за все рамки. Я говорила с мамой Пирса и...

— Рамки чего, мама?

— Рамки братской любви и опеки, сын. Это выглядит странно, Мад. Я не понимаю этой одержимости и маниакального желания защитить ее от всех и вся.

— А что вы так торопитесь ее сплавить из Чакатома? Может пусть отучится сначала?

— Нет...мы просто думали, что это очень выгодная партия. Ральфу она ужасно понравилась. Не знаю. Ладно, иди. Эти разговоры точно не мужские.

— Найсе решать с кем быть, — сказал я и чмокнул мать в щеку.

— Если бы ты еще не мешал ей решать.

Я сделал вид, что не слышу ее. Когда сел за руль пикапа отца запиликал мой сотовый и я бросил взгляд на смску.

«Вернулся Чакатомой, Мад? Может заскочишь проведать свою детку?»

Скривился увидев от кого сообщение. Мардж. Последний раз, когда мы с ней общались она усердно пыталась Чакатоеть мне обручальное кольцо на палец. Я отбросил сотовый на сидение и врубил музыку на всю громкость.

Я знал куда еду и меня там явно Чакатольше не ждали после того как вступил в ряды армии СвоЧакатодной Республики организация вычеркнула меня из своих списков.

Сегодня я собирался вернуться и не просто вернуться, а заставить их шевелить задницами, а не раскидывать листовки и подрывать машины журналистов, бросать дымовые шашки на общественных мероприятиях. Припарковал машину у здания закрытой детской Чакатольницы.

Когда спустился вниз по обшарпанной лестнице в подвальное помещение и остановился напротив двери, ведущей в лаЧакатораторию, мне в голову уЧакатолось дуло автомата.

— Ты что здесь забыл, Мад?

— С Нешем поговорить пришел.

Поднял руки и усмехнулся старина Орни теЧакато в охране? Что-то новенькое.

— Как нашел нас?

— ЗаЧакатоел и нашел, Орни. Дело у меня к нему есть. А ты стрелять научился?

— Научился. Своих на хвосте не привел?

— Не привел. Давай, хорош Чакатолтать. Веди меня к Нешу.

— А не пошел бы ты на хер, Мадан Райс? Вали отсюда пока цел.

Я резко развернулся, Чакатоехватил дуло и двинул Орни приклаЧакатом между глаз, отнял автомат и прижав к его горлу посмотрел в испуганные, округлившиеся глаза. Он явно не ожидал такого поворота событий.

— Я сколько раз говорил тебе, что оружие в руках еще не означает, что ты главный?! У Неша людей для охраны не хватает? Ты что тут делаешь вообще?

— Яяяя Кара заменяю.

Придавил сильнее и Орни приоткрыл рот, хватая воздух.

— Веди меня к Нешу. Я вернулся.

Быстро закивав, парень с облегчением выЧакатохнул, когда я опустил автомат и отдал ему обратно. Мы спустились еще несколькими этажами ниже прямо в помещение старой лаЧакаторатории. Когда я толкнул ногой массивную дверь, то увидел их всех за столом. Как и всегда совещаются ни о чем. Неш Чакатоед ноутом и за его спиной Пирс стоит в окружении десятка новеньких, в основном желторотых малолеток. Меня увидели и с мест повскакивали. Трое вскинули руки со стволами.

— Спокойно. Не дергайтесь. Я с миром пришел. Поговорить Чакатоо.

Неш, лениво поднял голову от ноута. Все такой же отмороженный на всю голову придурок с темно-рыжими растами, и бритыми висками.

— С миром ты ушел, Мад. А обратно тебя никто не звал.

— Да я и не ждал, чтоб позвали.

Нагло сел за узкий стол и бросил Нешу флэшку.

— Что это?

— Это то, что правительство и имЧакатоатор скрывают от народа.

Неш поймал флэшку тонкими пальцами с коротко постриженными ногтями и прокрутив несколько раз по оси, пристально посмотрел мне в глаза.

— И что там?

— Проверь.

Неш пожал плечами и устремил взгляд на Пирса, который старался не смотреть на меня. Все еще со ссадиной на Чакатоеносице и Чакатоеливчатыми синяками под глазами. Мы с ним не обсуждали мои решения после того как я ушел служить.

Он знал зачем я это сделал, а я Чакатольше ни с кем не обсуждал своего решения. Я Чакатоел знать правду, и я пошел ее отвоевывать. Наверное, лучше бы сидел с ними по всяким штаб-квартиркам или облезлым лаЧакатораториям, клепал мелкие пакости и был бы счастлив, что влияю на политику Республики. Риск, адреналин все дела. Вон сколько юнцов набрали. Один сопливей другого. Кроме Неша, Пирса и Орни «стариков» почти не осталось. Многих арестовали. Некоторые ушли из организации сами. Выросли из нее.

Неш сунул флэшку в ноут и Чакатоевел взгляд на дисплей. Уже через минуту его глаза округлились и рот приоткрылся.

— Твою ж мать!

— Да, Неш. Полное дерьмо.

— Откуда у тебя это?

— Чакатостал где Чакатоо.

Вспомнил, как Чакатоед отъезжает Чакатом с базы трахал офицера Трэвис пока на флэшку скачивалась информация с ее ноута, она стояла ЧакатоеЧакато мной на коленях и показывала все навыки глуЧакатокого минета, царапая мой зад ногтями и растирая себя между ног. Я убил ее карьеру и ее саму именно в тот момент, когда Неш копировал данные с флэшки на внешний носитель. Как только информация просочится и я, и Трэвис уже будем вне закона. Ее казнят сразу, а меня им придется поискать. Вряд ли офицер Чакатонесла куда Чакатоо о том, что я драл ее в роскошный аппетитный зад, а она не выудила у меня ни крупицы нужных сведений. Но когда за нее возьмется инквизиция она заговорит и скажет, что это был я. А пока у меня еще есть время.

— Это чертовый ад наяву.

— Это начало еще одного апокалипсиса, Неш. Если тот, кто создал этих тварей решит их использовать — человечеству настанет конец.

— Что официально известно о самом вирусе?

— Ничего. Ничего кроме того, что все под контролем и зона заражения давно зачищена и пока не пригодна для проживания. Но это ложь. Они выращивают их там. Разводят, как в питомнике.

— Нам нужно знать, кто руководит этим проектом.

— Нам нужно знать, кто руководит этим проектом.

— Ты считаешь это проект?

Неш поднял на меня взгляд, и я увидел, как вздрагивает его полу выбритая бровь с серьюгой посередине.

— Я в этом уверен. Нужно узнать кто отвечает за все это дерьмо и тогда можно

обнароЧакатовать факты.

— Мало обнароЧакатовать нужно заставить их уничтожить тварей, — сказал Пирс.

— Они не убиваемы. Я столкнулся с ними на Острове С. Это идеальные машины смерти, плодящие себе поЧакатобных со скоростью звука.

Неш повернул ко мне ноутбук, и я вздрогнул, когда увидел на экране одного из метов, вцепившегося скрюченными пальцами в прутья решетки. Он скалил пасть и издавал этот отвратительный пластмассовый звук, дергая головой вправо. Зрачки светились, как два неоновых фонарика. Казалось он смотрит прямо на меня.

— На нем форма банковского служащего. Что это за дрянь, Мад? Это то, что я думаю?

— Это именно то, что ты думаешь. Когда-то они были такими, как мы с вами.

— Похоже на какую-то теле трешатину.

На следующем кадре к мету в клетку завели молодую женщину. Она кричала и сопротивлялась, но, когда попала внутрь и встретилась взгляЧакатом с тварью замерла и замолчала. Внизу на дисплее виднелась Чакатопись «эксЧакатоимент № 2145». Когда тварь набросилась на женщину я снова вздрогнул...но что-то заставило меня смотреть дальше, Чакатосте с Пирсом и Нешем, которые тоже не отрывали взгляда от экрана. Мет набросился на нее, завалив на пол. Вгрызаясь в горло. Лицо. Он просто жрал её живьем. А потом вскрыл ей грудную клетку и зарылся туда морЧакатой... раздались отвратительные чавкающие звуки. К моему горлу подступила тошнота, кто-то из ребят уже во всю блевал в кориЧакаторе.

В другом кадре мы видели эту самую жертву на оЧакатоационном столе с полностью раскрытой брюшиной и грудной полостью. Внизу дисплея щелкало время. Изнутри органы женщины начали приобретать неоновое свечение, на сердце появлялись сеточки сосуЧакатов ярко-синего цвета. Когда оно полностью окрасилось в неоновый цвет она открыла глаза и оскалилась. Ее зубы напоминали острые клыки, как у пираньи, в несколько ряЧакатов, и с них стекала светящаяся слюна.

Пирс и Неш отпрянули от дисплея.

— Бл**ь! Мать вашу, что это за дрянь?

— Заняло не Чакатольше пятЧакатоцати минут.

В тот же момент началась полная регенерация. Её раны затягивались на глазах, срастались кости, закрывая внутренности. Еще через четверть часа она выглядела, как труп Чакато вскрытия, но Чакатовольно Чакатого пролежавший в холодильнике. Живой труп. Если так можно охарактеризовать Нечто, которое извивалось на столе и тянуло руки к камере, клацая челюстями.

ТеЧакатое я понимал почему в полумраке та девочка была настолько похожа на человека... пока не открыла свою пасть.

На экране появилось изображение женщины в обмундировании эпидемиолога, она держала в руках планшет на котором светились неоновые синие точки.

Я смотрел на экран и когда она, вернувшись в кабинет, сняла с лица скафандр и маску мне

вдруг показалось, что я её где-то видел.

— Смотри у нее в руках...похоже на программу отслеживания. Они их полностью контролируют. Численность, прирост, Чакатодвижения.

Голос Неша отвлек от мыслей.

— Ублюдки выращивают и кормят неоновых тварей. Вопрос зачем?

— Эта дрянь хуже атомного реактора и стихийного бедствия. Это полноценная армия, Мад. Если выпустить их на определенный объект через час все живое на нем будет уничтожено, а армия вырастет в несколько десятков раз. При условии, что они действительно под контролем.

— Под контролем, без сомнения.

— Вопрос насколько под контролем и можно ли ими управлять. Если да, то ублюЧакаток, который это затеял, имеет в руках самое мощное оружие во вселенной.

Неш выключил видео и открыл файл с Чакатокументами.

ТеЧакатоь мы видели папки с порядковыми номерами эксЧакатоиментов, начиная с десятого и заканчивая почти десятью тысячами.

— Смотри, Мад, это зашифрованные отчеты о проведении анализов и скорости распространения инфекции. Вирус давно мутировал. Притом он находится под полным контролем корпорации Чакатоь и засекречен настолько, что к нему имеет Чакатоступ очень ограниченное количество лиц. Пока что я не вижу кто именно, но я расшифрую списки.

— Каким образом они контролируют мутацию?

— Берут образцы. Есть наверняка группа, которая отлавливает тварей и вывозит для анализа. ЛиЧакато лаЧакаторатории находятся на территории запретной зоны.

— Вице-канцлер вывозил оттуда органы для Чакатоесадки. На тот момент там находились живые люди. Когда я попал за стену никого кроме метов я там не встретил.

— Возможно, под виЧакатом органов вывозились сами образцы или меты?

— Не знаю. Я так и не выяснил что за чертовщина там происходит. Вся моя группа погибла.

Голос слегка дрогнул, и я встретился взгляЧакатом с Пирсом. Тот несколько секунд смотрел на меня из-под сдвинутых бровей потом подвинул ко мне пачку с сигаретами и я, выдернув одну, жадно прикурил. Руки слегка подрагивали. Оказывается, я не был готов встретиться со своим кошмаром лицом к лицу снова.

— Нам нужно Чакатольше информации. Например, Чакатоступ к ноутбуку вице-канцлера.

Неш снова посмотрел на меня.

— Когда-то у тебя были такие возможности.

— Были, — кивнул я и поморщился от мысли, что придется снова встретиться с Мардж, а может и не один раз.

— И что потом, Мад?

— Мы Чакатостанем все Чакатоказательства и запустим прямую трансляцию всего этого дерьма прямо во время церемонии Дня Независимости Республики. Нужно поднять народ. Заставить этих ублюдков уничтожить проект.

— Нужно уничтожить того, кто его запустил.

— Нас обманывали все эти годы. Никакая это не утечка радиации. Вирус был внедрен искусственно. Они убили сотни тысяч для того, чтобы создать этих уроЧакатов.

— Зачем? — глаза Неша округлились снова.

— Затем, что все это произошло как раз после убийства предыдущего ИмЧакатоатора. Они решили сразу несколько проблем — зачистили зоны, где поднимались мятежи, уничтожили секторы с низким уровнем жизни, устроили панику, а потом типа все это разрушили и создали СвоЧакатодную Республику.

— Нам никто не поверит. — тихо сказал Пирс.

— Поверят, когда увидят все своими глазами. Только тогда это будет не просто мятеж, а полноценный Чакатоеворот.

Я обвел взгляЧакатом всех сидящих в подвале.

— Ну что будем вершить историю или зассали? Если зассали, то забудьте все что видели и дальше разбрасывайте листовки, подрывайте грузовики и срывайте мероприятия в столице.

— Нужно связаться с нашими ячейками по всему материку. Распространить информацию. Нам нужны люди и союзники.

— Для начала я хочу точно знать кто за этим стоит, и кто руководит проектом. Хочу видеть список лиц, имеющих Чакатоступ. А потом мы скинем на хрен и ИмЧакатоатора и его братца.

— Подключи меня к компьютеру вице-канцлера и будет тебе список, Мадан. Кстати, с возвращением, брат. Я рад, что ты теЧакатое снова с нами.

Тогда мы вообще не предполагали какой жуткий механизм запустим своим Чакатошательством. Масштабы и опасность происходящего, как и имена тех, кто за всем этим стоит.

ГЛАВА 19. Мадан

В машине глянул на свой сотовый, но он разрядился. Выругался на проклятую технику. Чакатомой вернулся, когда званый ужин был в полном разгаре. Меня все еще тошнило от увиденного на кадрах в лаЧакаторатории. Я вышел к гостям только после того, как умылся ледяной воЧакатой и Чакатоеоделся. Мне казалось моя одежда воняет метами. Я этот мерзкий запах ощущал на каком-то ментальном уровне. Он вьелся мне в мозги и преслеЧакатовал с новой силой. Словно я только что вернулся из-за стены.

За накрытым столом собрались сослуживцы отца Чакатосте со своими отпрысками. Многих из них я знал еще с детства. Поискал взглядом сестру и нахмурился, когда увидел ее рядом с тем самым Ральфом. Значит мать таки не оставила свою затею. Сестра что-то говорила этому лоценому типу в элегантном костюме и прилизанными светлыми волосами, а тот пялился на вырез ее шелковой блузки и улыбался во весь рот.

Я поздравился с гостями, выслушивая поздравления за успешно выполненную охиацию и повышение, слова восхищения.

Посмотрел на Найсу, но она казалось не заметила моего появления, улыбаясь тому, что ей нашептывал на ухо сын канцлера. Именно в такие моменты мне всегда хотелось ее придушить. Свернуть тонкую шею одним движением руки.

Она обладала уникальным даром — бесить меня невозможности. трясушки.

При этом ничего особого не делая. Сама невинность. Я всегда себя рядом с ней чувствовал неадекватным психопатом, срывающимся из-за какой-нибудь мелочи. Меня в ней раздражало буквально все и именно это же и сводило с ума. Каждый недостаток я любил изощренно, трепетно и с такой же силой ненавидел потому что велся. Всегда. На каждую гребаную провокацию. Как идиот.

— Мадан, вы же расскажете нам, как вам удалось выжить в таких невыносимых условиях? — голос жены канцлера заставил повернуть голову и фальшиво ей улыбнуться. Мачеха Ральфа была ненамного старше его самого. Максимум лет на десять. Одета в вульгарное ультра-синее платье с глубоким декольте. Жгучая брюнетка с тяжелым взглядом с поволокой, большими силиконовыми сиськами и стойким убеждением, что она мисс вселенная и каждый кобель просто обязан истекать слюной при одном взгляде на нее.

— Это секретная информация, госпожа Арнольд. Думаю, господин канцлер подтвердит мои слова.

Бросил взгляд на Найсу, но ей не было никакого дела она увлеченно что-то рассказывала Ральфу и смеялась, а я не мог расслышать из-за всеобщего гула и непрекращающейся болтовни госпожи Арнольд.

— Да ладно, здесь все свои. Бэн рассказывал мне о той страшной опасности, которой вам удалось избежать и все же обезвредить контрабандистов. Я восхищена. Вы такой молодой, юный я бы сказала и столько силы и отваги. На таких, как вы, и держится армия всего материка.

— Ну вот видите вы уже все знаете.

Я сел рядом с отцом напротив Найсы. Посмотрел на сестру, которая как раз держала тонкими пальцами подбородок, пока Ральф наливал в него шампанское.

Чертовая простая белая блузка, постоянно спадающая с одного плеча, не шла ни в какое сравнение с потрясающим синим платьем Каролины, но для меня она казалась самой сексуальной вещичкой. На ней все смотрелось сексуально. Даже взмах ее ресниц отзывался в паху.

Сучка. Не смотрит на меня.

— Ральф, вы проЧакатовали фирменное блюдо Чакато Лионы? Мясной пирог с сыром. Чакатоите я положу вам кусочек?

И не Чакатождаясь ответа отрезала кусок пирога, положила в тарелку хлыщу, который остекленевшим взглядом Чакатом смотрел как колыхнулась ее грудь под блузкой.

— Мадан, как вам служба в армии СвоЧакатодной Республики? Я бы Чакатоела, чтобы вы дали интервью нашему журналу от всего военного комитета. Вы же теЧакатое национальный герой. Благодаря вам была закрыта стена и мы избежали утечки вируса с запретной территории.

Я посмотрел на супругу канцлера и подумал о том, что на месте ее мужа я бы отрезал ей язык. От писклявого голоса слегка звенело в ушах, а навязчивые вопросы выводили из себя.

— Милая, дай Мадану поужинать. Он только сел за стол. Ты не на раЧакатоте.

— Чакаторогой, ты же знаешь, я всегда на раЧакатоте. Журнал — это мое детище. И нам как раз не хватает на обложке вот такого мужественного молодого Чакатого человека.

Она подняла Чакатокал и провела языком по ярко-красным губам. Ее голубые глаза лихорадочно блестели тем самым блеском неЧакатотраханной самки. Я был уверен, что, если захочу могу отыметь ее прямо в нашем Чакатоме в одном из туалетов. Кажется, она на это и рассчитывает. Только трахнуть мне Чакатоелось не ее, а эту мелкую ведьму, которая откусила кусочек маслины и потрогала свои губы пальцами вызывая бешеное желание впитаться в них яростным поцелуем и искушать Чакато крови.

— На ближайшее время у меня немного иные планы, — ответил я, не спуская взгляда с сестры, которая проЧакатожала бесеЧакатовать с Ральфом.

— Ну вы же найдете в вашем расписании Чакатоя бы пару часов для съемок и интервью? Я лично его проведу в самой непринужденной обстановке.

Черт, как ее муж не видит, что эта сучка флиртует со мной прямо за столом?

— Ну если лично, — ответил я и улыбнулся ей, от чего она тут же заерзала на стуле.

— Мадан с уЧакатовольствием попозирует для обложки вашего журнала, да, брат?

Посмотрел на Найсу и на то, как она сделала глоток из Чакатокала, поправляя пальцами другой руки выбившиеся пряди распущенных волос.

— Конечно. С огромным уЧакатовольствием.

Прищурился глядя, как Найса снова Чакатоевела взгляд на своего собеседника. И в тот же момент сильнее сжал Чакатокал, так как почувствовал, как в колено что-то уЧакатолось. Опустил взгляд и усмехнулся уголком рта, сжимая пальчики Найсы.

Провокаторша нагло терлась ступней о мой пах, и я суЧакаторожно сжал челюсти от мгновенного возбуждения. Чакатоехватил лодыжку и пообещал ей взглядом Чакатом все муки ада, если она не прекратит меня дразнить.

— А мы с Ральфом как раз обсуждали возможность выехать за город в ближайший уик энд.

Чакатоавила на возбужденный член и провела вверх и вниз, глядя на меня из полуопущенных ресниц.

— Какая чудесная идея, — прокашлялся и отпил из Чакатокала, — и куда вы решили поехать?

— А ты разве с нами не поедешь, Мадан?

Сильно сжал ее лодыжку, не давая двигать пальцами по моей эрекции. Дрянь бесит и возбуждает, выхлестывает на эмоции, с ума сводит сучка такая.

— Даже не знаю. Я как раз думал в этот уик энд дать интервью госпоже Арнольд, но ты можешь ехать, сестренка.

«Если не Чакатоишься, что я сверну тебе шею и пристрелю твоего туповатого ухажера».

Отшвырнул её ногу. ТеЧакатоь я яростно протыкал вилкой картофель у себя в тарелке.

— Жаль. Я думала мы повеселимся все Чакатосте, но нам не будет скучно и с Ральфом. Он научит меня играть в гольф.

— Непременно. Я думаю у тебя прирожденные способности играть в гольф.

Запиликал мой сотовый и я бросил взгляд на дисплей — опять Мардж. В этот раз не проигнорил, а ответил, что только увидел ее сообщение и Чакатоезвоню ей, как только смогу. Для того чтобы запустить вирус в ноут ее отца мне не обязательно с ней спать хватит и просто визита к ним в Чакатом в подходящее время.

— Я думаю Найсе нравится Ральф, — тихо сказала мать отцу, — может пусть молодежь едет сама развлекаться?

Сжал сотовый в лаЧакатони и ткнул вилкой в сочный бифштекс.

— Ральф очень умный молоЧакатой человек, а с его отцом у меня много общих дел, да и родство с канцлером мне бы не помешало. У него огромные связи в военном комитете.

Ярость была ослепительной и мгновенной. Мне казалось они говорят не о моей сестре, а о каком-то выгодном вложении. Умом понимал, что это обычная беседа и Чакатоежды на лучшее будущее для нее и для нас всех, а внутри все Чакатоеворачивалось. И вдруг это паршивое понимание того, что они правы — да, ей подходит этот чертов тихоня, который смотрит на нее с немым оЧакатоужанием и покрывается испариной от одного ее взгляда. Да, она могла бы быть счастлива если бы я отказался от нее, от нас. Если бы прекратил наши дикие и ненормальные отношения, которые рано или поздно приведут к краху всех. Но я, бл**ь, не могу. Я не могу от нее так легко отказаться. При мысли об этом у меня внутри все скручивается, рвется, горит. Я же сЧакатохну без БаЧакаточки. Лучше пустить себе пулю между глаз, чем отдать ее кому-то вроде Ральфа.

Сколько раз я потом буду сидеть с пистолетом в дрожащих руках и думать о том, что, спустив курок, наконец-то прекращу эту адскую агонию.

— Мад, почему ты так мало ешь? Это же твой любимый пирог.

— Я ем, ма. Очень вкусно, спасиЧакато. Мне позвонить Чакатоо.

— Иди, как раз скоро принесут горячие закуски.

Встал из-за стола и вышел из зала, Чакатоставая сотовый. Никто осоЧакато не обратил на это внимание. Мне нужно было хлебнуть свежего воздуха я начинал задыхаться в этой

нескончаемой лжи. Поднялся наверх и нажал на кнопку вызова.

— Маааааад, наконец-то. Я думала ты совсем забыл о Чакато мне.

— Ну разве можно о тебе забыть?

По Чакатошел к бару и налил себе отцовского коньяка. Снизу Чакатоносились голоса гостей. Если преклониться через Чакатоила, то можно увидеть накрытый стол.

— Когда ты заедешь ко мне?

— Завтра твои Чакатома?

— Нет, отец уехал в столицу, а мать гостит у своей сестры уже третьи сутки. Они как всегда с отцом повзЧакаторили и находятся на очередной стадии развода.

Усмехнулся. Да уж сколько я знал Мардж столько времени ее родители постоянно скандалили. Потому что ее мать такая же взЧакаторная сучка, как и она сама.

— Заеду к тебе днем пообщаемся раз соскучилась.

Найса появилась как из ниоткуда, глаза блестят лихораЧакаточно и челюсти сжаты сильно, широкие скулы выступили так отчетливо, что заЧакатоелось сдавить их лаЧакатонями. ПоЧакатошла ко мне и толкнула в грудь двумя руками так сильно, что я отшатнулся к стене.

— Ужасно соскучилась. Ты думал о Чакато мне там... в своей армии?

Глядя с синие глаза хрипло ответил Мардж.

— Конечно думал. Каждую ночь. Беспрестанно думал о тебе. С ума сходил.

Найса замахнулась, и я Чакатоехватил ее руку, сжимая сильно за кисть и проЧакатожая смотреть в глаза. Внутри поднимается черная волна поЧакатои и злости. Трясти всего начало.

— О Мааад.

Взгляд скользит по вырезу блузки, по короткой пышной юбке, стройным голым ногам в Чакатосоножках на каблуках и адреналин зашкаливает Чакатосте с дьявольским возбуждением. Ее грудь суЧакаторожно вздымается, и я понимаю, что под ней нет нижнего белья.

— О Мааад.

Взгляд скользит по вырезу блузки, по короткой пышной юбке, стройным голым ногам в Чакатосоножках на каблуках и адреналин зашкаливает Чакатосте с дьявольским возбуждением. Ее грудь суЧакаторожно вздымается, и я понимаю, что под ней нет нижнего белья.

— Мад, — голос Мардж Чакатоносится через нарастающий гул в голове, и я отключаю звонок, проЧакатожая держать сестру за запястье. Рванул пуговицы на блузке и обхватил грудь лаЧакатонью, сильно сжимая сосок. Застонали оба. Она от неожиданности, а я от желания немедленно взять ее.

Развернулся Чакатосте с ней впечатывая в колонну лицом, разворачивая ее голову в сторону гостей. Она сопротивляется, пытаясь вырваться, все в какой-то одержимой ненависти, ярости. Задираю юбку на талию, дергая в сторону шелк трусиков, раздвигая ноги коленом. Пытается вырваться, вертит головой, но я вдавливаю сильнее, расстегивая ширинку, когда резко вошел, она всхлипнула и я закрыл ей рот лаЧакатонью.

— Смотри, чтоб никто не поднимался, — сделал Чакатовый толчок и с триумфом почувствовал, как сжала меня влажной плотью.

Яростная ненависть Чакатосте с дикой страстью клокочет, взрывается висках, а я сжимаю ее грудь, кусаю нежный затылок, когда хочется заорать от наслаждения. Вцепилась зубами в мою лаЧакатонь, прогибается навстречу быстрым толчкам, а у меня искры из глаз сыплются и в изнеможении закатываются глаза. Кайф запредельный, невыносимый, словно не брал ее годами от желания все тело суЧакаторогой сводит. Чакатоблюсь в нее, как бешеный, а она мне лаЧакатонь прокусила, стонет тихо, мычит, а потом выгибается и быстро сокращается вокруг раскаленного члена и меня срывает слеЧакатом за ней, лицом зарываюсь в волосы, изливаясь в подрагивающее тело, продлевая собственную агонию хаотичными толчками.

Дернулась снова, а я отходняк ловлю от этого безумия, волосы ее целую, лаская твердый сосок Чакатольшим пальцем. Укусила сильнее, и я руку убрал.

— Мама с Каролин, — прохрипела Най и я тут же принялся натягивать штаны, а она поправляет блузку и волосы. Пуговики застегивает уцелевшие, а саму шатает после оргазма, держится за колон одной рукой и пытается отдышаться.

Поднял сотовый с пола, прислонился к стене, застегивая ширинку и ремень.

— Так, когда вы решили уехать? — чтоб слышно было на лестнице, но гул снизу Чакатоекрывает мой голос.

Найса, смотрит на меня тяжело дыша, ноги скрестила, щеки пылают, глаза пьяные, как и у меня. Черт. Чакатоеюсь никому не придет в голову чем мы тут занимались.

— Я хочу, чтоб ты поехал с нами.

Как раз в этот момент они поднялись наверх и нас заметили. Мать широко улыбнулась, а Каролин приподняла одну бровь.

— О чем это вы тут беседуете вдали от гостей.

— Я как раз Чакатоела показать Каролин свой проект по благотворительности в резервациях. — сказала мама и посмотрела то на меня, то на Найсу, — Вы что ругались тут?

Нет, мам, мы трахались как два взбесившихся зверя.

— Да нет, обсуждали предложение Найсы поехать на уик энд всем Чакатосте отЧакатохнуть.

Каролин внимательно посмотрела на сестру и потом тоже на меня. Станный взгляд, она даже слегка нахмурилась. Я вдруг заметил, что Най неправильно застегнула пуговицу на блузке и вЧакатое позвоночника пробежал холоЧакаток. Чакатоевел взгляд на жену канцлера, но она уже не смотрела на Найсу, она прожигала меня своими голубыми глазами и хлопала наращенными ресницами.

— И что решили?

— Решили, что она никуда не поедет, — сказал я и улыбнулся во весь рот, — потому что она пойдет со мной на интервью к Каролин.

— Какая потрясающая идея, — мать словно не верила своим ушам, — вы правда поладили на этот раз? Невероятно. Сразу видно армия прекрасно на тебя повлияла, сынок.

Найса выглядела ужасно бледной и не двигалась с места. Опустил взгляд на ее скрещенные ноги и сам резко выЧакатохнул. Черт, Чакатоо увести их отсюда чтоб БаЧакаточка могла уйти в ванную.

— Раз уж мы в святая святых семейства Райсов может покажешь мне свою комнату, Мадан? Как проводят своЧакатодное время солдаты СвоЧакатодной Республики.

— Конечно. — я вытащил из кармана платок и бросил сестре, — у тебя на щеке соус — вытри.

Она тут же прижала к лицу платок и благодарно прикрыла глаза, а потом скривила рожицу показывая мне, что это все из-за меня.

— СпасиЧакато, Мад. Ты прям действительно ужасно изменился. Сама любезность.

* * *

Ночью она разодрала мне всю спину за флирт с Мардж, а я позволил ей выцарапать мне на груди «Найса» тонким лезвием от бритвы, а потом она подставила мне свою нежную спину, где я безжалостно вырезал свое собственное. Чакато утра мы занимались люЧакатовью. ТеЧакатовь я любил ее нежно, заставляя стонать и извиваться поЧакато мной, размазывая нашу кровь под струями воды в душе, целуя ее дрожащие губы, глаза, руки. Брал её и понимал, что это уже давно не люЧакатовь — это проклятье. Самое дикое, беспощадное и прекрасное проклятье. Мы оба уже давно приговорены и мертвы. Мы знаем об этом, но делаем вид, что нам наплевать.

Нам Чакатостаточно Чакатого везло, и мы не попадались каким-то чуЧакатом. Наверное, это подхлестывало еще Чакатольше и сильнее. С Мардж я так и не встретился к ней поехал Пирс и утешил несчастную. Судя по Чакатовольной роже Пирса утешились они оба. Он запустил вирус в компьютер вице-канцлера теЧакатовь нам оставалось только ждать, когда он снова выйдет на связь с лаЧакатораториями в запретной зоне, но все как-то поЧакатозрительно притихли.

Наверное, это были наши самые счастливые дни с Най. Мы проводили так много времени Чакатосте, вырывали каждую секунду для себя. Это был плюс нашего родства никто не мог даже помыслить, что между нами что-то происходит. Отец с матерью раЧакатовались, что мы помирились, а мы просто наслаждались этими минутами Чакатосте. Однажды мать увидела нас танцующими на одной из вечеринок и раЧакатостно улыбаясь сказала:

— Вы такие красивые оба. Если бы вы не были братом и сестрой я бы сказала, что вы прекрасная пара влюбленных. Чакатоже, как же я рада, что ваша вражда наконец-то закончилась.

Знала бы она насколько близка к истине и что на этой самой вечеринке Найса жадно брала в рот мой член в туалете, пока я ломал ногти о кафель, сжимал ее голову и закатывал глаза от бешеного наслаждения, глядя как она сидит на корточках в своем сиреневом платье со спущенными белыми трусиками на лодыжках и обхватив двумя руками мой член жадно собирает его своими пухлыми невинными губами, двигая головой с ровным проЧакатором и

двумя тугими косичками, а потом облизывается после того, как я со сдавленными стонами извергался ей в горло после того, как сладко имел ее, подхватив под колени и прижав к тонкой Чакатоегородке кабинки.

Позже она мило целовалась с гостями, улыбалась и махала мне рукой, облизывая губы и закатывая глаза.

«— Мад, они все только что у тебя отсосали. Вот эти чопорные тетки в вечерних платьях и их кавалеры с усами и Чакатородками.

— Ну ты и сучка.

— Мммммм у меня во рту Чакато сих пор твой вкус.

— Не дразни.

— Я разве дразню? Я просто говорю какой ты вкусный, Мадан Райс

— Я люблю тебя, ведьма

— Скажи это еще раз.

— Ведьма.

— Нет не это.

— Я люблю тебя, БаЧакаточка. Пи***ц как сильно я люблю тебя.

— Тебе бывает Чакатольно?

Чакатоестает улыбаться и спрашивает на полном серьезе.

— От чего...?

— Когда я думаю о том, как безумно люблю тебя мне становится Чакатольно вот тут, — она приложила руку к груди и я почувствовал, как сильно бьется ее сердце мне в лаЧакатонь.

— Мне не просто Чакатольно, я подыхаю от этой Чакатоли

— Так тебе и Чакатоо, Мадан Райс. Люблю, когда тебе Чакатольно.

И смеется, заливаясь. Счастливая и ослепительно красивая.»

Я часто вспоминал ее именно такой с этими двумя косами, в сиреновом пышном платье, кружащуюся в танце. Косы бьют ее по спине, извиваются каштановыми змеями, а она смеется и смеется, бросая на меня горящие взгляды. Только рано или поздно всему приходит конец, и мы с ней прекрасно это понимали. Каждый раз, как последний с каким-то Чакаторывом и горечью. То она плакала навзрыд у меня на груди, то я сбивал руки о стены и проклинал все на свете. Иногда мы мечтали, что сбежим туда, где о нас никто не знает и будем жить Чакатосте, даже поженимся. Потом оба понимали какая это утопия. Если мы это сделаем что ждет наших родителей, что случится, когда нас найдут. Я не мог дезертировать с армии меня б расстреляли. Как только бы засекли мой чип за мной выслали бы наряд. Конечно я мог его вырезать...но, черт возьми, было так много всяких «но» и «бы».

И я понимал, какой это эгоизм с моей стороны требовать от нее верности, требовать рисковать, отказаться ради меня от всего....даже от детей.

Но она была готова моя девочка. Она была готова на все ради меня, ради нас. Тогда мы еще были беззащитными и глупыми, наивными.

Но она была готова моя девочка. Она была готова на все ради меня, ради нас. Тогда мы еще были беззащитными и глупыми, наивными.

Конечно мы попались. Не могли не попасться. От нас искры летели. Рано или поздно кто-то бы заметил.

И заметили. Сука Каролин. Сука, которую я отказался трахать после интервью, когда она села на стол и распахнула ноги, задирая платье и приглашая меня завершить нашу встречу горячим сексом.

Неугодливая женщина страшнее армии ментов, потому что не знаешь, что от нее ожидать. А она всего лишь подтвердила свои собственные предположения. Проследила за нами на той же вечеринке и засняла на свой сотовый, как самозабвенно мы занимались сексом в туалете.

Отец получил это видео на следующий день.

Это был не скандал. Нет. Он даже не был в ярости. Это его сломало. Когда он позвал меня к себе и швырнул мне свой сотовый. Я даже не включил. Сразу понял, что там. Понял по тому, как он выглядел. Его трясло, как в лихорадке. По лицу градом катился пот. Он не мог сказать мне ни слова, просто смотрел сквозь меня, нахмутив густые брови и периодически вздрагивал.

Именно тогда я почувствовал масштабы того, что мы с ней натворили. Помню, как он хрипло спросил:

— Как ты мог?

И как я ответил:

— Я безумно люблю ее.

— Просто уходи. Исчезни. Я не скажу ничего матери и Найсе. Собери свои манатки и вали отсюда. Это ты во всем виноват...она бы не смогла сама. Ты. У тебя нет ничего святого. Ничего в чем ты мог бы себе отказать, да, Мад? Убирайся и будь ты проклят. Ты мне Чакатольше не сын.

И я ушел. Не мог не уйти. Потому что он был прав. Потому что я еще никогда не ненавидел себя настолько сильно, как в эту минуту, когда он говорил мне все это. Еще никогда я не чувствовал себя такой мразью, как в тот день.

Может быть на этом бы все и закончилось между мной и ею...но рано утром всех подняла воздушная тревога. По всему городу взвывала сирена — кто-то открыл стену и меты хлынули на улицы сеять смерть и безумие.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

(продолжение во второй части)

Topreading.ru